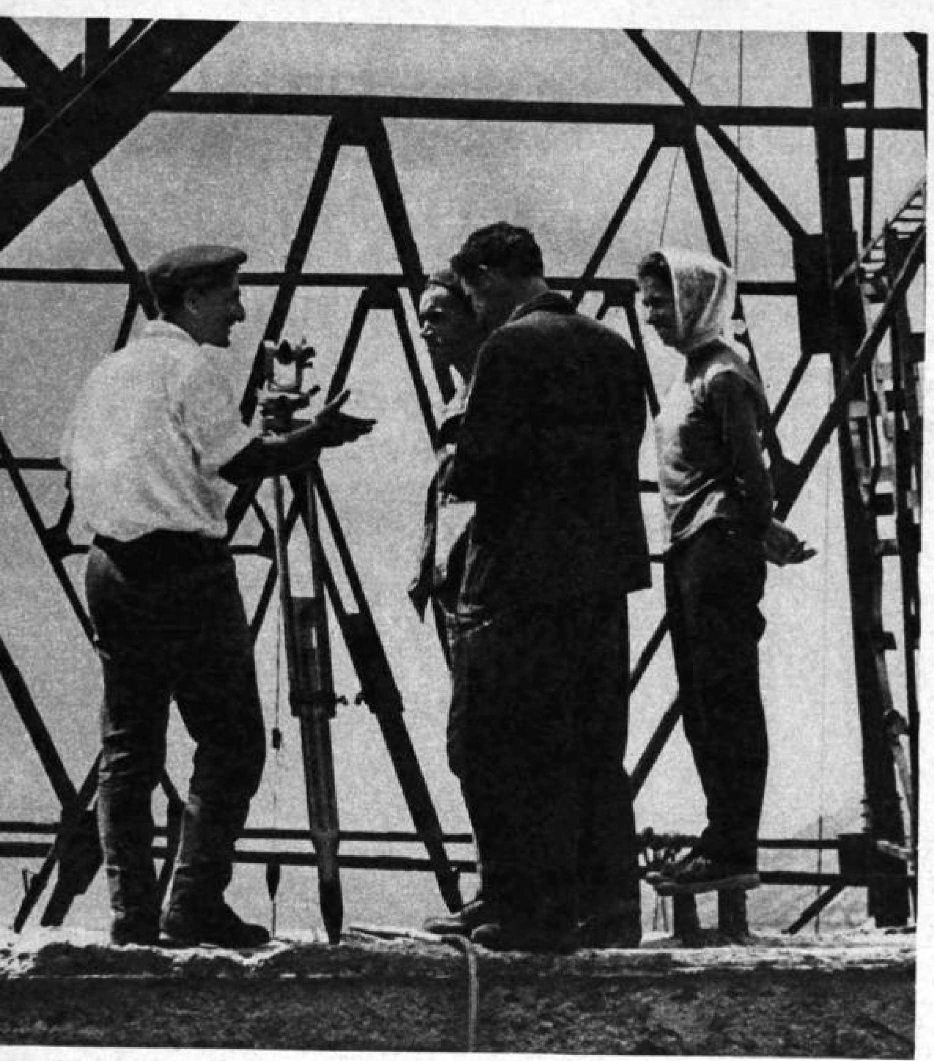

ОГОНЁК
№ 33 АВГУСТ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

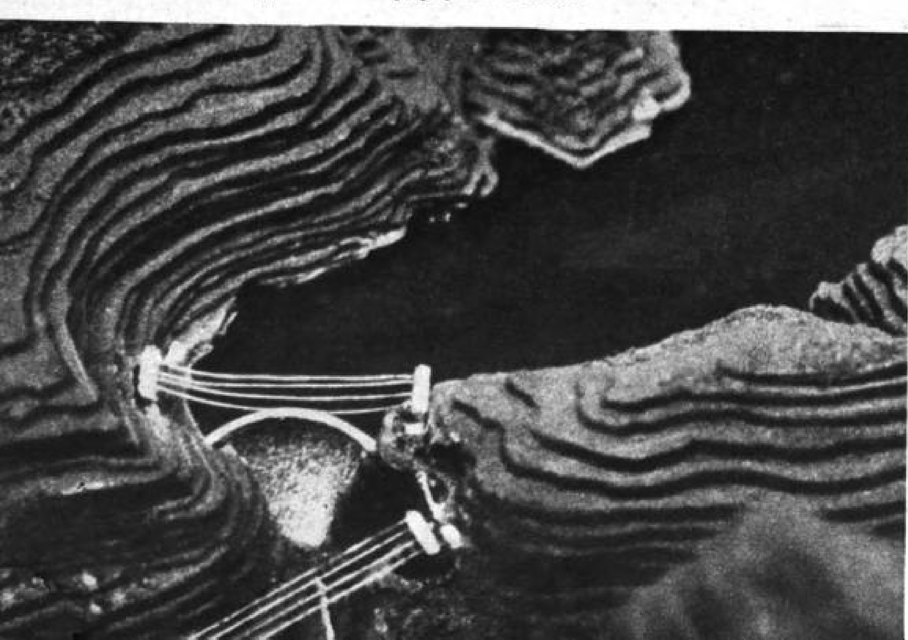

Тоннели, тоннели.

Маркшейдеры.

Так выглядит макет будущей плотины.

Четырнадцать Онианн спустились с гор, чтобы строить Ингурскую ГЭС.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ОНИАНИ СПУСТИЛИСЬ С ГОР...

«Ввести в действие первые очереди Ингурской... ГЭС».

(Из Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану).

Ия МЕСХИ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

ИНГУРСКИЕ КОНТРАСТЫ

Слабым ручейком возникает Ингури у подножия закованной во льды вершины. Но уже через несколько шагов пенится и гремит камнями. У первого же горного села Ушгули от нее стоит такой рев, что с берега на берег — метров пять! — нельзя перекинуться словом. Зато все остальное, кроме реки, здесь строго, степенно, молчаливо. Молчаливы высокие, вечно снежные горы, старинные каменные башни, дикие туры. Молчаливы люди.

Внизу же все наоборот. Внизу река тихая, а люди... Дай бог каждому столько энергии, подвижности! Вверху — Сванетия. Внизу — Мингрелия.

Главный мингрельский городок — Зугдиди. Можно влюбиться в него, до того он зеленый, веселый и неожиданный. Неожиданно дал миру шахматную королеву Нону Гаприндашвили. Впрочем, может быть, и не так неожиданно, если помнить, что Нонин земляк Андрей Дадиани еще в 1906 году получил диплом за участие в международном шахматном первенстве в Милане.

Но уж совсем неожиданным кажется появление в начале этого века зугдидца Виссариона Кебурия во французской школе пилотов. Он стал первым грузинским летчиком. Между прочим, из этих же мест и первая грузинская летчица Русико Жордания. Можете узреть Русико сегодня на Зугдидском аэродроме в качестве начальника, услышать ее командирский голосок.

Русико начала летать в 1935 году. Наверху, в горах, в то время стреляли туров, а отсюда, снизу, прокладывалась первая колесная дорога и первая авиалиния в центр Верхней Сванетии. Наверху весь транспорт передвигался на полозьях, зимой — по снегу, летом — по альпийской траве. Сваны в те недавние времена еще не видели ни одного колеса. Удивительные вещи творились на одной и той же небольшой реке!

А в каком современном городе вы можете увидеть старинный фаэтон? А в Зугдиди он есть. На облучке — старик в башлыке, а в коляске — прелестная незнакомка медленно поспешает на рынок. И это не экзотики ради. Просто Серго Матуа, которому уже пошел 86-й год, не может расстаться со своим ремеслом, а люди поддерживают его. Почему не поддержать? И почему не улыбнуться лишний раз?

Или такое — маска Наполеона Бонапарта. Доподлинный слепок, снятый с лица усопшего императора. Очутился он в Зугдиди вместе с другими вещами сестры Наполеона, Каролины. Она была замужем за наполеоновским маршалом Иоахимом Мюратом, а ее внук, принц Ашил Мюрат, женился на Саломэ, дочери последнего мингрельского князя. Семья Ашила переехала в Зугдиди и довольно успешно занялась производством и торговлей вина. Ашил умер в 1895 году. А недавно в книге гостей Зугдидского краевого музея появилась запись на французском языке: «Принц Ашил Мюрат. 1 сентября 1965 года». Это визит из Франции внука того Мюрата, тоже Ашила.

В этом маленьком городке все время происходит что-то из ряда вон выходящее. Два месяца назад вдруг забил горячий фонтан. На поверхность из большой глубины вышла вода температурой 91 градус. Что будут с ней делать зугдидцы? Лечиться? Обогреваться? Устроят громадные парники?

А в горах — тишина. Далеко наверху ходят с альпенштоками мужественные и гордые сваны. И не-

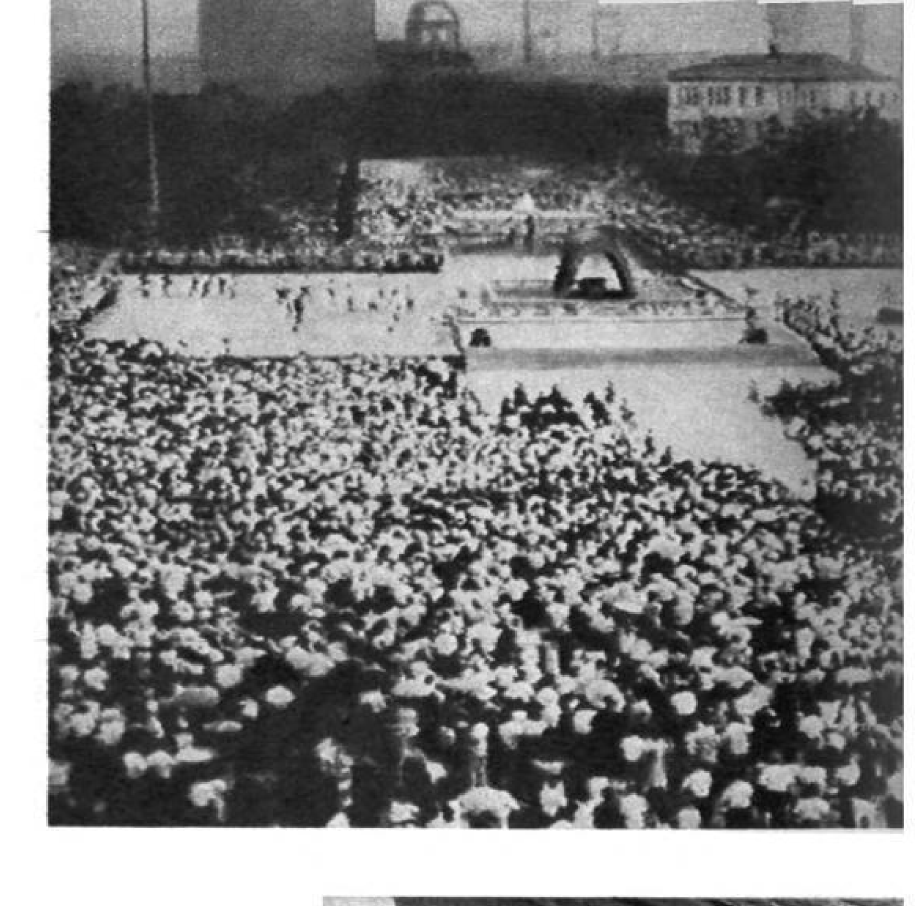
Грузинским строителям помогают мощные минские самосвалы...

А внизу, в Зугдиди, вы можете увидеть фаэтон Серго Матуа.

На трибуне — первый секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии, Председатель Совета Министров НРБ Тодор Живков. Он выступает на торжественном митинге, посвященном 75-летию Болгарской коммунистической партии. Этот митинг состоялся на вершине Бузлуджа в горах Стара-Планина, там, где 75 лет назад проходил учредительный съезд социал-демократической партии Болгарии, преемницей которой стала БКП.

Этот снимок — еще одно свидетельство бесчинств американских расистов. Он был сделан в Чикаго в то время, когда там проходил марш протеста против расовой дискриминации. В участников демонстрации, среди которых был известный негритянский лидер лауреат Нобелевской премии мира Мартин Лютер Кинг, полетели камни, бутылки. Озверевшая толпа расистов на глазах полиции расправлялась с демонстрантами, переворачивала их машины.

127 суток не видел дневного света англичанин Дэвид Лэфферти, установивший недавно новый рекорд пребывания под землей. Он находился в пещере под горой Мендип Хиллс (Англия) с 27 марта по 1 августа. Прежний рекорд принадлежал французу Антуану Сенни и равнялся 125 дням.

Как показали первые результаты медицинского обследования, бывший разведчик британских ВВС Дэвид Лэфферти чувствует себя нормально.

сколько иронически посматривают вниз: к чему, мол, весь этот муравейник? А нижний сосед, хотя и испытывает уважение к таинственной и суровой жизни наверху, все же считает верхнего увальнем и неисправимым домоседом.

И надо же, чтоб именно здесь, на стыке двух «этажей», где Ингури, прощаясь с горами, выкатывается на долину, столкнулись, слились, спаялись воедино сила и гибкость, хладнокровие и горячность, настойчивость и острота. Нашлось на Ингури одно общее, большое дело. И тоже удивительное...

СИБИРЯЧКА НА КАВКАЗЕ

В Зугдиди, в кабинете начальника ингурской стройки Вахтанга Георгиевича Нижарадзе, висит рельефная карта. Вершины Центрального Кавказа здесь можно потрогать руками. Ингури похожа на мышиный хвост. И пока ей приходится извиваться в тесноте глубоких ущелий, нет в ней никакой солидности.

А вот знакомое мне село Хаиши. От него до Колхидской низменности еще четверть горной дороги. Здесь, на карте, этой дороги уже нет. Вместо нее большое горное озеро.

Значит, запруда? Да, запруда. Плотина и водохранилище. И дальше — горный тоннель, по которому Ингури пройдет, чтобы пасть в громадную подземную пещеру с электрическими машинами. Оказалось, что маленькая река таит в себе большие запасы энергии и может хорошо послужить людям. Почти как Волга.

Гора, по которой отводится в тоннеле Ингури, позволит сбрасывать на лопасти турбин поток огромного напора. Не растратив себя до конца, этот поток проследует на вторую, перепадную станцию. И дальше, на отводящем канале, покрутит мимоходом турбины еще трех небольших ГЭС, равных каждая старушке ЗАГЭС.

Словом, люди подсчитали, что из Ингури в результате некоторых манипуляций можно выжать более миллиона шестисот тысяч киловатт электроэнергии — всего на 700 тысяч киловатт меньше, чем дает Волжская ГЭС имени В. И. Ленина. Такой гидроузел не приходилось строить в горах никогда.

Перед строителями встала проблема добычи астрономических количеств гравия и песка. Где их взять? Кругом скалы. Остается пойма реки. Но никакие обычно применяемые механизмы не в состоянии добывать быстро и много гравия и песка. Тогда появилась идея: попробовать драгу — инструмент золотодобытчиков. Драга сможет своими огромными черпаками извлекать грунт с двенадцатиметровой глубины и перерабатывать в час до 300 кубометров породы.

И вот сибирячка-драга на Ингури. Мощный пятиэтажный корабль стоит на понтонах и орудует своими ковшами. На берегу — россыпи породы. Забирай и делай дешевый бетон. Но самое удивительное впереди. Вместе с гравием и песком драга стала поднимать со дна Ингури крупинки золота. Правда, его очень мало пока, но все же оно есть! Неплохое дополнение к инертным материалам и неплохая золоторазведка боем.

В ГОСТЯХ У ХОЗЯИНА АРКИ

Нодар Эмухвари показывал мне это предгорное плато года три назад. Здесь стояло несколько домов. В маленьком бараке открылась первая пекарня. Мы ездили по старой сванской дороге, смотрели еще почти девственный каньон, в котором должна стать плотина. Стройка только начиналась. Все кругом еще казалось зыбким, расплывчатым, нереальным.

Прямо в пекарне мы с аппетитом поедали теплый хлеб, и Нодар приговаривал:

— Хватит! Достаточно мы помаялись на строительстве Храмской ГЭС. Жили, как черти, без света, без воды. Хлеб таскали в поселок в мешках, на своем горбу. Здесь будет по-другому...

И вот я уже вижу хороший поселок Джваризени. К нему проложена железнодорожная ветка из Зугдиди. Добротные каменные дома, над улицами нагнулись лампионы.

Здесь живут плотиностроители. Нодар Эмухвари над ними начальник. Тут строят самую высотную в мире арочную плотину. Сейчас подготовка к сооружению плотины развернулась вовсю: Ингури перекрыта, упругая ее струна пошла в обход, по тоннелю. Открылся котлован.

Начальник «Плотинстроя» встает рано утром. Горный поселок уже залит солнцем. Каковы планы на сегодня? Проверить взрывников? Посмотреть, что делается на строительстве канаток, или двинуть по 11-й дороге к разгрузочной площадке?

По 11-й дороге мы едем вместе. 11-я — это начало нового сван-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 33 (2042)

14 АВГУСТА 1966

ФОТО ГЛОБУС

ОГОНЁК

Фото ТАСС, ЮПИ.

◀ Эти два снимка сделаны на разных континентах. Первый — в Японии. Около 30 тысяч человек собралось 6 августа в Парке мира у памятника жертвам атомной бомбардировки в Хиросиме, чтобы почтить память погибших 6 августа 1945 года.

Второй снимок сделан в Нью-Йорке. Здесь также состоялась грандиозная демонстрация в связи с 21-й годовщиной хиросимской трагедии. И в Америке и в Японии люди требуют, чтобы атомный кошмар никогда больше не повторился. И в Америке и в Японии люди требуют, чтобы прекратились преступления, творимые сейчас на земле Вьетнама американскими оккупантами.

Об опасности, которую несет миру война во Вьетнаме, говорил мэр Хиросимы Хамаи.

«Вывести войска из Вьетнама», «Прекратить бомбардировки», «Предоставить Вьетнаму самоопределение» — написано на плакатах демонстрантов в Нью-Йорке. ▶

●

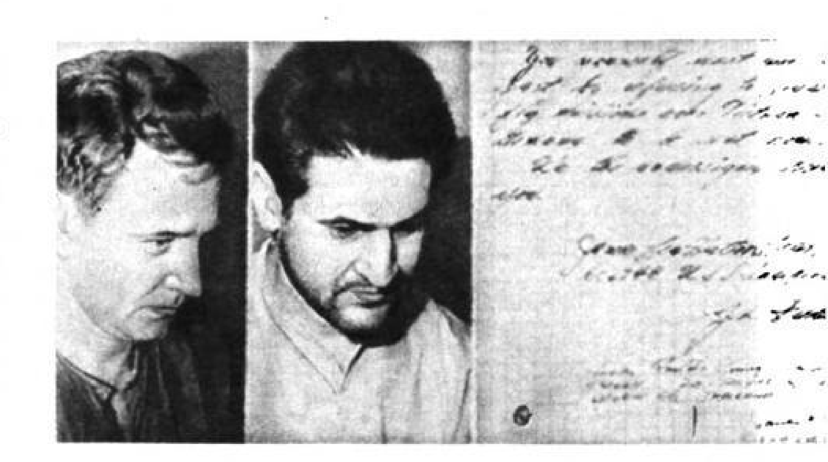
Американский боксер-тяжеловес, чемпион мира Мухаммед Али (Кассиус Клей) — на снимке справа — одержал победу во встрече с англичанином Брайаном Лондоном, которая состоялась недавно в британской столице. Мухаммед Али выиграл бой на второй минуте третьего раунда и сохранил за собой чемпионский титул.

Больше 1 300 американских стервятников сбито в небе ДРВ. Среди тех, кто пилотировал машины со смертоносным грузом, предназначенным для мирных городов и сел ДРВ, были американские летчики Джеймс Хаттонс (справа), офицер с авианосца «Индепенденс», и Джеймс Янг, майор ВВС с базы в Таиланде. Их самолеты были сбиты над территорией ДРВ, а Хаттонс и Янг попали в плен.

Недавно в газете «Нян Зан» было опубликовано их открытое письмо к американским солдатам, участвующим в агрессивной войне против Вьетнама. Летчики призывают всех американских военнослужащих отказаться воевать во Вьетнаме и потребовать отправки на родину.

●

ского пути, который пройдет вдоль будущего моря до Хаиши и дальше, в центр Верхней Сванетии. Пока дорога доходит лишь до гребня будущей плотины. Начальник «Плотинстроя» ведет нас на площадку, ради которой здесь было взорвано и спущено в ущелье полтора миллиона кубометров скал. Тут будут приготовлять бетон. Уже стоят опоры четырех канатных дорог. На четыре с половиной километра протянутся стальные тросы вниз, к обогатительной фабрике, откуда из добытой драгой породы поднимут наверх фракции для бетона. Над створом плотины сейчас шныряет по канатке маленькая рабочая клеть. А когда с площадки пойдет большой бетон, здесь будут непрерывно двигаться четыре кабелькрана и укладывать бетон в тело плотины. Надо уложить 4 миллиона кубометров бетона. И тогда она поднимется на высоту почти стоэтажного небоскреба, уляжется гигантской аркой поперек реки.

Для нее, для этой арки, в Рустави готовится специальный ингурский гидротехнический цемент. Для нее в Тбилиси, в институте имени академика А. Винтера, испытывается большая модель ингурской плотины на сейсмостойкость. Для нее на соседней реке уже несколько лет существует арочная плотина в четыре раза меньше будущей Ингурской, и приборы, вмонтированные в ее плоть, рассказывают о том, как она себя чувствует.

Все для нее, для ингурской арки. И горы, ободранные, израненные взрывами, исполосованные дорогами (только вокруг плотины строятся 12 горных дорог!), — тоже для нее.

Знакомлюсь с помощником начальника по буро-взрывным работам Борисом Кирия. Его увлечение — палеонтология. Ходит с отверткой, ковыряет глыбы рыхлого известняка, ищет следы ракушек, окаменевших червяков. Это, как он говорит, документы бывшего здесь когда-то моря. Бывшее и будущее... А между ними вот это развороченное, грохочущее, масштабное сегодня. Конечно, израненные горы быстро зарастут кустарником, все пригладится, все примет вполне цивильный вид. Но почему-то именно сейчас, в таком вот виде особенно мила эта возмущенная дерзкими людьми горная страна.

ДЖОКИА И ЕЩЕ ТРИНАДЦАТЬ ОНИАНИ

Его зовут Джокиа, фамилия — Ониани. Человек средних лет. У него яркие голубые глаза. Попробуйте выжать из него хотя бы словечком больше того, что он считает нужным сказать!

В прошлом году его пригласили выступить по радио. О чем же он говорил тогда? Как о чем? Конечно, о своих ребятах и о том, что они не подкачают, сделают для стройки все, что нужно, и сделают хорошо.

Все? Да, все...

— А кто эти ребята?

— Все, как и я, сваны. И все Ониани.

— Родственники?

— Почему родственники? Есть, конечно, отец с сыном, есть два брата. Но вообще просто из одного села.

— Село называется...

— Сасаши. Са-са-ши...

Оказывается, Сасаши — очень красивое и большое село. 175 домов. Колхоз. Но ехать домой сложно. Ехать надо не по Ингури, а в объезд, через горную Рачу. А ему, Джокиа, приходится ездить в Сасаши время от времени. У него ведь такая бригада — поработают и просятся на несколько месяцев домой: помочь колхозу, семье. Но бригада от этого не должна страдать! Значит, надо взамен привезти других Ониани. Такой есть негласный уговор, что Сасаши будет строить Ингурскую ГЭС от начала до конца.

Бригада работает у Джокиа уже 18 месяцев. А сам Джокиа года четыре на стройке. Что же он делал до стройки?

— Ха!!! Всю Мингрелию обошел задним ходом!..

Это значит, что он ходил на заработки. Если у человека большая семья, в Сасаши много не заработаешь. Больше полугода Сванетия под глубоким снегом, и кто хочет заработать, спускается в теплые долины. Но сваны есть сваны. Им не оторваться от своих гор. Временно — пожалуйста. А насовсем — нет уж... Вот начнет работать Ингурская ГЭС, и Сванетия вздохнет посвободнее — будет больше электричества, больше дорог. А пока надо строить.

Где же работают четырнадцать Ониани?

Где придется, где всего трудней. То бетонируют, то ставят на скалах опоры, то роют и ворочают глыбы. В горах не везде применишь механизмы. Здесь порой на вес золота человеческая рука. Сильная рука.

Весь этот разговор происходит в новом горном поселке Эрис-Цкали, в управлении «Тоннельстроя». Тут прокладывается шестнадцатикилометровое русло для Ингури, по которому она устремится в первый подземный машинный зал.

Потом мы едем с Джокиа на участок к остальным Ониани, и он просит не отвлекать ребят надолго. У них много работы, и еще не было случая, чтоб они не выполнили ее в срок. И вот все четырнадцать перед нами. Джокиа — самый старший. Юнцы — Демури и Юра. Потом следуют молодые орлы — Отари, Григоли, Амберги, Анзори, Эджа. Под тридцать Мурману, Гоги и Гузбе. За тридцать Михаилу, Даниилу, Алеше.

Мы просим их сфотографироваться вместе. Четырнадцать однофамильцев-односельчан — хорошая страничка в истории стройки. Они фотографируются с большим достоинством, потому что понимают: это — тоже дело. Хорошие, настоящие люди, соль этой красивой земли...

Последняя ночь моего ребенка во Вьетнаме

Эйвин БОЛСТАД
(Норвегия)

Мое дитя погребено в руинах...
Я слышу крик его!
Встаю
перед гигантской дымною горой развалин.
Раскидываю камни!
Они
не поддаются рукам моим дрожащим...
Ребенок мой зовет меня
домашним именем привычным —
весь ад страданий в этом голоске!
А люди торопливо пробегают мимо —
они меня не видят...

Кричу я в эти каменные глыбы,
шепчу, пою — да, да, пою
ту песню мирных дней...
Смеюсь!!
И стискиваю зубы пред камнями.
Кровь оглушающим потоком
проносится через гортань,
захлестывает легкие,
и голос
на миг становится спокойным,
как будто впрямь ребенку моему
несет он помощь, нежность;
как будто вправду в этой муке мук
нам дан короткий миг покоя!

Руками снова разгребаю головни,
покуда пальцы сами, как кости черные,
светиться начинают,
а я не чувствую!
Все говорю, все говорю — навстречу крику,
идущему оттуда, из детских уст, в последней муке!
Хрипя, мое он повторяет имя, хрипя... хрипя...
И крик смолкает.

И тут впервые я замечаю людей,
их черные фигуры: миллионы
пред морем пламени...

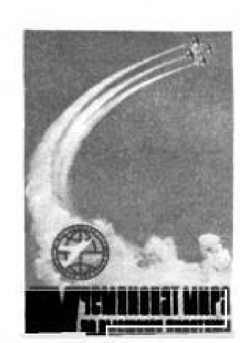
И тут впервые понимаю, что стряслось на свете:
ребенок мой — одна из жертв бессчетных Пентагона,
и птицы черные сменили крест паучий
на новый знак,
и снова жаждут мир разрушить,
чтобы заокеанский «сверхчеловек»
мог утолить всю ненависть к чужой свободе
и воцариться надо всем живым.
Вьетнам — сегодня!
Европа — завтра!

Берген.

Перевел Александр НАУМОВ.

На празднике в честь открытия выступили воздушные гимнасты.

В небе, над зеленым ковром Тушинского аэродрома в Москве, непрерывно гудят моторы. IV чемпионат мира по воздушной акробатике. Лучшие асы планеты оспаривают почетный титул и главный переходящий приз — Кубок Нестерова — русского летчика, который первым выполнил «мертвую петлю». Возле стоянки самолетов — флаги пятнадцати стран — участниц соревнований: Австралии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Польши, ГДР, Румынии, Испании, Швейцарии, Франции, ФРГ, ЧССР, США, Югославии, СССР.

Уже на празднике в честь открытия чемпионата, где некоторые наши и зарубежные спортсмены показали свое мастерство, стало ясно, что борьба на голубой арене будет упорной.

— Посмотрите, как четко они пилотируют! — восторгался присутствовавший на празднике министр гражданской авиации Евгений Федорович Логинов — сам отличный пилот.— Со времени прошлого чемпионата мастерство спортсменов возросло, а главное, значительно увеличилось число участников.

Первый день соревнований подтвердил эти слова. На воздушной арене зрители увидели захватывающую борьбу. Первым поднял свой самолет абсолютный чемпион мира испанец Кастаньо и выполнил обязательное упражнение: пятнадцать фигур. Девять прямых, шесть обратных, когда самолет летит вверх колесами и летчик пилотирует, зависнув в кабине на ремнях вниз головой.

Фигуры высшего пилотажа следовали каскадом одна за другой. Самолет то поднимался под углом 45 градусов и вращался вокруг своей продольной оси, выполняя «бочку на горке», то стремительно мчался к земле, а затем снова уходил в голубую высь. С земли за ним зорко наблюдали придирчивые судьи, замечая малейшую неточность.

Да и зрители у нас взыскательные.

— Чемпион мира мог бы пилотировать с бо́льшим блеском,— заявляет мой сосед, пожилой человек со старинным морским биноклем в руках.— Я не летчик, но еще в тысяча девятьсот одиннадцатом летал пассажиром с известным пилотом Уточкиным. В мое время самой сложной фигурой была «мертвая петля», а теперь ее даже женщины легко выполняют.

На чемпионате женщины легко выполняли все сложные упражнения. Мастер спорта Людмила Васильева, летчик-инструктор Центрального аэроклуба, в первый день соревнований набрала 4 145 баллов, опередив многих мужчин. Удачно взяли старт и другие советские спортсмены: В. Мартемьянов, А. Пименов, В. Овсянкин, В. Пискунов... Из иностранных пилотов только Кастаньо набрал более четырех тысяч баллов. Но получить звание лучшего аса мира мечтают все 64 участника чемпионата.

А. ГОДИНОВ

Фото Л. Бородулина.

Торжественное открытие IV чемпионата мира по высшему пилотажу. Флаг поднимают мастера спорта Галина Соловьева и Владимир Мартемьянов.

Дедушка русской авиации Б. И. Россинский и молодой самолетостроитель, аспирант МАИ Сергей Яковлев.

Зрители наблюдают за выступлениями воздушных спортсменов.

НА-ВОЗДУХ

18 АВГУСТА — ДЕНЬ ВОЗДУШНОГО ФЛОТА СССР

«САМОЛЕТ ПО-РАКЕТНОМУ»

Думается, что если хорошенько порыться в архивах, отряхнуть пыль со старинных грамот и приказов, как говорится, «поднять документы», можно будет установить, кто первым приказал молодым воинам: «Пеший по-конному!»

Сейчас нас не интересует точная дата этого события, но, действительно, с некоторых пор кавалеристы, прежде чем ринуться в лихую атаку, начали отрабатывать строевые приемы и приемы боя не на коне, а в пешем строю.

Прошло время, и вот уже появилось понятие «пеший по-автомобильному», «пеший по-танковому». Наконец, даже летчики пошли по аэродрому в строю «пеший по-летному». В таких вот исторически сложившихся условиях теперь уже просится на язык: «самолет по-ракетному».

Известно, что самолет-истребитель, обладающий небольшим крылом, должен на разбеге достигнуть значительной скорости, чтобы это крыло могло его поднять и держать в воздухе. Такую скорость самолет набирает только на достаточно длинной взлетной полосе. Но ведь истребитель — машина военная. Тактика боя все время совершенствуется. И может случиться так, что придется взлетать с поврежденной, укороченной полосы, а то и вовсе с необорудованной грунтовой площадки. Тут-то и пришла ракета на помощь самолету.

...Мы на аэродроме Н-ской части. Сейчас нам представится возможность увидеть все своими глазами. Счет времени идет на секунды. Круто вверх вырывается сверкающий, как слиток раскаленного металла, самолет, извергая струи огня. Он почти растворился в синеве, когда на поле упали уже ненужные, отработавшие ускорители.

Полет недолог. Кажется, всего лишь минуту назад аэродром от края до края был охвачен ревом турбин. А теперь затих. И техники спокойными движениями гасят чехлами золотистые, солнечные блики на дюрале самолета.

Валерий Минеев, военный летчик первого класса, сняв защитный шлем, немногословно рассказывает о полете:

— В первые секунды разбега ощущал значительную перегрузку. Зато после того, как отработали ускорители, казалось, что двигатель остановился и самолет замер на месте. Наступил момент успокоения и тишины, но ненадолго: ведь надо лететь дальше.

Закончился еще один будничный летный день на Н-ском аэродроме.

Г. МАКАРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора.

Военный летчик первого класса гвардии капитан Валерий Минеев после полета.

А. ТАМБИЕВ,
кандидат биологических наук

Грани живого

«ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ СТАНЦИИ» КЛЕТОК
❋ НОВЫЕ ВИДЫ БАКТЕРИЙ
❋ КРИСТАЛЛЫ... БЕЛКА.

Возьмите огурец и порежьте его на дольки. Это легко сделать, не правда ли? А если бы огурец уменьшился до размеров бактерии — тысячной доли миллиметра, и нарезать его нужно было на дольки толщиной в одну миллионную? Это уже почти на грани возможного.

А вот современный ученый-цитолог может взять одну бактерию и сделать с нее срез именно такой толщины. Для этого он заливает бактерию полимеризующимся раствором и режет ультрамикротомом. Такой срез становится прозрачным для пучка электронов, который не пробил бы целую бактерию, и его можно рассматривать в электронный микроскоп.

Микробы — излюбленный объект для исследований ученых самых различных специальностей, вот почему такой широкой была дискуссия на недавно закончившемся Международном конгрессе микробиологов в Москве. Действительно, микробы — объект, устроенный проще, чем высшие организмы, но для него так же строго соблюдаются основные законы жизни. Объект, который легко культивировать и изучать на протяжении многих поколений. А при изучении, например, анаэробиоза — жизни в бескислородной среде, синтеза белка или эволюции ядра микробы просто незаменимы.

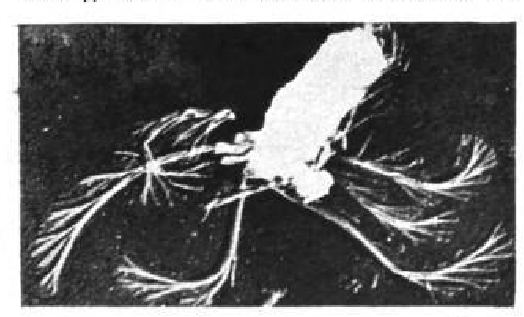
Огромное, неповторимое значение имеют микробы для жизни на Земле. На их «плечах» держится фундамент живого — круговорот азота и углерода в природе. Им подвластно брожение и гниение, распад органических остатков и почвообразование.

С одной стороны, они наши друзья и союзники, давшие в руки человека такое мощное оружие, как антибиотики, а с другой — они являются возбудителями громадного большинства болезней.

С помощью микробов человек получает такие дефицитные продукты, как аминокислоты, в том числе и незаменимые для построения человеческой клетки, а кроме того, уксусную, лимонную кислоту, белки, ферменты и много других соединений.

В успехах цитологии — науки о клетке,— как в призме, отразились достижения огромной науки о микробах. Сейчас цитологи объединяются в работе вместе с биохимиками и стараются описать на молекулярном уровне то, что они видят в свои превосходные микроскопы.

Огромный интерес у ученых различных областей вызывают митохондрии — клеточные образования, которые мы находим у высших организмов. Их с полным правом можно назвать «энергетическими станциями» живого на Земле. Коэффициент полезного действия этих станций достигает величины, немыслимой для современной техники.

Цитологов и биохимиков чрезвычайно волнуют вопросы: какие образования в клетке бактерий соответствуют митохондриям и также являются поставщиками энергии? Одинаково ли построены «энергетические станции» у высших и у низших организмов? Можно ли из одних и тех же кирпичей построить станцию и для крупной клетки млекопитающих и для мельчайшей бактериальной клетки?

Приблизиться к решению этой проблемы помогают работы, проведенные сотрудником Института молекулярной биологии АН СССР В. И. Бирюзовой. Ее группе удалось показать, что внутриклеточные мембраны у бактерий по своим основным свойствам весьма похожи на митохондрии, выделенные из клеток высших животных. На всей поверхности срезанной мембраны удалось наблюдать маленькие грибки, похожие на части митохондрий высших животных. Размер головки такого грибка не более 80 десятимиллионных долей миллиметра.

Чрезвычайно интересен вопрос об образовании спор у бактерий. Спора — это своеобразная жизненная пружина, заключенная в настолько мощную оболочку, что ей не страшны ни высушивание, ни прогревание, ни космический холод. Спора готова к прыжку в будущее поколение, пружина развернется, едва только попадет в благоприятные условия.

Член-корреспондент АН СССР Н. А. Красильников вместе с В. Дуда подробно изучал вопрос спорообразования у анаэробных бактерий, живущих без кислорода. В процессе работы из почвы было выделено значительное количество новых, еще не описанных в науке видов анаэробов. Но, что особенно интересно, ученые обнаружили на их спорах разнообразные выросты. Их строение оказалось настолько характерным, что по виду выростов можно определять виды бактерий. Портреты таких спор с выростами вы видите на фотографиях.

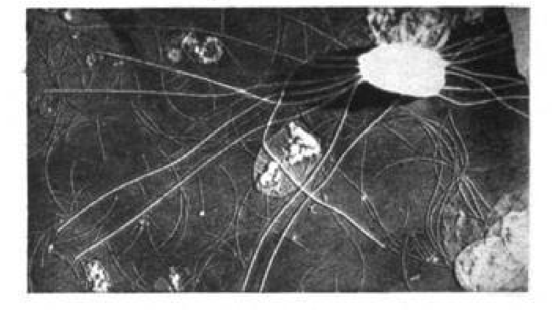
Цитологи, работая с электронным микроскопом, сейчас заливают объект исследования веществом, содержащим атомы тяжелых металлов. Это делает окружающий фон непрозрачным для электронов и резко повышает контрастность снимка. Удается разглядеть то, что было скрыто от наблюдателей.

Применив такой прием, удалось показать, что выросты спор представляют собой микротрубочки, состоящие из спирально упакованных шариков, по всей вероятности, отдельных молекул. В стороны от трубочек отходят волоски, как мехом укутывающие трубочку, соизмеримые по своему размеру с биологическими макромолекулами.

Где проходит граница живого и неживого, граница между сложнейшей биологической молекулой и кристаллом? Первым вирусом, полученным в кристаллическом состоянии, был вирус табачной мозаики, затем это же удалось сделать с другими растительными и животными вирусами.

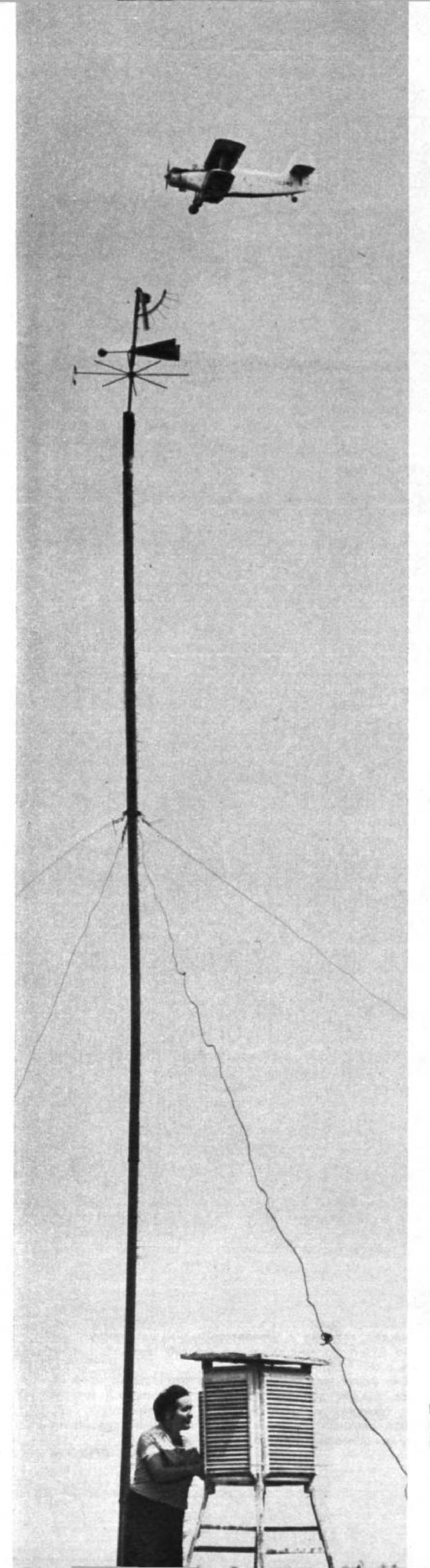
Перевод живого в кристалл замечателен тем, что становится возможным изучить его методами физики и химии, в частности, с помощью рентгеноструктурного анализа.

Если исследования провести на примере сократительного белка, то станет возможным рассмотреть на молекулярном уровне процессы движения, которые являются таким же необходимым свойством живого, как, скажем, обмен с внешней средой. Такую общую задачу поставили перед собой сотрудники Московского и Ленинградского университетов Б. В. Поглазов, С. Н. Борхсениус и другие.

Им удалось показать, что при определенных условиях сократительный белок может образовывать ограненные кристаллы.

Подобные работы постепенно стирают грани между живым и неживым, приближают ученых к разгадке сущности жизни. Может быть, это произойдет на таких сложно устроенных макромолекулах, какими являются вирусы. Это будет решением проблемы, над которой бьются ученые многих поколений.

КАСИМОВ, АЭРОПОРТ

А. БОЧИНИН, О. КУПРИН

Погода будет отличная. И летчикам хорошо и колхозу имени Калинина.

Забыли коляску.

— Куда так торопитесь, бабуся?

— Я-то? В Рязань.

— А зачем самолетом? Сели бы на теплоход. Денек прокатились бы. Как хорошо!

— Стара я время-то терять. Пусть молодые пароходом ездят.

Разговор этот мы услышали в Касимовском аэропорту.

Меж скамеек, на которых отдыхали пассажиры, сновали куры и важно вышагивал индюк.

Мы видели много аэропортов, красивых, современных, с рядами глубоких кресел в залах ожидания, с ресторанами, батальонами разнокалиберных перронных машин, серебристыми лайнерами на взлетных дорожках. Эти аэропорты выглядели внушительно и величественно. А здесь, в аэропорту районного центра, та же самая авиация предстала в очень будничном виде и эмоций вызывала не больше, чем автобус или трамвай. Пассажиры приходили к самолетам пешком, ехали на «газиках» или на бричках, устланных свежим сеном. А пассажиров для районного центра много. В прошлом году их было 15 683, в этом ожидается 20 тысяч. Самолеты ходят в Рязань, Горький и даже в Москву, не говоря уже о соседних райцентрах.

Иван Яковлевич Шалдаев, человек средних лет, в белой тенниске и тапочках, диспетчер отдела перевозок, показал нам миниатюрное, но вполне современное аэропортовское хозяйство. Предмет особой гордости — большой скрепер для расчистки взлетного поля от снега. «Так что и на заносы у нас есть управа».

Рассказывал Шалдаев о летчиках, о погоде, о пассажирах както по-семейному, словно мы сидели за чаем у него дома. Ну, а что особенного? Будни.

— У нас перерыв. Три часа самолетов не будет. Вот вам ключ от красного уголка. Там диваны. Отдохнете. А я в мастерскую пойду.

На метеостанции дежурила Мансура Валиевна Рахманова. С нею мы говорили о делах колхоза имени Калинина, который она знает не хуже, чем свой аэропорт.

— Мы по-дружески помогали им. Агрометеорология — это на общественных началах. Следим за температурой почвы, за фазами развития растений. Сообщаем всем окрестным колхозам, когда заморозки ожидаются, когда дождь.

...Идет на посадку самолет. Прибыл из Рязани. Обычная картина — встречи, поцелуи, объятия, град вопросов. Потом обычная картина расставания. Самолет собирается в обратный путь. Старушка, та, которой годы не позволяют тратить время на теплоход, развязывает узелок, достает билет.

Радиооператор Нина Демина.

ДОБРЫЕ ТРАДИЦИИ

Восьмая выставка произведений членов Академии художеств СССР прошла в Москве еще весной. Но на страницах «Огонька» она продолжается и сегодня. О творчестве Пластова, Дейнеки, Лактионова, Пименова, Абдуллаева, Чуйкова, Калныньша, Джапаридзе, Ханджяна, Нисского и других мастеров рассказывали репродукции картин, статьи, очерки, интервью. И каждая новая цветная вкладка поднимала свой, особенный, непохожий на предыдущие разговор о советском искусстве. Непохожий, потому что несходны между собой творческие манеры художников, потому что у каждого свое мироощущение и миропонимание, свое видение. И каждый поведал нам свою, наиболее ему близкую и понятную частицу единой большой правды.

Полотно, скульптура, графическая работа и имя каждого автора — участника выставки рассказывали о самой академии, высшей школе мастеров советского искусства и центре всей художественной жизни страны. Рассказывали о ее более чем двухвековой славной истории, о ее настоящем, о перспективах на будущее.

...В мастерской народного художника СССР, лауреата Ленинской премии, действительного члена Академии художеств Павла Дмитриевича Корина висит копия, выполненная в размер подлинника,— центральная группа «Явления Христа народу». Фрагмент за фрагментом копировал молодой Павел Корин грандиозное полотно. А день, когда он, юноша-иконописец, впервые прочел о жизни Александра Иванова, Корин вспоминает как один из самых значительных:

— Какое было впечатление! Я понял: вот как живут, вот как добиваются. Это единственный великий русский художник. Больше у России не было гения...

Корин ставит любимого мастера в один ряд с Леонардо, Микеланджело, Рафаэлем...

А прошлым летом в Нью-Йорке, где американцы в галерее Гаммера познакомились с искусством Павла Корина, он впервые увидел «Гернику» Пикассо.

— До тех пор, пока не видал я подлинника, я не понимал этого произведения, не понимал вообще такого искусства. Но когда увидел это полотно, этот большой холст, прекрасную тональность, волевую, энергичную прорисовку деталей, меня это захватило. Я с сомнением приближался к «Гернике» — нежданно картина произвела огромное впечатление... И после того, что я увидел, я изменил к Пикассо отношение, он стал для меня большим мастером. Я почувствовал: много мучений, много дум вкладывает он в искусство. Я понял: это — настоящее, большое искусство. Я художник и не могу не видеть, если красиво, если правда...

Когда фашисты пришли в Париж, один из гитлеровских офицеров, увидев в мастерской Пабло Пикассо репродукцию «Герники», спросил: «Это сделали вы?» «Нет. Это **вы** сделали!» — ответил фашисту художник-коммунист. Ведь поводом для создания этого исполненного гнева полотна послужила бомбардировка фашистами 26 апреля 1937 года испанского городка Герники.

И чтобы навсегда сметен был с планеты кошмар «Герники», тяжкой зимою 1942 года в нетопленной мастерской на Малой Пироговской в Москве пишет Павел Корин центральную часть героического триптиха «Александр Невский». Но только в 1965-м, через 20 лет после победы, закончены в той же мастерской «Сполохи» — правая часть триптиха. Реквием погибшим.

Художник утверждает:

— Не сомневаюсь, можно убедить силой и правдой образов, красотой пластической формы, вдохновением. В чем убедить? В том, что человек велик, что он исполнен творческой мощи, способной созидать чудеса. Искусство помогает понять, почувствовать и полюбить жизнь и делает людей непримиримыми к предательству, подлости... Во все времена искусство несло благороднейшую миссию — объединяло людей... И я говорю: подлинно национальное общечеловечно.

Вот почему в привезенных Кориным из поездок в Италию альбомах через все листы заповедь: «Помни».

«Помни! «Моисей» Микеланджело. Огромная воля к выполнению и пламенное вдохновение. Какая героическая простота!

Помни! Рибейра. Живая линия тени. Какая густая живопись, какое обобщение!

Помни! Могучие силуэты голов и рук. Веласкес. Какая осанка!»

Это слово «помни» часто повторяет, наверное, Павел Дмитриевич и молодым художникам, которые всякий почти день у него в мастерской, в доме. Гелий Коржев, Владимир Гаврилов, Виктор Иванов, Дмитрий Жилинский, Владимир Стожаров, Павел Никонов...

Это и есть традиции. Богатые, неисчерпаемые, многообразные традиции реализма. Существуют они не в мертвой букве трактатов и не в одних только залах музеев, а в вйдении, мысли, движении руки работающих сегодня художников...

Борис Владимирович Иогансон, народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР, был студентом живописного отделения Московского училища живописи, ваяния и зодчества в самые трудные, переломные для академии и всего нашего искусства годы. Вот как вспоминаются они самому Борису Владимировичу:

— Реакционное буржуазное искусство гнило и распадалось. В живописи — «Голубая роза», «Бубновый валет», футуристы, имажинисты, «ничевоки», размалеванные рожи, желтые кофты. Все это ломалось, кувыркалось и озорничало на фоне все-таки сохраняющегося серьезного, реалистического искусства.

К тому времени, когда в 1918 году молодой Иогансон написал в мастерской Коровина дипломную работу — портрет сестры,— завершив свое художественное образование, училище живописи в Москве как таковое перестало существовать. Было оно реорганизовано и переименовано в Государственные свободные художественные мастерские.

Пришлось бы исписать не одну страницу, чтобы только перечислить последовательно наименования, присваивавшиеся затем этому училищу и Академии художеств в Ленинграде — двум главнейшим художественным учебным заведениям. Ныне это Московский ордена Трудового Красного Знамени государственный художественный институт имени В. И. Сурикова и Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина — оба Академии художеств СССР.

Каждое прославленное имя — живописца, скульптора, графика,— непременно связано с академией. Вчерашние ее студенты, став знаменитыми художниками, вновь переступали знакомый порог уже в качестве профессоров. И передавали новому поколению все то, что сами некогда приобрели в академических классах и мастерских, а плюс к тому еще и все, чему научила их жизнь, самостоятельное творчество. Так складывались традиции — обобщенный, непрерывно обновляющийся, богатеющий опыт поколений. Художественный опыт народа.

Полотна академика Иогансона — «Допрос коммунистов», «На старом уральском заводе»— золотой фонд советской живописи. Эти картины — вехи, определившие развитие советского реалистического искусства. В них Иогансон как бы передает эстафету молодому поколению художников...

Президент академии народный художник СССР Владимир Александрович Серов — мастер, чье творчество исполнено публицистического пафоса, а любимая тема его — Ленин и Революция.

— Почти всю жизнь я работал над историко-революционной темой, потому что, по моему мнению, общество в неоплатном долгу перед тем поколением, которое совершало Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

И каждым произведением Владимир Серов подтверждает свое горячее стремление воплотить этот почетный и радостный долг. Его «Лениниана», его исторические композиции — это словно бы запечатленные в художественных образах воспоминания народа о своем славном героическом прошлом. И естественна здесь близкая заветам передвижников скупая, сдержанная в цвете и мазке, внимательная к неброским живым деталям манера советского живописца. В крепком же, точном, уверенном рисунке сразу узнаешь высокую академическую школу. Не прошло даром для молодого Владимира Серова время занятий у замечательных педагогов В. Е. Савинского и И. И. Бродского.

В многочисленных портретах современников, написанных и совсем недавно и в дни военной ленинградской блокады, запечатлено восхищение Владимира Серова теми, с кем вместе, плечом к плечу выпало ему счастье жить, творить, бороться.

...Народный художник СССР и Узбекской ССР действительный член Академии художеств СССР Урал Тансыкбаев живет в Ташкенте. Но не так уж много сохранилось уголков не только в Узбекистане, но и по всей Средней Азии, где не побывал бы живописец, откуда не привез бы он хоть один из своих эпических пейзажей, удивляющих неоглядностью далей или устремленностью ввысь горных вершин...

— Любить красоту Родины, уметь так наполнять своей любовью каждую картину, чтобы твой холст превращался в зеркало, отразившее не одно увиденное, но и пережитое, прочувствованное сердцем, учили меня русские художники. Мои незабываемые учителя — И. С. Горюшкин-Сорокопудов, Н. В. Розанов, Н. Ф. Петров,— говорит Урал Тансыкбаев.— А еще каждая встреча с неповторимыми левитановскими пейзажами неизменно будит во мне желание так же глубоко, напевно, искренне говорить о моем крае...

Академия постоянно укрепляла связи русского искусства с искусством братских народов, щедро делясь своим богатым опытом, опекая национальные школы, помогая их становлению и развитию.

Да, добрые, мудрые, славные традиции хранит Академия художеств Союза Советских Социалистических Республик.

Эльвира ПОПОВА

П. Корин. СПОЛОХИ.

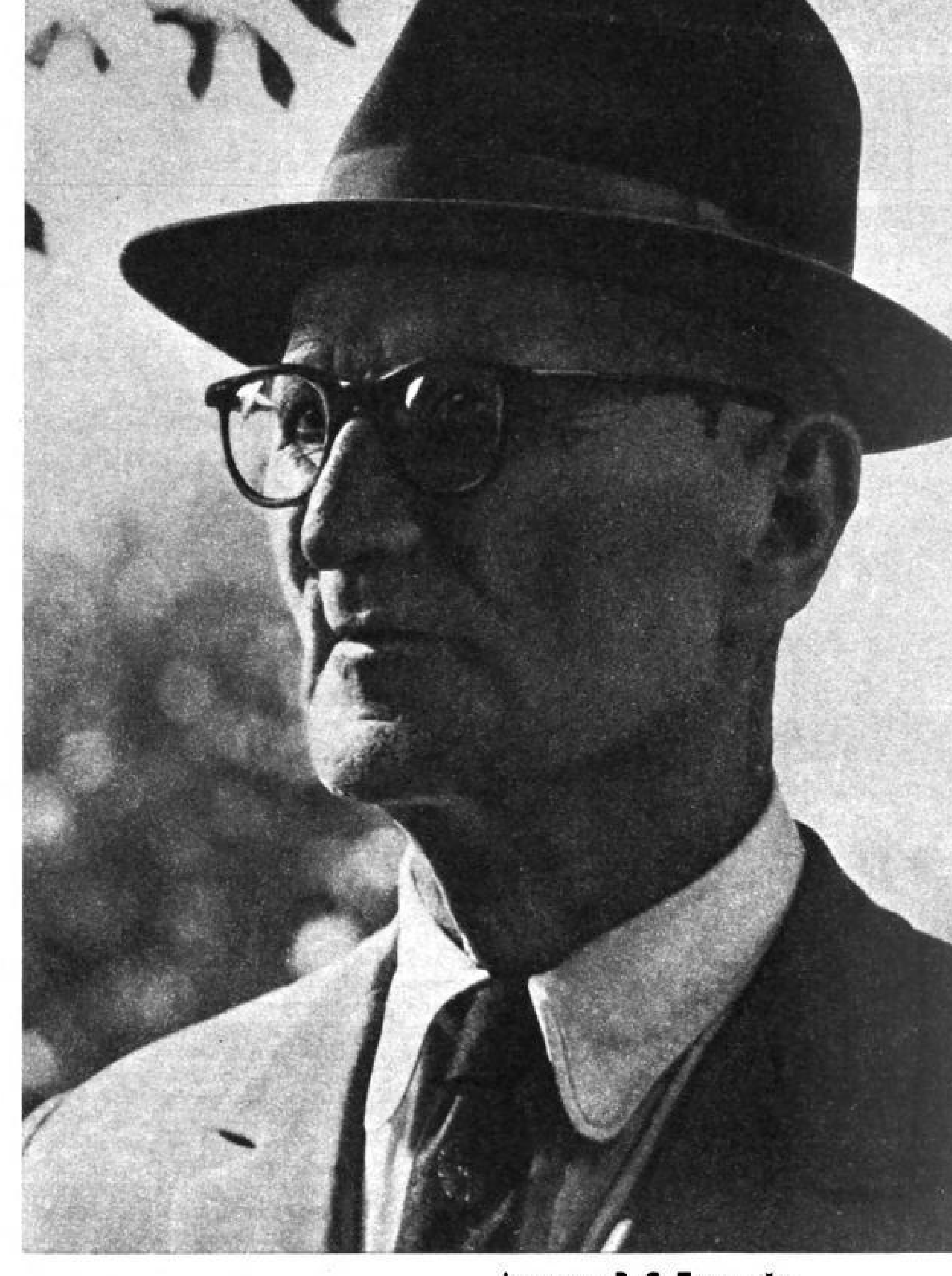
Б. Иогансон. СИРЕНЬ.

ГЕЛИАНТУС, ЦВЕТОК СОЛНЦА

После поездки к академику В. С. Пустовойту.

Николай БЫКОВ

Фото Б. Кузьмина.

Академик В. С. Пустовойт.

КРУГЛИК, бывшая окраина Краснодара,— родина непревзойденных сортов подсолнечника...

Каштаны, каштаны, ковры цветников и белостенные здания лабораторий. А дальше сады и поля, поля... Здесь живет, здесь работает академик Василий Степанович Пустовойт. Поездка к нему — обычное задание, но впечатления от встречи с удивительным нашим современником самые необычные.

Встретиться с Василием Степановичем нетрудно: как всегда, рано утром он приходит на наряд, провожает автобус с рабочими в поле. Потом сам едет в поле. Можно поехать с ним. Наблюдать его интересно — и в поле и в лаборатории. Нет, встретиться со знаменитым человеком нетрудно, а трудно разговорить его, вызвать на откровенность, толкнуть на воспоминания.

Говорят, старые люди словоохотливы. Но это, очевидно, не правило.

Во всяком случае, В. С. Пустовойт оставляет впечатление человека замкнутого, не проявляющего ни малейшего интереса к людям, задающим вопросы. Разумеется, лишь в случае, если эти вопросы относятся к нему лично, а не к его делу, не к его работе с подсолнечником.

— Приезжайте к нам, в институт, поздним летом. Тогда будет что показать,—наставительно и немного в сторону говорит Василий Степанович. Он, наверное, и впрямь уверен, что созерцание желтого моря отцветающего подсолнечника интереснее человека, в данном случае такого человека, как он, старейшего и, рискну сказать, удачливейшего селекционера нашей страны. Да, конечно, бесчисленные строгие шеренги рослых растений — это и есть его жизнь, но так же верно и то, что жизнь его не только эти растения. Какая она?

— Об этом ни слова,— твердо произносит академик.

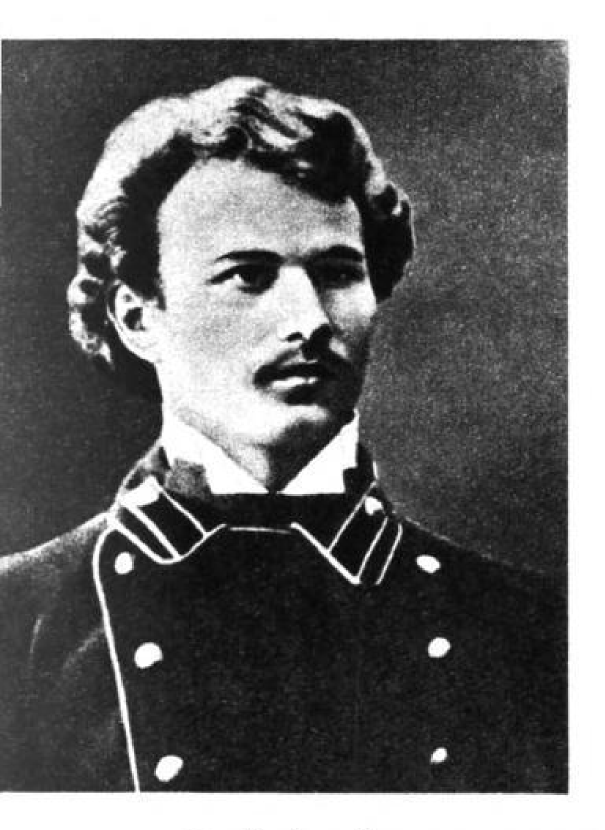
НИ ЦВЕТКА, НИ БОГА

ИТАК, еще одна попытка рассказать о Василии Степановиче Пустовойте. Именно попытка, лучше уж сразу оговориться. Потому что книгам об этом человеке еще быть. Первую, самую достоверную, а потому и самую интересную пишет он — это его жизнь день за днем. Все остальное, во множестве опубликованное,— только попытки дать понять, каков он, каждодневный подвиг селекционера. Кстати, вот этого-то он и не любит: «подвиг». А еще его называли «кудесником», а потом объявили «богом подсолнечника». Да и самый подсолнечник (есть любители!) величают экзотично: «цветок Перу». Не любит всей этой словесной мишуры В. С. Пустовойт. Вот он, уставший в поле человек, ну какой он бог? Если бы!.. Но он-то знает, как горек пот человека земли, как тяжел труд селекционера, ведущего поиск в зеленом лабиринте. И цветка Перу давно нет, а есть цветок Кубани, совсем новое, им самим сделанное растение; и не цветок, если уж быть точным,— был цветок, был, а теперь это золотая корзинка, набитая втугую семенами, напоминающими бочонки с маслом. Золотая корзинка...

Так вот писать обо всем этом трудно, потому что за неизбежными словами восхищения, за невольным пафосом — нераскрытые страницы большой жизни. А были-то крестьянская изба и молодая жажда выйти в люди, были войны, а его не брали: близорук; были надежды и сомнения, потом только нашел себя, но начались годы незаслуженных оскорблений, а потом годы заранее предопределенных удач; были труд и пот, пот, потому что русское поле пахнет не только солнцем и хлебом, но и пóтом лошадей, пóтом крестьян и крестьянок. Но этих страниц в его книге не прочесть. О них можно только догадаться, глядя на руки академика, глядя в его глаза.

А что же остается, если опущены главные страницы? Остается широкая известность в родной стране и за рубежом и высокие звания: академик, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, народный депутат. Остается слава автора и соавтора пока не превзойденных сортов подсолнечника. И все это при жизни, как бронзовый бюст на территории Всесоюзного научно-исследовательского института масличных культур. При жизни. И это очень важно и тоже говорит о стране, в которой человек работает, и о счастье, сопутствующем ему. Но о чем же все-таки сама книга-жизнь?

Тот подсолнечник, который мы видим на полях страны,— детище В. С. Пустовойта. Сказано это не ради красного словца. Это научный факт и факт жизни. В самом деле, ведь в Европу с американского континента завезли не масличную культуру, а цветок. Помните — цветок Перу! Позже он перекочевал к нам, на юг России, но и тут довольно долго оставался забавным чужестранцем. Не скоро пионерам народной селекции удалось сломить характер заокеанского красавчика и выжать из него первые пуды душистого

Семейный альбом напоминает о студенческих годах и о Кубанской сельскохозяйственной школе, где преподавал Василий Степанович.

масла. Постепенно подсолнечник зажелтел на полях Воронежской губернии, на Украине. И тут тоже следует оговориться, «на полях» сказано по инерции, а сам-то подсолнечник еще очень долго оставался огородной культурой. А потом его взяла в полон заразиха, живущая соками подсолнечника, и хозяева маслобоек начали разоряться. Тогда-то обратил внимание на цветок Перу Василий Пустовойт, молодой преподаватель Кубанской войсковой сельскохозяйственной школы.

Высокомасличному подсолнечнику, от которого пошла семья пустовойтовских сортов, нет и сорока лет. В селекции, в истории сельского хозяйства, как и в истории страны вообще, это срок весьма небольшой.

Изменить природу растения, сделать его из второстепенного одним из главных в народном хозяйстве, и все это, заветное, успеть при жизни — это ли не подвиг?

Ну вот опять — «подвиг». Конечно, подвиг, но у В. С. Пустовойта подобные слова вызывают досаду.

И дело не только в скромности на редкость скромного человека. Очевидно, селекция — наука в чем-то очень интимная, в самом характере творчества таится нечто сокровенное; тут много затаенных надежд, но проходят годы и годы, пока удастся отыскать среди сотен тысяч хотя бы одно растение, равное по ценности перу жар-птицы! И нужен особый такт, чтобы рассказать о муках человека, все призвание которого — искать, и ошибаться, и снова искать.

ВАЯТЕЛЬ, НО И ВОИТЕЛЬ

Селекционер — ваятель, он часто очень ясно видит будущий сорт, но вылепить его из подручного, созданного природой материала удается немногим.

Наследственность «богом» нам данных растений консервативна. И все же человек тысячелетия назад приступил к переделке природы понадобившихся ему для хозяйства животных и растений. Сотни лет в его руках был волшебный ключик отбора. И все, что можно было открыть с помощью этого ключа, человек открыл. Предстояло проникнуть в тайну тайн — управление наследственностью. Уже были Бербанк, Мичурин. Каждый шел своим путем. Мендель открыл закон наследственности. Народилась генетика. Генетика и селекция — науки разные, но селекция не может не опираться на открытия генетики. Когда начинал В. С. Пустовойт, человек знал еще мало, например, о природе живой клетки. Сегодня проблемы генетики, вопросы наследственности волнуют широкие слои общества, а биология еще недавно была ареной принципиальных схваток. Лучи теории пробивались сквозь толщу незнания, ошибок и невежества, селекционеры-практики шли вперед и вперед. Да, интуиция, но компас — знания. В. С. Пустовойт вслепую не работал. Зная, как никто, биологические особенности подсолнечника, он разработал и генетически обосновал метод селекционного улучшения культуры. Эта удача определила все.

Нам интересен в подробностях пройденный ученым путь. Но вот Василий Степанович теперь уже явно не хочет возвращаться к частностям: он, очевидно, из тех, кому дорог только главный результат. Муки поиска, сомнений он готов предать забвению. В. С. Пустовойт отметает малейшие попытки связать факты личной биографии с его работой, с поисками в селекции подсолнечника. Как только речь заходит о его личном восприятии событий на фронте биологии, он категорически протестует против вторжения во вчерашний рабочий день селекции и упрямо замолкает.

Повести о пережитом не получается. Пережитое не для всех. Это багаж, который В. С. Пустовойт решительно предпочитает нести в одиночку. Может быть, сказывается груз старых обид, или печать времени, или акт самозащиты против невежественного пера, которое все проблемы и повороты жизни сводит к прямой: или — или?..

Можно понять человека, его житейскую мудрость. По-своему он прав. Вечно неудовлетворенный, жестоко требовательный к себе, он ясно осознает, что жизнь его, вся жизнь, умещается в одном семечке вновь задуманного сорта — семечке, которое, теперь он это знает, уже наверняка отыщет осенью или пусть будущей осенью в новой золотой корзинке. И это не будет, как когда-то, случайным подарком поля, игрой ветра с перекрестноопыляющимся подсолнечником. Положит семечко в корзинку его рука. Вся жизнь в нем одном. Как солнце в капле воды. Оглядываться на долгий путь — зачем? Перелистывать старые календари попросту некогда. Каждый час на счету. А сделать еще надо так много, а мысли так еще молоды, и некогда и не к чему возвращаться к подробностям биографии! Это не его забота.

И тогда... И тогда остается писать лишь о том, о чем он рассказывает сам, в чем видит смысл своей долгой жизни,— о подсолнечнике.

О ЧАЙНОЙ ЛОЖКЕ

Прямой и сухой, он смотрит в глаза ясно и требовательно. Говорит негромко, однако настойчивой скороговоркой:

— Учился, как все, работал, как все, но когда много лет учишься и много лет работаешь, то начинает получаться. Вот и все.

...Начинает получаться. Только сейчас. Началу посвящена долгая жизнь, вся без остатка. Отбор, этот классический метод селекционеров всех времен, как незримый, но вечно ненасытный зверь, поглотил годы за годами такую прекрасную жизнь. «Ползучий эмпиризм,— с ходу судят молодые нынешние биологи,— прибавка по одному-полтора процента масличности в год, в час по чайной ложке». Сегодняшние рейды в глубь науки укрепляют веру в то, что близко время, когда рождение нового сорта не будет отнимать у селекционера треть жизни.

И дело, конечно же, не в ползучем эмпиризме, а в научной оснащенности новых искателей сортов. Каждый идет со своим багажом и своим шагом. Наука тоже на месте не стоит. Разные времена — разные подходы к проблеме наследственности, вообще к задачам биологии. Он, В. С. Пустовойт, понимает все это лучше многих. Он просто больше молчит, в его возрасте ниспровергателем быть ни к чему, надо успеть доделать задуманное. Метод, разработанный В. С. Пустовойтом, радует обильными урожаями в селекции подсолнечника. Это—главное. Отбор с индивидуальной оценкой потомств и переопыление лучших из них. Вот и вся премудрость. И ей посвящена жизнь. А новый поиск ведут новые селекционеры, его ученики. И в этом тоже его будни.

КЛИМАТ ПО ЗАКАЗУ

В дверь кабинета постучали:

— Можно, Василий Степанович?

— Заходите. Здравствуйте. Слушаю вас.

Молодой человек представился: он инженер, приехал по договоренности монтировать сложнейшую установку новой лаборатории искусственного климата.

— Так вот, хочу узнать: мы для Кубани будем делать?

— Для страны,— отвечает Василий Степанович, глубоко скрывая усмешку.

— Нет, я понимаю, вы про сорта, а я про климат. Мы можем создать в лаборатории условия

Кубани, Сибири, Казахстана. Любой климатической зоны. Влажность воздуха, температура...

— Я вас хорошо понял,— перебивает молодого инженера Василий Степанович.

Он долго молчит, смотрит на смущенное лицо специалиста по климатам и о чем-то думает. О чем? Вот пришел паренек и спрашивает, что включить: Кубань или Казахстан? Ему только скажи, он пойдет и включит. Ну, не так просто, там сложные сложности, электроника, но все-таки... А Василий Степанович помнит, как вымерзали сотни, тысячи образцов на делянках, помнит, как они выгорали тысячами в сухие годы. А вот нынче зима была без единого мороза, а июнь обрушил страшные ливневые дожди. И погибали многие питомцы, насмарку шел труд многих предыдущих лет.

Инженер ждет, ему молчания академика не понять.

— Нет, Казахстана не надо,— задумчиво говорит Василий Степанович. Он знает, что в Казахстане есть прекрасные научные центры. Там его ученики. Те семь лет, что не по своей воле провел он в Караганде, В. С. Пустовойт не вспоминает. Но климат Казахстана он знает. Там он старался забыться от горя и жгучей обиды в работе. Вывел просо «долинское», оставил его Казахстану, который ни в чем не виноват...

— Нет, в Казахстане идут успешные работы, а мы будем продолжать свое дело. Впрочем, надо посоветоваться с дирекцией... Климат Кубани, значит, под крышу. Хорошо, добре.

Инженер ушел. Василий Степанович молчит. Долинское, просо... Снежная степь, безлюдье. Но людей скоро привезли достаточно. Люди... Их собрали там очень разных. Василий Степанович, тогда полный сил и замыслов, самых отпетых увлек работой на делянках. Один из молодых да ранних заболел селекцией. Потом даже окончил Тимирязевку, а когда стал агрономом, писал смешные письма: «Почему не отвечаете, у меня к вам много вопросов по селекции, пишите же, а то совратили с пути истинного, а теперь я получаю семьсот рублей, а работы невпроворот и планы на будущее большие!» Смешные человек письма писал. Да, сорт выводил, трудно было. Человека вывел на дорогу — и не одного,— об этом как-то забылось. Только климат той степи хорошо запомнил...

Лаборатория искусственного климата в бывшем Круглике, где была Кубанская войсковая сельскохозяйственная школа. Весть не новая, но знакомство с молодым инженером из Ленинграда обрадовало. Уже не первый год в институте, и в частности в отделе селекции у В. С. Пустовойта, лаборанты освоили счетные машины, ведут математическую обработку материала. Новь вошла незаметно.

БИОГРАФИЯ ИНСТИТУТА

Знаете, с чего начинали?— Василий Степанович по-прежнему сидит прямо, чуть откинувшись на спинку стула.— Лен и горчица имели больше масла, чем подсолнечник. Это — начало. Подсолнечник сеяли вдоль плетней. Сейчас шестьдесят процентов мировых посевов подсолнечника в нашей стране. Сколько всего? Вот данные прошлого года. В СССР около пяти миллионов гектаров. Из них девяносто процентов занято нашими сортами. Я имею в виду сорта, выведенные в Круглике и нашими учениками. Кроме того, один миллион гектаров занимают наши сорта за рубежом!

Итог жизни. Пять миллионов гектаров!

Василий Степанович не путешественник и не полководец. Хотя мог бы наверняка, мне кажется, стать тем и другим. И тогда бы его имя знали дети. Сейчас, может быть, дети и не знают его имени. И не все взрослые, наверное, знают. Но подсолнечное масло с прилавков наших магазинов не исчезает. У нас немало и сегодня проблем, но проблемы подсолнечного масла нет. Это заслуга академика В. С. Пустовойта.

— Хозяйство Круглика и сорок лет назад славилось высокими, устойчивыми урожаями,— продолжал Василий Степанович.— Казаки Кубани учили своих детей земледелию не зря. И школе своей в Круглике они помогали не случайно. Правительство относилось иначе. До революции я просил у департамента всего одну тысячу рублей на год, но получил отказ.

Биография Круглика как научного центра начинается, по существу, с 1924 года, когда опытно-селекционное поле стараниями В. С. Пустовойта и при поддержке Советской власти было реорганизовано в селекционную станцию Кубанского сельскохозяйственного института. Кафедрой селекции в институте заведовал В. С. Пустовойт. В 1930 году станцию повысили в ранг зональной, а через два года в Круглике учредили Всесоюзный научно-исследовательский институт масличных культур. Масличными занимался Василий Степанович и его помощники. Поэтому и крен во всей работе коллектива был масличный, и научно-исследовательский институт стал заниматься масличными. Биография института и посегодня неразрывна с биографией и научной работой В. С. Пустовойта.

САМАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ГЛАВА

В очерке об ученом нельзя не привести хотя бы одну таблицу. Вот как повышалась из года в год масличность пустовойтовских сортов (в процентах):

1927 г., сорт «А-41»	— 36,0
1929 г., сорт «ВНИИМК-1846»	— 37,5
1935 г., сорт «ВНИИМК-3519»	— 43,5
1953 г., сорт «ВНИИМК-6540»	— 46,0
1955 г., сорт «ВНИИМК-8931»	— 49,4
1958 г., сорта «передовик» и «смена»	— 51—52
1964 г., сорт «ВНИИМК-309»	— 55,0

В год по чайной ложке — так, кажется, говорят люди, не склонные к бурным проявлениям восторга. Но если чайная ложка — это один процент масличности, то она не так уж и мала в стране, имеющей сорта В. С. Пустовойта и где подсолнечник занимает почти пять миллионов гектаров. А сколько же все-таки умещается в «чайной ложке» В. С. Пустовойта? Ответ дает арифметика: около 50 тысяч тонн!

— Бывало, на маслобойке от ста килограммов семян получали двадцать пять килограммов масла,— рассказывает Василий Степанович.— Четверть. В прошлом году средняя масличность по стране была больше сорока четырех процентов! Выход масла из одного центнера семян составил сорок два с половиной килограмма вместо двадцати пяти...

Василий Степанович увлекся подсчетами. Он все время напоминает, что речь идет не о масличности семян элиты, выращенной на его делянках. Нет, он рассказывает о стране. А в стране высеваются, хоть и не так много, сорта не только В. С. Пустовойта. К тому же в стране есть обширные земли, где подсолнечник дает меньшие урожаи и имеет сравнительно низкую еще масличность,— районы Сибири, Казахстана. Эти оговорки для В. С. Пустовойта важны. Ему непременно важно подчеркнуть и то, что в масле, полученном на заводе, есть и доля инженеров маслобойной промышленности. За прошедшие годы, пока селекция билась над повышением содержания масла в семенах, инженеры переоборудовали заводы, сконструировали новые машины, усовершенствовали прессы. И если общий выход масла в стране повысился на 17,51 процента, то доля инженеров составляет два процента—так называемый эффект работы маслобойной промышленности. А 15,51 процента — это чистая прибавка благодаря труду и открытиям селекционера, его учеников. Помощников, рабочих рук всегда не хватало...

Но за эти же годы неуклонно росла и урожайность подсолнечника. И тут важен такой еще показатель, как урожай масла с гектара. Ведь цель не одно волшебное семечко, а чтобы гектар давал.

— В России до революции получали до 175 килограммов масла с десятины,— сообщает В. С. Пустовойт.— В 1965 году,— Василий Степанович заглянул в таблицу,— в СССР с гектара получили полтонны масла.

Только Кубань переработала в прошлом сезоне сорок миллионов пудов! — подчеркивает В. С. Пустовойт.— У нас в крае масличность семян перевалила за пятьдесят процентов...

Я видел эти семечки: зажмешь одно пальцами — янтарная капля тяжело падает на землю. Живой, дышащий бочонок, наполовину наполненный маслом руками селекционера...

— Был у нас гостем хороший человек из Канады. Он рассказал, что масличность нашего «передовика» выше масличности лучших канадских сортов на пятнадцать процентов. Вот. почему за границей наши сорта занимают почти миллион гектаров. Выгодно.

Масла в нашей стране стало больше еще и потому, что селекционер В. С. Пустовойт всегда ратовал и за ежегодное сортообновление подсолнечника. Одно дело — элита на полях института, другое дело — семенной материал в колхозе, где-нибудь за тысячи километров от родины и родителей сорта. С каждым годом понижается сортность. Хороша первая, вторая, третья репродукции, но если высевать восьмую, десятую, то и название лучшего сорта не поможет и не поможет слава элиты — победительницы в конкурсном сортоиспытании. Поэтому Василий Степанович всегда яростно хлопотал о судьбе своих сортов. Казалось бы, вывел — и с плеч долой. Нет, В. С. Пустовойт не таков. Вся мысль — старая, еще смолоду — о крестьянине, о колхознике, который засевает и убирает поля, который живет землей, собранным урожаем. В. С. Пустовойт разработал и добился внедрения по всей стране прогрессивной системы ежегодного сортообновления, регулярной смены семенного материала подсолнечника. Только благодаря обновлению семян вот уже восемь лет масличность подсолнечника, поступающего на заводы, поднимается ежегодно на один процент! Пройдет год, и прибавится еще одна «чайная ложка». В народном хозяйстве она никак не помешает. К тому же прибавится-то считай что задаром. Если забыть хоть на секунду о такой цене, как хлопоты беспокойного академика. Он и сейчас не считает дело сделанным. И хоть речь у нас о достижениях науки, Василий Степанович посетовал на то, что производство еще здорово отстает. И масличность и особенно урожаи оставляют желать лучшего.

— Сорок процентов по сравнению с данными сортоиспытания иногда недобирают на колхозных полях! Разве так можно?

И все-таки страна наша сейчас получает масла больше, чем каких-нибудь семь лет назад. Сейчас уже во многих хозяйствах гектар подсолнечника дает тонну масла. Каждый гектар — тонну!

«Когда много лет учишься и много лет работаешь, то начинает получаться...»

Окончание следует.

Золотая корзинка...

АВТОЖИР, СТАРТОВАВШИЙ В ХАРЬКОВЕ

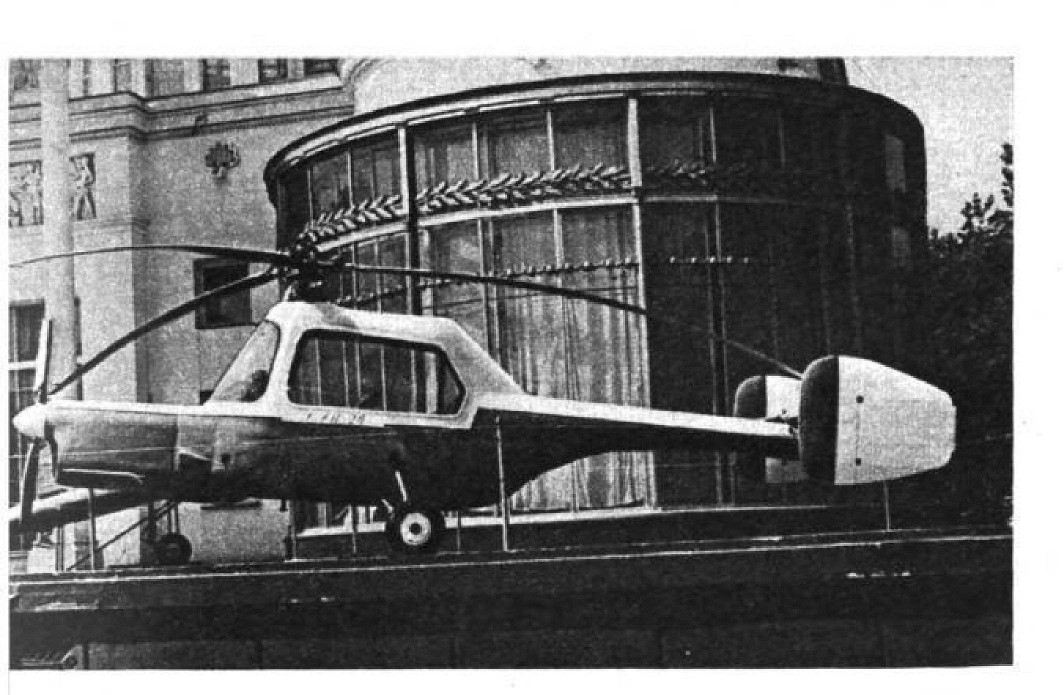
Небольшая, широко застекленная винтокрылая машина. Сбоку марка, еще не внесенная ни в один авиационный каталог мира: ХАИ-24. Это автожир, стартовавший в Харькове, «вылетевший» из стен института. Машина сконструирована и построена студентами вертолетной группы Харьковского авиационного института. Борис Мысов, Виктор Ищук, Валентин Буровлев, Виктор Серко, их товарищи и руководители работы, много помогавшие им,— В. К. Золотухин, Р. В. Пихтовников и В. Н. Ревино — все они вместе создали автожир, который вызывает немалый интерес профессионалов. С высокой похвалой отозвались о нем видные авиационные конструкторы. Внимательно следящий за студенческими работами Олег Константинович Антонов назвал машину заслуживающей доброй оценки.

Зачем нужен такой автожир? Для обслуживания линий дальних электропередач, для полетов над ними, переброски аварийных и ремонтных групп. Полагают, что такой автожир будет удобен и для распыления ядохимикатов и выполнения некоторых других сельскохозяйственных работ там, где применение самолета невозможно или неэффективно. Не исключено, что машина пригодится и геологам, а может, и на рыбных промыслах. Автожир легок. Прост в управлении. Он имеет два места и снабжен двигателями, позволяющими развивать скорость до 200 километров.

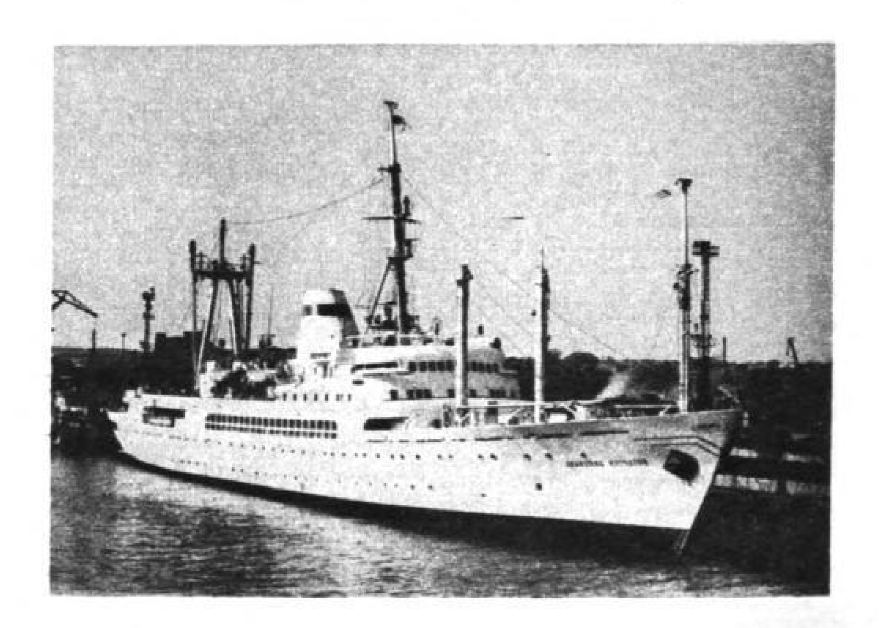
В Министерстве высшего и среднего специального образования сообщили, что именно на этом экземпляре машины отработана компоновка узлов и деталей, проведены конструкторские испытания. Теперь предстоит провести необходимую доводку.

Кто знает, может, через год-другой харьковский винтокрыл займет свое место в ряду уже известных машин? Пока же он с большим успехом демонстрировался на Выставке достижений народного хозяйства.

К. КРОПОВ

Разное... Разное...

СКОРО ПЕРВЫЙ РЕЙС

Недавно исследовательский флот океанологов пополнился еще одним судном — «Академик Курчатов». Это современное быстроходное судно строилось в Германской Демократической Республике. Водоизмещение плавучего института — 6 800 тонн, длина — 124 метра. 26 лабораторий оборудованы по последнему слову техники. Ученым и членам экипажа здесь будет не только удобно работать, но и хорошо отдыхать: одно-двухместные каюты удобны, комфортабельны.

«Академик Курчатов», новый флагман советского научного флота, сможет вести исследовательские работы в Арктике и в тропиках. Подобных судов такого класса не имеет, пожалуй, ни одно государство мира.

Сейчас новое судно проходит дооборудование на отечественных заводах, а затем уйдет в свой первый рейс для изучения мирового океана.

В. ДЕНИСЕНКО,
4-й механик научно-исследовательского судна «Академик Курчатов»

Фото автора.

Въ велодромѣ тифлисскаго общества велосипедистовъ-любителей (около Верійскаго моста) въ воскресенье, 31-го марта 1896 года, первый разъ въ Тифлисѣ знаменитый воздухоплаватель-парашютистъ ЮЗЕФЪ ДРЕВНИЦКІЙ совершитъ ПОЛЕТЪ НА ВОЗДУШНОМЪ ШАРѢ и опустится съ громадной высоты при помощи парашюта.

Начало съ 3-хъ часовъ. Полетъ ровно въ 5 часовъ. Подробности въ афишахъ. 1129 1—1

БРАТЬЯ ДРЕВНИЦКИЕ

Это случилось почти семьдесят лет назад в Витебске. В саду, на небольшой площадке, окруженной тесным кольцом зрителей, вздымался готовый к полету «Монгольфьер».

— Пустить шар!

«Монгольфьер» накренился и, не успев как следует подняться, задел стоявший вблизи столб. Из разорванной оболочки повалили клубы черного дыма. На высоте двух десятков метров аэронавт, сидевший на трапеции, оторвался от шара и, перевернувшись в воздухе, грузно упал на землю. Те из зрителей, кто стоял поближе, бросились к нему. Врач, случайно оказавшийся на месте происшествия, уже протискивался сквозь толпу. Аэронавта привели в чувство, он попросил воды и через несколько минут скончался.

Так неожиданно трагически оборвалась жизнь Станислава Древницкого — русского парашютиста и воздухоплавателя, который вместе со своим братом Юзефом — тоже аэронавтом — исколесил, демонстрируя полеты, чуть ли не всю Россию. Братья Древницкие были пионерами русского парашютизма.

Еще будучи студентом, автор этих строк заинтересовался удивительной, похожей на приключенческий роман судьбой отважных воздухоплавателей, несправедливо забытых в наши дни.

Удалось собрать довольно обширный материал о полетах Древницких, но картина их жизни оставалась неполной. Делу помог случай.

Однажды, перебирая в библиотеке карточки каталога, я увидел: «В. Ю. Древницкий». В карточке значилось, что Владимир Юзефович Древницкий — автор небольшого сборника стихов «Шумят леса карпатские». В предисловии к стихам говорилось, что Владимир Древницкий работает лесничим. Спешно шлю письмо в Ужгород, в издательство, где вышла книжка. Оттуда письмо попадает к автору стихов, и вот на моем столе лежит письмо, пришедшее из Закарпатья. «Да, я сын Юзефа Маврикиевича Древницкого»,— был ответ закарпатского лесничего и поэта. От Владимира Юзефовича я узнал, что в Риге живет его сестра — Александра Юзефовна.

Завязалась переписка.

«Была я еще маленькой,— вспоминает Александра Юзефовна,— когда мой отец совершал полеты. Родился он в Варшаве в 1867 году. Отец был образованным человеком. Владел несколькими языками. Был неплохим журналистом. Гибель брата не испугала его, и, несмотря на протесты родителей, он продолжал полеты. Тогда возмущенные родители лишают сына права на наследство, и он навсегда покидает Варшаву и родительский дом».

Полет Юзефа Древницкого в августе 1913 года из Лубянского сада в Нижнем Новгороде оказался роковым...

«Монгольфьер» оторвался от земли. Древницкий пробежал за ним несколько шагов, затем повис в воздухе... Сильный порыв ветра вдруг понес шар в сторону и возле садового театра бросил на протянутые в несколько рядов электрические провода. Отрезанный проводами от шара, аэронавт с грохотом обрушился на крышу близстоящей постройки, скатился с нее и тяжело упал на землю. Окровавленного, разбитого Древницкого на руках унесли из сада...

Летать и прыгать с парашютом он, правда, потом продолжал, но авария в Нижнем Новгороде подорвала его здоровье.

Первая мировая война застала Древницкого в Москве. К этому

Разное... разное...

Потомки Князя Серебряного

В августе нынешнего года в Киеве соберется Всемирный конгресс по птицеводству, в те же дни там будет открыта выставка.

Павильон Советского Союза познакомит участников конгресса с последними достижениями промышленного птицеводства и широко представит богатства птичьей фауны СССР.

Особым вниманием наших птицеводов пользуется голубь.

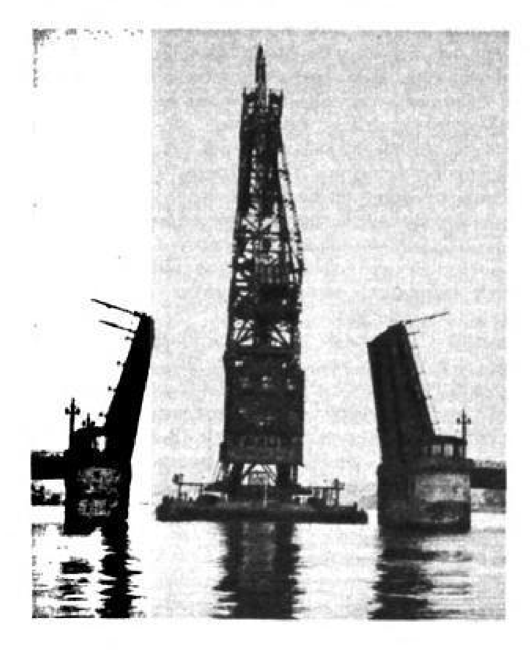
Московский городской клуб голубеводов, приглашенный на выставку дирекцией советского павильона, уже провел предварительные отборочные конкурсы отечественных пород — турманов и чистых. Среди них непревзойденные московские серые турманы, завоевавшие мировую славу, коротноклювые ленточные турманы, созданные в XVII веке в Ржеве.

Чистые голуби родились в Ярославле в конце XVI века, а совершенства достигли в начале XVIII века. Позднее совершенствованием этих пород занимались крепостные графа А. Г. Орлова. Лучшим из чистых летунов того времени был Заиграй. Работа по голубеводству в вотчине графа велась одновременно с созданием орловского рысака.

Прошло полтора столетия, и в 1921 году учитель рисования москвич Аркадий Миронович Злоказов вывел замечательного светло-голубого чистого космача Князя Серебряного, потомки которого живы и сейчас.

Посетителям советского павильона, несомненно, понравятся и черночистые белопоясые молодого селекционера, московского рабочего Смирнова.

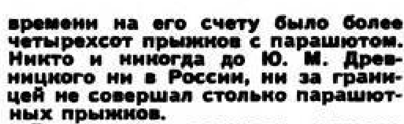
Н. ВАСИЛЬЕВ

ВЫШЕ ИСААКИЯ

Этот мощный самоходный кран был использован на работах, которые велись в Ленинграде на Кировском мосту. Кран называется «Великан». И не случайно: высота «Великана» — сто одиннадцать метров. Выше Исаакиевского собора. Вот он, этот кран, на нашем снимке.

Фото В. Штейна.

времени на его счету было более четырехсот прыжков с парашютом. Никто и никогда до Ю. М. Древницкого ни в России, ни за границей не совершал столько парашютных прыжков.

В условиях военного времени продолжать полеты было, конечно, невозможно. Юзеф Древницкий жил в Москве и, вспомнив свое давнее увлечение журналистикой, сотрудничал в московских газетах.

В 1917 году Ю. М. Древницкий тяжело заболел. Совсем незадолго до Октябрьской революции Юзефа Мавриниевича не стало.

Смерть его в эти грозные, бурные дни осталась незамеченной.

Г. ЧЕРНЕНКО,
инженер.

ВАМ, ВЬЕТНАМСКИЕ ДРУЗЬЯ

Инженер А. Клебанова еще и еще раз тщательно осматривает медицинские инструменты, изготовленные на родном ее заводе «Красногвардеец». Завтра эти коробки уйдут с берегов Невы во Вьетнам.

Фото А. Бахарева (ТАСС).

В ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗ ОБ АНЕ

Три раза на протяжении десятилетия «Огонек» рассказывал о судьбе Ани Бобровнч. В 51-м номере журнала за 1951 год был напечатан очерк «Их дом в советской стране». В нем говорилось о трех наших ребятах, которые в годы войны попали в Западную Германию и были определены в приют Вад-Айблинг. Среди них и Аня Бобрович. Когда американский суд в Мюнхене решал судьбу детей, Ане шел восьмой год. Мать девочки, жительница Львова, требовала вернуть Аню. Суд чинил всякие препятствия и лишь через два года вынес решение: отдать Аню. Двух других детей так и не вернули на Родину.

В середине 1953 года Аню Бобрович привезли во Львов. Ей тогда было около десяти лет. Она не знала русского языка, ее не обучили грамоте. Девочку отправили отдыхать в Артек, потом она пошла в школу. «Огонек» рассказал об этом в 1954 году в корреспонденции «Первая елка».

А в 1960 году в очерке «Вся школа поздравляет Аню» было рассказано о том, как отпраздновала девочка свое шестнадцатилетие. В торжественной обстановке, в присутствии всех учащихся школы-интерната, представителей обкома комсомола капитан милиции вручил ей советский паспорт.

Какова дальнейшая судьба Ани?

Об этом рассказывает **Макс ПОЛЯНОВСКИЙ**, автор трех предыдущих очерков.

В июне этого года я получил письмо от своей доброй приятельницы Ани Бобрович, которую вместе с родными провожал первый раз в первый класс. Она приглашала меня приехать на ее свадьбу. И вот спустя шесть лет я во Львове.

Со своим будущим мужем, Виталием Надольским, девушка познакомилась на телевизорном заводе. Аня работает здесь монтажницей уже более пяти лет. Пришла сюда десятиклассницей. Днем работала, вечерами училась.

В биографии Виталия был эпизод, чем-то схожий с историей Анниного детства. Во время войны, совсем еще малышом, он потерялся при эвакуации и попал в детский дом. Потом его нашли родители, переехавшие из Винницы во Львов.

Окончив восемь классов, Виталий поступил на работу.

— Хотел стать металлистом, как отец. Пошел в артель, получил там специальность слесаря. Потом у нас открылся телевизорный завод. Я перешел туда, стал монтажником. Затем служба в армии — три года на Севере. Вернулся — и снова на свой завод. Сейчас мы с Аней говорим: «Наш завод!» Работаю слесарем-сборщиком телевизоров в одном цехе с Аней.

Во Дворце счастья (так называют во Львове здание, где заключаются браки) Аня Бобрович стала Анной Надольской. А вечером праздновали комсомольскую свадьбу. Многочисленные друзья и близкие Ани и Виталия принесли молодоженам немало подарков, высказали всякие добрые пожелания.

И тут можно бы закончить, как в доброй старой сказке: «И я там был, мед-пиво пил...» А что, правильно: в жизни Ани и впрямь произошли сказочные перемены: из кухни мрачного западного приюта она попала в советскую школу, в пионерские лагеря, в светлую жизнь...

Помните этот снимок? «Огонек» печатал его в 1951 году. Советские дети — Макс Хальнер, Аня Бобрович, Тамара Шаркова — в американском суде, где разбиралось дело об их возвращении на Родину.

Аня Бобрович и Виталий Надольский в день своей свадьбы.
Фото М. Поляновского.

в письме, то я позволю себе прислать 5 книг «Моя жизнь в искусстве», может быть, кто-нибудь из вас поинтересуется и прочтет ее.

А пока, от своего имени и от имени своих товарищей по Художественному театру, шлю вам всем самый искренний и сердечный привет и восхищение вашей героической и плодотворной деятельностью.

Народный артист Республики

К. С. Станиславский».

Письмо Константина Сергеевича было оглашено на вечере в клубе, а книги пришлось разыграть в лотерее среди гостей.

Интересно было бы сейчас установить, кто эти счастливцы, у которых хранятся экземпляры первого издания «Моя жизнь в искусстве» с автографом...

* * *

Весной 1935 года мы отмечали пятилетие нашего клуба. В связи с этим скромным событием нашу делегацию принял К. С. Станиславский. Состояние здоровья больного улучшилось, но врачи по-прежнему не выпускали его из дома.

Прием клубного актива был назначен в 4 часа дня. Мы приготовили цветы Константину Сергеевичу. Перед выездом Москвин, который на этот раз вел «дипломатические переговоры», собрал в клубе всех участников встречи и строго внушил, что Станиславского нельзя переутомлять излишними вопросами. В назначенное время мы вошли в тот самый зал, где я увидел его впервые. Новая комбинация театральных станков, подвешенный занавес и неубранный театральный реквизит говорили о том, что совсем недавно Станиславский проводил здесь репетицию с актерами. Нас ожидали гостеприимно накрытые чайные столы. В какой-то напряженной, торжественной тишине мы ждали появления Станиславского, уединившегося в одной из комнат с Москвиным для выяснения вопроса, чего же хотят от него напросившиеся гости.

Константин Сергеевич вышел к нам бодрой походкой, ясный, улыбчивый. Внимательно всматриваясь в глаза своих гостей, здороваясь с каждым, он с особой сердечностью приветствовал тех, кого давно не видел. Внешне он немного постарел, резче обозначались морщинки, прочерченные от глаз к вискам.

Хозяин занял председательское кресло за столом. Воцарилась минутная пауза. Приутих даже Москвин. Я никогда не видел его в таком состоянии: в присутствии Станиславского он чувствовал себя, словно провинившийся ученик. На его лице было написано: «И зачем я их только привел к Константину Сергеевичу!..»

Напряженность обстановки разрядил сам хозяин, необычайно просто, с милой улыбкой обратившийся к присутствующим:

— Пауза всегда должна быть оправдана. А сейчас мы ее, кажется, «перетянули». Как приятно, не выходя семь лет из этой комнаты и никого не видя, встретить сейчас дорогих гостей! Кому пришла в голову такая приятная мысль? Я очень много слышал о вашем клубе. Хорошо, что наконец созданы условия для отдыха актеров, для встреч в творческой обстановке. Надеюсь, вы мне расскажете о своей работе? Я отстал от театрального мира и многого сейчас не знаю. Ведь раньше существовали только игорные клубы. А у вас все по-другому...

И Станиславский буквально «атаковал» нас вопросами о работе клуба. Мне выпала доля представить хозяину дома нашу делегацию. На каждую фамилию он реагировал по-своему:

— Бирман!

— Как же, с вами-то мы старые знакомые!

— Михоэлс!

— Много слышал о вас.

Б. ФИЛИППОВ

Дома у Станиславского

Из будущей книги «Актеры без грима»

Московские актеры, художники и музыканты старшего поколения хорошо помнят уютный подвал дома в Старопименовском переулке, где в тридцатых годах обосновался «Клуб мастеров искусств». История этого клуба связана с именами многих корифеев советского искусства и, конечно, с именем великого Станиславского.

В годы первой пятилетки ширилось движение ударников производства; осенью 1931 года лучшие рабочие столичных предприятий были награждены орденами. Вот тогда-то клуб мастеров искусств и решил организовать встречу с ними. И, понятно, устроителям очень хотелось, чтобы Константин Сергеевич был одним из хозяев, принимающих дорогих гостей.

Набравшись смелости, я решился позвонить Константину Сергеевичу домой. К телефону подошла его жена М. П. Лилина. Внимательно выслушав мою просьбу, она обещала «позондировать почву». А я тут же послал с курьером Константину Сергеевичу письмо, напечатав его на официальном клубном бланке.

Прийдя в клуб на следующий день, я узнал, что звонили от Станиславского: он ждет меня у себя дома! Первая мысль — меня кто-то «разыгрывает». Веселые, а иногда и злые «розыгрыши» ведь распространены в актерской среде. Поверив в невозможное, я решился вторично позвонить на квартиру к Станиславскому и... получил подтверждение! Около четырех часов дня я был в Леонтьевском переулке.

Станиславский выглядел в домашней обстановке элегантным и подтянутым, в туго накрахмаленном, сверкающем белизной воротничке. Поправив пенсне, он слегка хмыкнул и сказал:

— Здравствуйте, садитесь, пожалуйста. Я попросил вас заехать, чтобы извиниться перед правлением вашего клуба. Мне очень хотелось бы,— продолжал Станиславский,— встретиться с героями труда. К сожалению, меня врачи никуда не выпускают. Я до сих пор под домашним арестом своего эскулапа. Я много читал в газетах о трудовых подвигах и всегда говорил актерам, что только сознательное, творческое отношение к труду может дать необходимые результаты. Да, мы во многом должны брать пример с рабочих-ударников. Передайте им мой сердечный привет. Пусть не осудят меня ваши гости и примут мой скромный подарок.

Константин Сергеевич указал на стопку книг, приготовленных на столе. Это было первое издание его труда «Моя жизнь в искусстве».

— Здесь всего пять экземпляров. Я бы с радостью дал больше, да все разобрали. Прошу вас, передайте книжки вашим гостям, я подписал каждую. А завтра подошлю еще письмо, которое прошу прочесть на вашем вечере. И пусть извинят меня те, кому не досталась моя книжка. Пригласите их, пожалуйста, в наш театр. Все мои товарищи будут им рады так же, как и я!

На следующий день мы получили письмо, обращенное к нашим гостям:

«Москва, 19 ноября 1931 г.

Дорогие товарищи!

Я очень сожалею, что здоровье не позволяет мне лично приветствовать вас, Героев труда, и рассказать вам о нашей чисто артистической работе. Но так как ее не передашь

— Зинаида Райх!

— Вы надели такую шляпку, что я вас не узнал!

— Хенкин!

— Ну еще бы! Последний раз мы виделись с вами в Одессе!

— Барсова!

— За последнее время я слышал о вас много чудесного!..

Наступила очередь нашим вопросам:

— Константин Сергеевич, что дает право деятелю искусства на высокое звание мастера?

— Мастер — это прежде всего тот, кто способен выполнить главную цель нашего искусства, выполнить в художественных образах жизненную правду, человеческий дух. Нужно уметь наполнить лучами своего чувства зрительный зал, который обладает отличной «акустикой для переживаний». Актер не может играть в пустом зале. Если бы можно было сфотографировать флюиды, объединяющие актера и зрителя, мы бы увидели, как они текут со сцены к зрителям и возвращаются обратно к актерам... Актер должен в совершенстве владеть внутренним и внешним «аппаратом». Он должен быть мастером и в том и в другом. Нельзя полагаться только на свое «вдохновение». Нужно глубоко изучать природу и сознательно владеть подходами к верному сценическому состоянию. Конечно, определенное значение имеет для актера и его интуиция, подсознание. Сейчас как будто бы знаменитый Павлов работает в этой области. Это очень важно и интересно для нашей профессии.

— Константин Сергеевич, не считаете ли вы, что все театры и все актеры должны идти путями Московского Художественного театра? — робко спросил Д. Н. Орлов, который впоследствии сам был принят на сцену МХАТа.

— Творчество актера должно быть многообразно,— отвечал Константин Сергеевич.— Я не представляю себе ограничение театра какой-либо одной манерой актерского исполнения. Я признаю в театре, как и в искусстве в целом, самые различные направления, но при непременном условии, чтобы они были до конца оправданны и убедительны. Но, если «направление» является искусственным, если это просто ломание, то такого рода «творчество» противоречит и психическим и физическим законам человека. Попробуйте петь в течение недели под аккомпанемент расстроенного пианино,— и ваш голос начнет портиться. Но физический аппарат еще можно «взять в руки» и выправить. А то внутреннее, чем мы творим,— наш психический аппарат, наши нервы, все это требует еще более осторожного обращения. Актер должен познать свою природу и не вступать с ней в противоречие. Для этой природы есть свои органические законы. Художник, знающий их, никогда не пойдет на «вывих».

Станиславский берет лист бумаги и чертит карандашом схему своей системы.

— Нижняя полоса — это работа над собой, основы нашего искусства. Первая основа — активность и действенность. Вторая основа, выраженная в известном пушкинском афоризме: «Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах — вот чего требует наш ум от драматического писателя». На этом афоризме, в сущности, и построена вся так называемая «система». Именно **так называемая**,— подчеркнул Станиславский.— Она не просто выдумана каким-то человеком. Это — обобщение раздумий не только над собой, но и над другими, раздумий над природой творчества. Техника — это умение актера создать правильное внутреннее самочувствие. Но при этом не следует забывать, что нет ничего тоньше природы, и наша задача заключается в ее познании; надо владеть своими чувствами, как органист владеет органом.

Я всячески стараюсь записать все, что могу,— продолжал Константин Сергеевич,— но это далеко не всегда в моих силах. Для этого надо быть физиологом, психологом, знать постановку голоса; ритмо-жест, темпо-ритм... Это какая-то энциклопедия!..

Подробно останавливается Станиславский на основных вопросах системы и говорит о своей новой книге «Работа актера над собой».

— Книга, которую я сейчас написал, вероятно, несовершенна. Но она может явиться толчком к созданию системы, простите за это ужасное слово, но другого я не знаю!.. Мне кажется, что всем мастерам искусств нужно писать. И не просто в общих словах, но пытаться систематизировать свое искусство. Надо наблюдать за собой, анализировать свой творческий процесс. Из этих наблюдений и можно будет вывести твердые законы нашей творческой природы. На старых мастеров ложится огромная ответственность — не уносить с собой секретов своей профессии, не делать из этого патента. Тут надо честно все рассказать, потому что молодежь все равно до этого рано или поздно докопается!

Отвечая на многочисленные вопросы, Станиславский останавливается на работе над ролью.

— Вот вы сыграли один кусок, другой, третий, двадцать пять кусков! Каждый кусок роли сыгран, а общего, основного еще нет. Все эти куски должны быть **пронизаны сквозным действием** и привести вас к **сверхзадаче**. Это самое важное. Ради этого вся система существует! Только понимание сквозного действия и задач может совершенно переродить человека. Без этого понимания все останется лишь упражнением по системе.

На наш вопрос — как лучше организовать изучение «системы Станиславского», чтобы избежать ее искажения и вульгаризации,— Константин Сергеевич говорит о необходимости создания при МХАТе школы театральных руководителей, в которой основное внимание уделялось бы практике преподавания.

— Какая огромная задача стоит перед всеми нами — уберечь молодежь, которую сейчас калечат! Кто сейчас идет преподавать в деревенские и рабочие клубы? Тот, кто не способен играть даже в плохом театре. Куда деваться? Вот он и идет «учить» на заводы и в деревню!.. Как это прекратить? Конечно, нужны кадры преподавателей. Это должны делать вы, мастера театра! Мне кажется, если бы все театры шли по этой линии и создавали такие кадры, то через четыре года уже многое можно было бы сделать. Определенной программы пока нет, но ее нужно создать!

Наступает вечер... Многие присутствующие заняты в спектаклях, беседу приходится сокращать. Перед нами Станиславский-зритель.

Прежде чем начать небольшой концерт, к Станиславскому со словами благодарности обращаются С. Г. Бирман и С. М. Михоэлс. Выбор пал на них не случайно. Это не просто актеры, а артисты-философы, артисты-мыслители. Серафима Бирман говорит от лица учеников, на чьем творчестве встречи с Константином Сергеевичем оставили неизгладимый след.

— Я не могу изменять свою психологию,— говорит Бирман.— То, что мы учились у Станиславского, повлияло на всю нашу творческую жизнь. Как забыть теплоту ваших рук, Константин Сергеевич, когда вы нас, неуклюжих и обомлевших, вели на сцену во время генеральной репетиции!..

— Я часто испытываю большие затруднения в работе над ролью, какой бы она ни была, маленькой или большой, комической или трагедийной,— с волнением говорит Михоэлс.— Но все это ничто по сравнению с трудностями, которые я испытываю сейчас, стоя здесь, перед самим Станиславским... Я являюсь одним из счастливцев не только потому, что нахожусь рядом с вами, но и потому, что имел высокую честь видеть вас своим зрителем в маленьком помещении, на девяносто мест, на улице Станкевича. Мы играли в студии «Бог мести». Ваши критические замечания, высказанные тогда, я пронес через четырнадцать лет жизни. Вы являетесь учителем всех нас. То, что вы говорите,— это алфавит, без которого нельзя написать ни одной фразы...

Пытаясь скрыть волнение, Константин Сергеевич кашляет, вертится в кресле, протирает пенсне платком. Мы спешим начать концерт.

С. М. Балашов, В. Я. Хенкин, Д. Н. Орлов, Р. В. Зеленая, С. В. Образцов с трепетом душевным выступают перед великим мастером театра. Но строгий, требовательный режиссер и педагог, Константин Сергеевич оказывается необыкновенно добрым и непосредственным зрителем.

— Не волнуйтесь, мой дорогой,— шутливо говорит он Балашову,— я сейчас самый добрый зритель, хотя бы потому, что в течение семи лет ничего не видел!..

Балашов уступает место Владимиру Хенкину... Станиславский долго не может успокоиться от смеха. Он радуется, хохочет в полный голос, глаза у него зажигаются, нет ни малейшего признака оценщика-профессионала...

Концерт окончен.

Делегаты клуба уходят от великого мастера, унося с собой глубокое впечатление от этой встречи и драгоценный подарок — фотопортрет с личной надписью Станиславского:

«Клуб без карт, с серьезными художественными задачами.

Сорок пять лет назад я затевал его и провалился. Понадобилось прожить полвека, чтобы это стало возможным. Хвала вам!»

* * *

В январе 1938 года в клубе торжественно отмечалось семидесятипятилетие со дня рождения Константина Сергеевича. Все мы надеялись, что юбиляр сможет присутствовать на этом вечере. Однако уже за несколько дней стало очевидным, что рассчитывать на приезд Станиславского не приходится. Болезнь его обострилась; врачи предписали ему строгий постельный режим. Тогда Москвину пришла в голову счастливая мысль: «А нельзя ли сделать так, чтобы Константин Сергеевич у себя дома, на Леонтьевском переулке, слышал бы все происходящее на нашем вечере? Нельзя ли использовать радиосвязь?»

Наладить передачу вечера в эфир не представлялось возможным. Но выяснилось, что можно наладить трансляцию по телефонному проводу, установив на сцене клуба микрофон, а в комнате Станиславского усилитель.

Лежа в постели у себя дома, Константин Сергеевич слушал каждое слово, обращенное к нему. И само ощущение этой живой и непосредственной связи с юбиляром придавало торжеству особую приподнятость.

— Какой чудесный подарок ко дню моего рождения!— говорил он близким.

Как жаль, что в ту пору не было телевидения!.. Зал был переполнен. Искренне и горячо звучали слова приветствий, внимательно слушал их зрительный зал:

— Дорогой, многоуважаемый Константин Сергеевич! Сейчас перед микрофоном стоит и разговаривает с вами ваш друг, как вы называете меня в своих письмах, ваш шестидесятитрехлетний ученик, народный артист СССР Москвин! При вашем светлом, подвижническом, беспримерном отношении к искусству вы имеете великий дар воспитывать в человеке и артиста и гражданина. И если я, дореволюционный провинциальный актер, получил при Советской власти звание народного артиста СССР, удостоился награждения двумя орденами и, наконец, великой чести быть избранным народным депутатом Верховного Совета СССР,— этим я во многом обязан вам, дорогой Константин Сергеевич!

Выступая перед микрофоном, Ольга Леонардовна Книппер-Чехова говорила об образах, созданных Станиславским в пьесах Чехова. Она закончила свою речь горячими словами, обращенными к юбиляру:

— Я несу вам, Константин Сергеевич, неиссякаемую любовь и благодарность за то, что вы заставляете всех нас верить во все прекрасное, настоящее, что дано человеку-актеру!

Все поколения МХАТа приветствовали в этот вечер своего учителя. А к ним присоединили свой голос и все театры столицы... Константин Сергеевич был искренне тронут живым потоком любви. Вскоре мы получили от него письмо:

«Дорогие товарищи!

Сердечно благодарю вас и всех устроителей вечера, посвященного дню моего 75-летия. Ваше внимание ко мне и моей деятельности омолодило, ободрило меня и доставило мне большую радость, о которой я буду помнить всегда.

Народный артист Союза ССР
К. Станиславский».

В августе Станиславского не стало... Но у тех, кто видел и слышал его хотя бы раз, никогда не изгладится в памяти светлый образ замечательного человека, творца, навсегда вписавшего свое имя в историю русской и мировой театральной культуры.

Страна отмечает традиционный Всесоюзный день физкультурника, как и всегда, спортивными праздниками, соревнованиями, парадами. Но есть у нынешнего праздничного дня своя особая черта. День физкультурника во многих городах и селах стал днем новоселья. Проектируются и строятся стадионы, гимнастические залы, бассейны, искусственные катки. Вот что рассказывает об этом директор института «Союзспортпроект» Евгений Юргенсон.

РАСТУТ СТАДИОНЫ

— Каким я вижу современный стадион? Об архитектуре сейчас речь не пойдет. Надо решить один важный вопрос. Стадион должен быть настоящим парком здоровья и спорта. Стадион не только футбольное поле, трибуны для зрителей, несколько площадок и раздевалки, это еще и площадки для детского спорта, спортивные аттракционы, комплексы самого различного характера. Одним словом, из полузакрытого, часто попросту пустынного сооружения стадион должен превратиться в место, где всегда кипит жизнь. Это позволит решить вопрос о рентабельности спортивных сооружений, их окупаемости.

Чем занят наш институт сейчас? Дел хоть отбавляй! Прежде всего хочется сказать о двух новых сооружениях, в которых мы стремимся воплотить все, о чем говорилось выше.

Темиртау. Здесь над новым спортивным комплексом работает архитектор Б. Аверинцев. Пройдет немного времени, и существующий сейчас городской стадион преобразится. Он станет парком физкультуры и спорта. Появятся открытые плавательные бассейны, новые площадки для детских игр, кинотеатр.

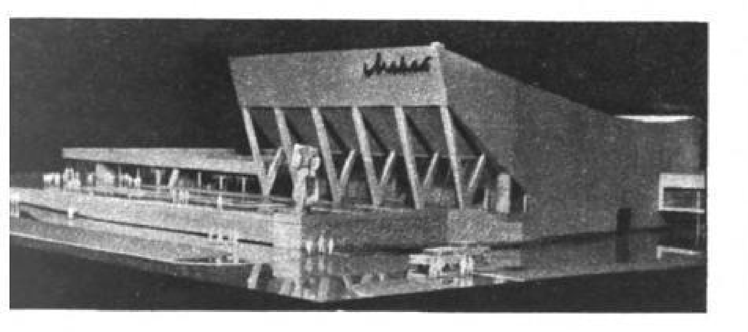
Вот универсальный спортивный зал на три тысячи мест во Фрунзе. Комплекс состоит из двух объемов, соединенных так называемой вестибюльной группой. Демонстрационный и тренировочный залы, просторный вестибюль позволят проводить самые различные мероприятия. Вестибюльная группа тоже не будет пустовать. Здесь можно развернуть выставки, проводить спортивные вечера, встречи. Творческая группа во главе с архитектором А. Костиным, работающая над этим проектом, учла все, даже почасовую загрузку помещения.

А вот еще один проект: лыжная база в 17 километрах от Минска. Вначале здесь было запланировано сооружение капитального здания и трех лыжных трамплинов. Для зрителей — трибуны на 8 тысяч мест. Но теперь мы решили создать зону и летнего отдыха. Пляж. Домики для отдыха. Пансионат. Кафе. Спортивные площадки.

До сих пор крупные стадионы или залы располагались в городе особняком, часто в стороне от жилых кварталов. Правильно ли это? Думается, что нет. Спорт органически входит в быт советского человека.

(Беседу вели С. Пальмова, А. Чайковский)

Спортивный зал в городе Фрунзе (проект).

СЕЛИГЕР, СЕЛИГЕР, СЕЛИГЕРИЩЕ!

Евг. СИМОНОВ

Селигер просыпается спозаранку. Еще дрожит кисея тумана над зарослями камыша, а к заливу турбазы уже топают с веслами на плече туристы-рыболовы. Вытаскивают из кустов тщательно закамуфлированные на ночь казенные лодки (нужно — 250, на базе — 170; а на плаву, ходовых — меньше полутораста; байдарок — ни одной!). И рыбак выгребает на большую воду. Если он уже застолбил вчера местишко, скажем, у мыса Телка («Лещ так и ходит табунами»), то сегодня он не покажет себя лопухом, не двинет прямиком, а с лукавой ухмылкой уплывет куда-то в сторонку и, только обманув всех соперников, ляжет на истинный курс. А Селигер дышит утренней свежестью, и даже на воде слышится с лугов пряный дух сена, которое не везде еще скопнили.

Обогнув пару мысиков, Селигер снова набирает силу, разлившись могучим Березовским плесом. Где-то в гуще бора поблескивает в оправе из хвои ожерелье Собенских озер. С них-то, наверно, и возвращается колонна туристов. Низко сидящих в воде байдарок еще не видать: больно уж солнечно, вода слилась с воздухом,— но вдали мерно и ритмично то вспыхивают, то гаснут, то снова зажигаются вольтовы дуги. Это весла, дюраль их лопастей. Это байдарки. Идут с большого похода из-за Картунского перешейка.

Селигерские плесы пылают таким слепящим светом, словно домны всей страны слили сюда жаркую свою продукцию, а глубже, в протоках тихих лесных озер ощущение покоя, гармонии, умиротворенности целиком завладевает вами.

Все это — и протянувшуюся на 589 километров волнистую линию берегов; и аквамариново-синюю гладь сочлененных протоками 24 плесов; и кинутые в их чащу 160 островов,— все это создал своим стругом двигавшийся 25 тысяч лет назад гигантский Валдайский ледник: насыпал холмы морен, заполнял талыми своими водами впадины. Не оттуда ли сохраненные до наших дней студеная бодрость родников и свежесть воды и воздуха, пусть термометр показывает плюс тридцать два. Даже сегодня, нагнувшись за кустиком черники, вы наткнетесь на выпирающий из седого мха ледниковый валун. Огромная, пепельного тона глыба аккуратно уложена на самой верхотуре горы Ореховни. Приближаясь к пристани Неприе, рулевой парохода не выпускает из вида вехи над водой: отмечают скрытый под волнами огромный голец.

Не так-то уж мало у нас туристских заповедных мест. И задумчивое Череменецкое озеро, где так любили гулять И. Н. Крамской и Н. А. Римский-Корсаков; и хранящие память о крестоносцах водоемы литовского Тракая; и дальний Иссык-Куль с полями эдельвейсов и глядящимися в его воды вечными снегами Тянь-Шаня. Почему же, говоря языком театральных администраторов, «аншлаги и полные сборы» делает в первую голову Селигер?

Наш спутник по недавним плаваниям на байдарке «Нептун» московский физик Д. Н. Таптыков слушает и не может наслушаться превосходно оркестрованной сюиты, в которой слились и шорох набегающих волн и сдержанный, но полный силы шепот сосен; не может налюбоваться сменой ландшафтов, не может охватить взглядом весь неохватный твой простор, Селигерище. А ведь повидал на своем веку Таптыков и Великие озера Штатов, и альпийские водоемы, и многое другое. Но тянет его опять и опять на Селигер.

Вы выезжаете из Осташкова, и через два часа остановка: Новые Ельцы. С грохотом выгружаются байдарки, рюкзаки, палатки. И полчаса спустя не теряющие присущей осташам благожелательности старший диспетчер турбазы М. И. Герасимюк с директором К. Н. Соколовым будут решать почти неразрешимую задачу: на 630 плановых мест уже прибыло с оформленными путевками 859 человек! А народ все едет. А что прикажете делать с прибывшими без путевок прямиком из Ташкента? Или с дубненскими физиками, которые согласны поселиться под любой крышей? Наконец, с детьми, которых родители тоже хотят представить старику Селигеру?

* * *

...Мы побывали на Селигере, всего одной из 450 турбаз страны. Где теперь не встретишь человека с рюкзаком за спиной! Нам сообщили в Центральном совете по туризму, что счет занимающихся туризмом в стране ведется на десятки миллионов человек. Только по заветному талону автостопа (500 километров за целковый) будет путешествовать до миллиона человек.

Мы вспомнили было унылые очереди у окошечка диспетчера селигерской базы, но нас заверили, что с этим скоро будет покончено. Архитектор Ленгипрогора И. Ю. Плисс показал нам серию ватманов завтрашнего Селигера, преобразившиеся усадьбы двух нынешних и одной новой турбаз. Неплохо поработали товарищи зодчие, выдали уже все рабочие чертежи. На них маяки, эллинги, новые бухты в естественных складках местности, лагеря для летнего и зимнего жилья, даже десять небольших хижин-приютов в таких поэтичных местах, как Никола Рожок, Свапуще, Волгино-Верховье.

Одна из четырехсот пятидесяти. Ведь география турбаз начинается у нас на янтарных берегах Балтики и кончается уникальной долиной гейзеров на Камчатке! С нынешнего и по 1970 год туристы получат на всех турбазах около четверти миллиона новых мест. Пройдет два года, и палатки станут лишь атрибутом походов. На всех турбазах — комнаты на двух-трех человек. Подумали и о родителях с детьми: ребята смогут оставаться под присмотром воспитательниц, пока неугомонные папы да мамы, взвалив рюкзаки, будут шагать через перевал либо плыть по Жигулевской «кругосветке».

* * *

Вечерело. В сгустившихся тенях не различить идущую к бону лодку. Только светлая борозда на поверхности да такой же пунктир от весел долго отмечают ее путь на черной от подстилающего ее торфа воде. Озеро засыпало. И тут, подобные лесным звездам, засветились по всей кромке берегов глаза костров. Один... другой... двадцатый. Да есть ли им счет и конец, этим огням, у которых говорят в этот час о пройденных путях и тех, которые еще будут пройдены!

Новая группа уходит в путь.

«Нептун» — лагерь московской автобазы.

Трудный поход позади, привал на лугах Селигера.

Фото Л. Бородулина.

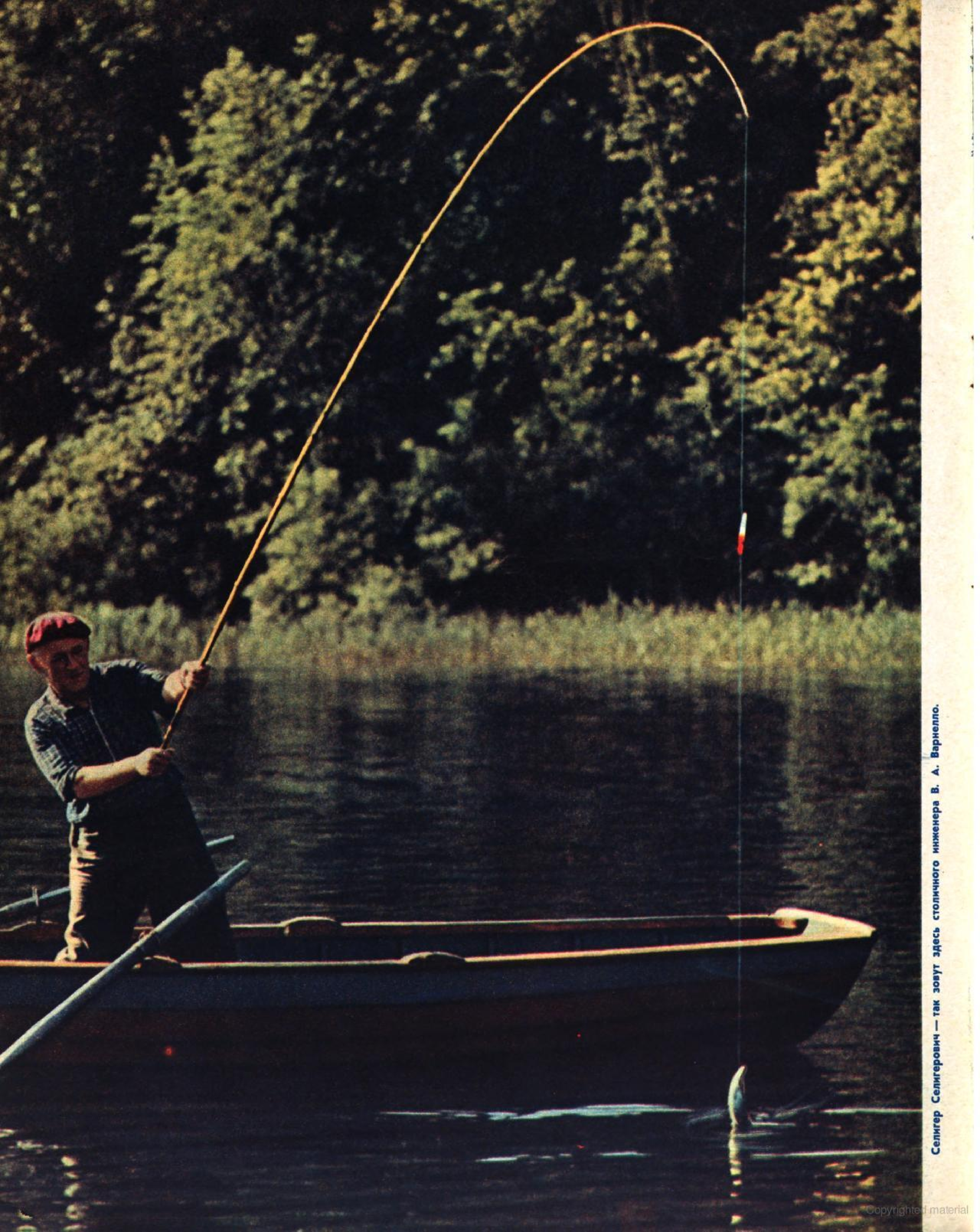

Вечер...

Солнце, цветы, молодость.

Селигерское многоцветье

Селигер Селигерович — так зовут здесь столичного инженера В. А. Варнелло.

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

СЛЕД ВРЕМЕНИ

ПЕРВЫЙ ФРОНТ

Собирать винтовочные гильзы
на полях непаханой земли
я ходил в «ботинках по ленд-лизу»,
и они отчаянно текли.
Я смотрел, как дождь на мокрых пожнях
донимал растрепанных ворон,
и жалел, что лучший наш сапожник
в бомбовой воронке погребен.
Щурясь, как при выходе на стрельбы,
с дратвою в застуженных руках,
он-то уж никак не потерпел бы
дырок в иностранных башмаках.
Он бы к ним по-нашему, по-русски,
от щедрот немеряной души
притачал бы добрые союзки.
— На,— сказал бы,— радуйся. Пляши!..
Как бы я подковками по мосту
грохнул бы, дивя районный люд!
Но, увы, убитые с погоста,
как ты там ни грохай, не встают.
Лишь потом, по своду старых правил,
я узнал, что, бедам нашим рад,
мне мои ботинки в счет поставил
некий зарубежный дипломат.
Желтые, из буйволовой кожи,
сшитые на совесть, не солгу,
я носил два года их, и все же
я себя не чувствую в долгу.
Подлая, торгашеская милость!
Я считаю так, что за меня
собственною кровью расплатилась
щедрая окопная родня.

Я б хотел спросить у дипломата,
не касаясь прочих важных тем:
как бы он сумел представить плату,
чтоб ее сполна вручили тем,
кто в Берлине в грохоте и гуле
шел в огонь у выщербленных стен,
сердцем пересчитывая пули,
ничего не требуя взамен?
Мы щедрей. Мы платы не просили
за печаль неслыханных утрат
в год, когда на Родину, в Россию,
ехал из Германии солдат,
в год, когда, с лица смывая копоть,
думал он про пахоту и сев,
выхватить союзную Европу
из печей Освенцима успев.

ВРЕМЯ

Пунктуальный на радио
и заботливый люд:
точным временем радуют
через десять минут.
Репродуктором-блюдищем
оглашается весть,
что у прошлого с будущим
настоящее есть...
Беспределен высотный
океан надо мной.
Мне неполную сотню
разменять под луной.
Это малая малость,
и в любом моем дне
я хочу, чтоб нуждалась
вся планета во мне.
Но дорогами странствий
весь не вышагать свет.
Невозможен в пространстве
всеобъемлющий след.
Над широтами всеми
я бы выбросил клич:
не пространство, а время
нам важнее постичь.
Им овеяны все мы
каждый час, каждый миг.
Время — вечная смена
состояний земных.
Всеобъемлющи воды
океана секунд,
что сливаются в годы
и к закату влекут.
Есть и в водах, однако,
острова, если впредь
углубленно, как якорь,
локти в стол упереть...
Над моими твореньями
вдохновенно сопя,
сердцевиною времени
ощущаю себя.

ВЕЧЕР

Опять соловьи и свиданья,
опять у натоптанных троп
гармошка играет страданье
и песня поется взахлеб.
И сердце по-прежнему тает,
когда небывало густой
с недальних полей наплывает
гречихи медовый настой.
А солнце над лугом такое
и музыка так хороша,
что больше не хочет покоя
уставшая медлить душа.
Скорей бы упали на тропы
студеные капли росы!
И девушки время торопят,
и парни глядят на часы.
Дымится набухшая соком,
тугая до хруста трава,
и вечер ложится у окон,
как будто у глаз синева.

Воронеж.

Владислав ШОШИН

Чудеса краев лесных...

Кто отлучит меня от дела —
От странствий вешних по лесам?
Мне жизнь без песен надоела,
А где искать их, знаю сам.

Они встают, как ландыш белый
Из потревоженной земли,
Их над зарею загорелой
Несут на Север журавли.

Их не услышать — преступленье,
И потому, едва заря,
В природы вешнее владенье
Иду, весну благодаря.

И на лице моем задорно
Загар пылает золотой.
Как будто я весь день у горна
Стою на вахте непростой!

ВОЛОГОДСКАЯ ВЕСНА

Обернулась сказка былью,
Дремлет месяц на стогу,
И стрижей сверкают крылья
В красноземном берегу.

Белых ирисов отара,
Камышовый волнолом,
И на взгорье у амбара
Чудо-мельница с крылом.

Щек девичьих цвет пунцовый,—
Как зарю несет вода...
Это даже Васнецову
И не снилось никогда!

Кто отважится измерить
Воли северной разбег,
Кто посмеет не поверить,
Что красивей нету рек?

Ты сразишь любое лихо,
Сосен башенный прибой;
Пароходы ходят тихо —
Все любуются тобой!

Поколеньям полюбились
Чудеса краев лесных,
И сердца любовью бились
В наших дедах крепостных.

И березою на камне,
И тростинкой у ручья,
Каждой травкой дорога мне —
Север — родина моя!

* * *

Лягушонок скачет вдоль дороги,
Стрекозу смешную увидав.
Выглянул бычок золоторогий,
Дождевую тучу прободав.

Голубой осоки разговоры,
Желтые кувшинки в камыше...
Травяные горы Холмогоры,
Я ведь тоже северный в душе.

Золотые оползни откосов,
Клевера малинового бред...
Вправду гениален Ломоносов,
Если здесь явился он на свет!

Ветер медоносный и лучистый
Бьет высокотравную волну.
Не галдите, праздные туристы,
Я хочу послушать тишину.

Я бы, не стесняясь выражений,
Запретил работать вашим ртам.
Если ныне нет богослужений —
Поклоняйтесь травам и цветам.

Красные, лиловые, льняные,
Песнопений полные грудных...
Как же называть мне вас, родные?
Стыдно мне не знать своих
родных...

Ленинград.

Ольга ФОКИНА

Звоночек, мой живой...

В угоре за деревней —
Заброшенный родник.
Свалил в него коренья
Какой-то озорник.
Какой-то неумеха
Дырявый свой сапог,
Наверно, ради смеха
Поставил в желобок.
А этот камень кинул,
А этот палкой ткнул,
Насыпал липкой глины,
Ушел — и не взглянул.
А я о том не знала,
Я дома не была,
А то бы им попало
За грязные дела!
Печаль твоя понятна,
Звоночек мой живой...
Бегом бегу обратно
За заступом домой.
И яростно копаю,
И весело пою,
И струйка голубая
Спешит в ладонь мою.
Несу по огороду
На утренней заре
Серебряную воду
В серебряном ведре.

Вологда.

Николай РОДИЧЕВ Рассказ Рисунки Л. Хайлова.

За сиреневыми

У Терентия Кошелева оторвало руку на войне... Брошенный взрывной волной навзничь, он еще видел, как взлетели над вздыбленным орудийным лафетом пустые гильзы и ящик, из которого он только что брал снаряды... Его стошнило, затуманилось в голове.

Пробудился не скоро. К той поре, когда Терентий смог, не стеная от боли и не впадая в беспамятство, лежать на госпитальной койке и кое-что соображать, дивизион его очутился за Дунаем.

«Ну и хорошо, что так все кончилось,— думал сначала Терентий.— Жив, и ладно».

Само по себе это открытие для солдата, проведшего на передовой почти два года, изверившегося среди крови и каждодневных смертей в возможности выжить, было равносильно чуду.

«Не беда! — утешал себя Терентий, припоминая своих покалеченных родичей и одноруких знакомых.— Живут же люди без руки-ноги».

Чувствовал себя выздоравливающий Терентий так, будто родился заново. По-иному ему думалось обо всем. Ходил он вперекос. Облегченное плечо забегало наперед, а единственная рука казалась непривычно длинной, все будто сама искала себе занятия.

Прохаживаясь по двору госпиталя, батареец набирал в горсть камешков, подбрасывал и радовался, если успевал переловить их одной рукой. Однажды он подошел к наряду, заготавливавшему дрова для кухни, и попросил топор. Первый удар по полену пришелся вкось, и Терентий чуть не упал, потеряв равновесие. Но со второго захода он развалил березовый кругляк, вызвав шумный восторг случайных наблюдателей.

— Перебьемся! — горделиво заявил Терентий.— Полный порядок в дивизионе!

Врачи не спешили его выписывать. Продолжали делать примочки, заматывали сизый шрам на плече бинтами, водили на рентген.

Терентий отоспался, похорошел лицом. Он научился без помощи нянь натягивать брюки, сам себе пришивал пуговицы. От курения солдат отвык за госпитальные месяцы, но если приходилось кому из запеленатых в бинты соседей по палате услужить насчет курева, мог в один момент свернуть козью ножку...

И только во сне от него никак не отходила та, уже невозвратимая двурукая жизнь.

Любил Терентий править скирды до ухода на войну. Нехитрая вроде забота — сложить на краю поля обмолоченную солому или застоговать сено в поречье. А уж куда проще с виду управиться с тремя-четырьмя подводами полевых кормов у своего дома... Да только иной мужик не зря жмет, бывало, седеющую бороденку в кулаке, переминается с ноги на ногу перед молодым парнем:

— Уважь, Терентий Фомич, не посчитай за труд! Взбодри стожок на подворье, сам гондобил — по швам кладь ползет, кончается, не живши...

Пойдет и поправит стог Терентий. Да так припечатает оберемок к оберемку, причешет с боков, принарядит эту самую копенку, что лей дождь сорок сороков — больше чем на вершок не проймет, дуй вьюга-завирюха с любой стороны — до самой весны медвяные запахи не улетучатся!

Снилось Кошелеву, как он нанизывает на длинные двухрожковые вилы охапки соломы, похожие на кучу свалявшихся солнечных лучей, и подает тяжеленный навильник на самую верхотуру скирды.

Словно океанский корабль, будет возвышаться эта скирда среди застывших снеговых волн...

Докой по части истолкования снов в седьмой палате считался казак Лаврин Ерашев. Бритоголовый, с заметной седловиной на удлиненном черепе и распушенными по краям усами, Ерашев был всегда улыбчив. Сны толковал по-хорошему.

Кошелев никогда не видел Ерашева тоскующим из-за собственного увечья. К потере обеих своих ног казак относился как к чему-то неизбежному, что на роду написано. По словам лихого рубаки, он провидел свое несчастье.

— Вскочил это я будто на дончака,— исповедовался Ерашев,— и по привычке стремя ловлю ногой... Сызмальства у казаков не принято стремя рукой поправлять, ноги сами должны свое место знать при седле. А тут плывут они у меня вразброс, будто не мои уже!.. В аккурат через неделю снаряд под брюхом у коня разорвался...

— Во-он как дала себя знать судьба-злодейка! — отозвался на эту исповедь казака пехотинец Лизин.— Не ведаешь, где уронишь, а где найдешь...

Андриан Лизин любил в разговорах печальное. Он был из староверов, приамурский охотник. Знал множество примет.

— Треп натуральный! — возражал сразу двум Кошелев.— Я во сне сколько по воздуху летал... А не вырос ни на вершок. Как был сто семьдесят, — до сей поры...

Работа на войне попалась Кошелеву накладная. Значился он подносчиком снарядов. Вроде бы и недолго палит гаубица в отведенное ей для артподготовки время, а сколько попляшет вокруг нее обслуга!

Фронтовой сон мало чем отличался от повседневности. И хотелось иной раз батарейцу приманить себе в память что-нибудь давнишнее с лугов, пашни с жаворонками... Загадывал по мужскому делу и такое, о чем не скажешь вслух. Деревенскую подружку Варьку звал к себе. Но под колючие, покрасневшие от порохового дыма веки из ночи в ночь шли волнами «фоккевульфы», зависали над самой головой, сваливались на крыло... Нередко Кошелев просыпался от самой настоящей бомбежки. Сон мешался с явью. И в госпитале чаще снилась пальба. Вскрики соседей по палате преображались в отрешенном мозгу, как былые команды «Огонь!.. Огонь!..».

* * *

Та, которую звал ненароком в чуткий сон, навестила его лишь в госпитале, пришла в память разом с ощущением бодрости в теле.

Кошелев вышел после обеда во двор госпиталя поразмяться.

Из палисадника несло прелью, лежалыми листьями, талой водой. Пожилая санитарка сибирячка Пана скалывала большим столовым ножом гололед с затененных уголков крыльца. Покончив с крыльцом, она принялась взрыхлять обветренную, залубеневшую землю под окнами палаты. Видно, что-то посадить думала, а может, просто обкопать кустик под окном. Кустик так себе, хилый, не разберешь, в каком звании. Не растет, а постылую службу правит.

Терентий разыскал у каптенармуса приржавевшую по краям лопату с куцым черенком. Оглядевшись, чтобы не попасться на глаза дежурному, жадно воткнул ее в землю. От вывороченных в азарте комков грунта остро запахло чем-то домашним, полузабытым, понятным только хлеборобу. К жирному выползню соскочил с крыши воробей, зачирикав точь-в-точь, как у них под Сердобском. Вспомнилось о рыбалке.

Батареец, к радости своей, совсем позабыл о том, что копает одной рукой. А когда работа была окончена и печальная думка дала себя знать, не огорчился, замял в себе тоску. «Приеду в деревню,— решил он,— коней не пущу на усадьбу, сам все перекопаю...»

На другой день спросонья, в чем был, повис на подоконнике. Сомлел от счастья: веточки распрямились, посвежели. Опушился низ куста. На одном отростке взыграла, фиолетовым цветом занялась крохотная крупитчатая гроздочка.

— Сирень! — изумленно вскрикнул Терентий. И тут же, будто выдохнул пришедшее издалека, цветами пахнущее слово: — Варюха!

...Много ее, душистой, пряной, росло у замшелой плотины за околицей. Белая, фиолетовая, даже черная попадалась, словно окунувшаяся в ночь. Сюда, только сюда соглашалась приходить на свидание Варюха. И в руках букет, с белой веточкой в середине. Если парень вздумает обнять, не противится, лишь предупредит строго:

— Гляди мне, не помни цветы, слышишь?

«Чудная!» — подумает Терентий. «Чудная!» — скажет вслух.

— Давай-ка искать шестиконечные звездочки,— предложит девушка.— Они счастье приносят.

Одну ветку подаст Терентию, другую себе берет, крепко зажмет в руке.

— Ты почему не ищешь? — рассердится не в шутку, заметив, что Терентий не отрывает глаз от нее, а о сирени забыл.

— Чу-у-дная!— пропоет Терентий ей на ухо.— Ведь я уже нашел...— И за косу тронет.

— А я еще не нашла! — отведет она ру-

ку парня. И уткнется, будто разобидевшись, в букет. Глаз не закрывает, смотрит сквозь ветки на небо, на речку, на Терентия. А на глазах росинки с сирени... Хочется разглядеть ей: что там, за сиреневыми звездами.

Проснулся Терентий не в себе, облизнул соленые губы. Не разглядел еще — угадал в сидящем на соседней койке казака. Лаврин курил, с хрипотцой в горле часто дышал. От глубоких затяжек самокрутка то и дело вспыхивала, обжигала губы.

— Сейчас никто не выходил из палаты? — приглушенно спросил Кошелев. Глаза его напряженно устремились на темный проем двери.

— Нет, — бросил казак, не поняв тревоги Терентия.

— Не может быть! — осердился батареец. — А Варька?.. Я обнимал ее сейчас, как живую... Ноги белые, будто из мрамора... — Кошелев прислушался к своему голосу, узнал себя. Губы его в растерянности шептали: — А как же рубашка ее, вот она, в моем кулаке, намоклая?..

Ему стало стыдно и себя и своих слов. Но сон все еще не отлетал. Терентий остро чувствовал запах сирени, а вместе с ним и близость женщины. Варюха т о ч н о прильнула к нему, т о ч н о сказала: «Какое удобное плечо у тебя, Тереша... Всю жизнь голову клала бы на такое плечо...»

— На такое! — передразнил ее, пригрезившуюся, батареец вслух. — А ежели оно не такое? Переполовинили мне его...

— Не буровься! — строго потребовал Лаврин. — Ребят побудишь!..

Уже окончательно проснувшись, радуясь тому, что привиделось ему, Кошелев на коленках подобрался к казаку.

— К чему бы это могло померещиться мне, Лаврин? Про плечо для какой надобности она разговор затеяла?

Казак промычал неопределенное, плюнул на занявшуюся огнем самокрутку. Ему явно не хотелось сейчас продолжать шуточный брех о снах.

— Никого тут не было, понял? — отрезал Лаврин и смолк, щадя свои думки.

бовал объяснить, к чему снятся женщины. Не добившись ответа, обозвал Лаврина дураком. Затем побежал во двор и вырвал сиреневый куст с корнем.

Многим было на удивление то, что Кошелев так буен и дурашлив во хмелю. Ему простили. Но через день батареец напился снова и пошел к главврачу. Там он стал проситься на повторную операцию, чтобы выправили, сделали удобным плечо.

Батарейца на другой день выписали из госпиталя.

К вокзалу Терентий шел без оглядки, словно торопился к другим за получением того, в чем ему отказали здесь.

— В сторону Сердобска через час будет «Аннушка», — уткнувшись в поездные документы, проговорила кассирша. — Если хотите, комендант вас посадит. Утром будете дома...

Она была совсем молодой, но глубокие старушечьи складки у рта заметно портили скуластое, черноглазое лицо.

— Комендант вроде вас, на войне пострадавший, — продолжала она упрашивать. — Он быстро уладит.

— Утром? — запоздало переспросил Кошелев и нахмурился. Утро... Солнце... Мальчишки с удочками на плотине. Кричать станут: «Скирдоправ вернулся! Терентий! Безрукий!» И это «безрукий» как примета, как кличка по деревенским обычаям на всю жизнь...

— А так, чтобы попозже, не ходят? — прямо глядя в печальные, все понимающие глаза женщины, просительно заговорил батареец.

Та скользнула по пустому рукаву притухшим взглядом.

— Ходит пятьсот-веселый, раз в сутки. И этот в Сердобск на рассвете прибывает... А вы не бойтесь, — вдруг по-домашнему просто сказала она.

— Да мне что!.. Я прямой наводкой по танку стрелял, — зачем-то похвастался Кошелев. Но документы из рук кассирши все же взял.

Женщина улыбнулась одними глазами,

звездами

Казак отвел глаза, потом, будто спохватившись, посмотрел снова в лицо батарейца. Между бровей у того в тяжелой складке зависла, набухая, крупная капля пота. Ерашев, схватив Терентия за шею, стал грубо трясти.

— Ну, это ты брось! — приговаривал он. — Выдумал я про стремена, а ты теперь взаправду? Матрос из третьей палаты вешаться надумал, а ты про плечо... Победители... Хоть и потопталась по нас смерть, а целиком взять не осилила, понял? Ждут нас жены, вот и снятся по ночам...

— Варюха не жена мне! — с устрашающей твердостью в голосе проговорил Терентий.

— Не жена? — сказал отходчиво казак. — Тогда дело другое!

Батареец вернулся на койку, представил все свершившееся в безысходной реальности и вдруг заплакал от жалости к себе, потому что не было удобного плеча у него и никогда не будет.

Утром Кошелев выпросил у каптенармуса свой вещевой мешок («Просушить тряпки перед дорогой...»). На самом деле отнес в кочегарку новые яловые сапоги, подаренные фронтовым лейтенантом. Истопник на толкучке махнул сапоги на две бутылки самогона. Батареец сразу опорожнил одну бутылку. Пьяным он приставал к казаку, тре-

сказала кому-то третьему:

— Если б мой хоть таким вернулся...

— А что, писем долго нету? — сочувственно посмотрел ей в лицо Терентий.

— Письма были, — вздохнула кассирша. — В лесу его раненого видели. До санбата не дошел.

— Случалось и такое, — заключил батареец. — Небось, ребеночек имеется?

— С ребеночком было бы легче...

«Здесь тоже свой узелок жизнь завязала», — подумал Терентий.

Вслух произнес:

— Говорят, без ребеночка-то лучше в таком разе... Легче к другой жизни приспособиться.

Она зябко передернула плечами.

— К другой не хочу... Хороших поубивало, а кого-нибудь не нужно.

«А какой же я? — хотел спросить Терентий. — Если бы погиб, наверное, хорошим считали бы. И если бы целым остался...»

Кошелев покрутился в зале ожидания, поискал, где бы присесть и поговорить с самим собою. Блуждающим взглядом он наткнулся на серую, размытую дождями вывеску буфета.

Когда вышел из буфета, в небе вовсю полыхали звезды. С трудом осилил привокзальную площадь, свернул на улицу, обне-

сенную тесовым забором. Постоял у забора, пытаясь отгадать, зачем здесь колючая проволока. Вдруг почувствовал: дальше идти не может. Тяжелая истома, какая случается у людей, много перенесших и еще не взявших силу, внезапно свалила Терентия с ног.

Надрывно голосила маневровая «кукушка», словно поднимала тревогу. С перебоями тарахтел движок. «Картину показывают»,— улыбнулся Терентий и провалился в сон.

* * *

— Эй, паря! Ты чего здесь приклеился?

Безногий мужичонка в помятой матросской робе сновал вдоль забора на роликовой тележке, отталкиваясь руками. Голова низко острижена. Узкие серые глаза враскос, на груди рядок нашивок за ранения. Кошелев повел рукой спросонья, и калека откатился на шаг.

Мимо шли люди. В пиджаках, фуфайках. С узелками, свертками, авоськами. Важно прошагал, сутулясь, шепотком поругивая кого-то из своих знакомых, железнодорожник в спецовке. Скрипуче колыхался в его руке кованый сундучок. Вслед за ним просеменила старушка, путаясь жилистыми босыми ногами в подоле юбки. Поравнявшись с безногим, старушка сняла кошелку с плеча и долго рылась в ней. Наконец подала картофельный пирожок. Две женщины, шедшие следом, будто сговорились заранее, опустили в бескозырку по медяку.

— Душевное спасибо тебе, мамаша!.. Благодарствие, сестрицы! — выкрикивал на всю улицу человек в бескозырке.— Не думано, не гадано, люди добрые... Мичман второй статьи Изосим Гуслистый первый удар на себя принял. Руками и ногами отбивался, пока свои подоспели, живота не жалел!.. За самим Гитлером гнался, только не пымал... Спасибо тебе, папаша! — поклонился в самые ноги вышедшему из-за угла старику попрошайка.— Трудовую твою копейку вовек не забуду, за награду сочту...

Изосим тихо ругнулся вслед девушке, которая торопилась на гудок и даже не взглянула на сидящего у дороги крикливого человека. Затем полуобернулся к Терентию:

— Ты все еще лежишь?

Что-то угрожающее показалось ему в заспанном, молчаливом батарейце, который, лежа на животе, шарил под забором, отыскивая фуражку.

— Ну-ну, только без драки,— готовился к худшему Изосим.— А то еще подумают, что между флотом и пехотой нет взаимодействия.

— Отдай фуражку! — потребовал батареец. Он увидел свой головной убор неподалеку от перевернутой бескозырки нищего.

— Фуражка твоя в деле,— весело сообщил Изосим.

Сыпались медяки, гривенники. Чья-то рука бережно опустила треугольный кусочек хлеба — довесок пайка.

Со стороны вокзала важно шествовала пара: высокий гражданин в габардиновом плаще с баулом и его пышногрудая спутница — в белых танкетках, с газовым шарфиком в руке.

— Владик, остановись же,— умоляла дама, перекладывая шарфик из одной руки в другую.— Я прошу тебя, Владик... Нельзя же так... Нужно понимать простой народ, нужно сочувствовать...

Мужчина, хмурясь, отворачивался.

— Позорище! Им пенсии дают...

Изосим уже прицепился к очередной жертве:

— Прибавь, бабка, по рублю на рыло...— Он заметил крестик на шее у женщины и сыпал богоугодными словами: — Верующие мы с братом, мамаша... Христовы воины, окалечены на поле брани. Каждый день храм посещаем. На свечки, мамаша, подбрось...

— Тебе-то можно и не каждый день,— скорбно резонила старуха. Она с трудом выковыряла со дна облезлого кошелька еще одну бумажку.

— За кого молиться? — колыхаясь от беззвучного смеха, пытал ее Изосим.

— За себя, болезный... За себя,— прошамкала старуха.— Я свой век — худо ли, хорошо — свековала. А твоя заря только занимается...

* * *

Часу в четвертом пополудни около безногого остановилась приземистая молодайка в засаленном чесучовом платке. Привалила к забору неподалеку от Терентия кособокую плетенку, поправила выбившуюся из-под платка рыжеватую прядь, хмуро заглянула быстрыми очами в бескозырку.

— Не густо! — упрекнула она.— На рынке и то больше подавали.

Молодайка вытряхнула содержимое бескозырки в широченный карман, пристроченный к обратной стороне замызганного передника.

— Правда твоя, Нюшка! Как в воду глядела!..— поспешил согласиться с ней Изосим. Говоря так, он запустил руки в плетенку в надежде прихватить чего-нибудь съестного.— Как с неба в засуху, нынче не капнуло...

Кошелев давно уже пришел в память. Его ужасала предприимчивость нищего.

В кармане Кошелева не осталось ни гроша. За последнюю бутылку крепленого вина вчера пришлось рассчитаться трофейной бритвой «Золинген». С присущей артиллеристу привычкой Терентий взвешивал сейчас, как ему жить дальше: вернуться в госпиталь с повинной или пристать к попутному эшелону?

Заботы Терентия самым неожиданным образом изменились с появлением Нюшки. Изосим заметил женщину издалека. Он рассовал деньги по складкам одежды. Затем решился на иное: вывалил добычу в фуражку Терентия и напялил ее по самые уши батарейцу.

— После поделим! — шепнул он доверительно.

В другое время Терентий погнал бы побирушку прочь, но сейчас, при виде так недостающих ему денег, не решился. Скомканные рубли и трешницы приятно щекотали бритую голову.

Нюшка не спешила уйти. Она испытующе косилась на Терентия, придиралась к Изосиму.

— А ну, дыхни!.. Винище лопали?

Терентия возмущало, что она говорит и о нем.

Изосим бил себя в грудь, распахивал фланельку, демонстрируя искренность и покорность.

— Нюша, дай на зуб что-нибудь,— напоминал безногий, стараясь перевести разговор.

— Жив будешь... Посиди еще с часок. Сегодня у заводских получка.

— Пустые хлопоты! — убеждал женщину Изосим.— Когда под танкиста играл, больше верили... Больно уж не по мне матросская одежа эта... Один флотский чуть не побил. Говорит: отдавай концы, дрейфь отсюда, не позорь формы нашей... Сколько, говорит, заплатить тебе, чтобы ты бросил поганое ремесло?.. Тридцатку давал.

В глазах Нюшки заиграли молнии.

— Где красненькая? — нехорошим голосом спросила она.— Ты от меня деньги прячешь?!

Изосим понял, что сболтнул лишнего. Стушевался, но даже глазом не повел в ту сторону, где покоились сейчас злополучные деньги. Нюшка вдруг ухватилась за поводок тележки и потащила Изосима домой. Безногий притворно визжал, просил прощения, опрокидывался. По его знаку Терентий плелся вслед за ними.

* * *

— Кто меня обманет, тот до завтра не проживет,— важничала перед Кошелевым Нюшка с первых минут знакомства.— Не родился еще мужчина, которого я не раскусила бы до конца. На что уж Изосим — ловкач и трепло, и то я по глазам сразу приметила: промежду вами, мужички, сговор имеется... Или на войне, думаю, встречались, или под забором снюхались.

Все это Нюшка высказала по пути к дому, одной рукой придерживая поводок, другой подталкивая нерешительного Терентия.

Жила Нюшка в ветхой хибаре на задворках вокзала. Единственная приличная по размеру комната была занята огромной русской печью с множеством дверец, отверстий, заслонок.

— Не печь, а целый агрегат! — усмехнулся Терентий.

Нюшка погладила печь ладонью.

— Это наша кормилица... Сейчас я вас домашним варевом попотчую...

Она метнулась за ситцевую занавеску.

— Не беспокойтесь,— смутился Терентий, разыскивая глазами выход.— Я вовсе не рассчитывал... Да мы с вашим мужем даже не назвались друг другу...

Изосим отчаянно теребил гостя за штанину, подавал остепеняющие знаки. Он ополоснул лицо в кадке, стоявшей на полу в коридоре, сменил флотскую одежду на домашнюю косоворотку. Чистая, схваченная латочкой у воротника сорочка больше шла попрошайке. Стриженный под ежика, он казался вороватым мальчиком из дурной семьи, за воспитание которого наконец взялись.

Стол был уставлен не по военным годам обильно: гора лепешек из белой муки, ватрушки с пахучей творожной начинкой, куски сала. Нашлись и огурцы домашней засолки, капуста с изюмом. В глубоких мисках дымился наваристый борщ. Вместо чарок хозяйка выставила граненые стаканы.

— Изосим-то ведь тоже нездешний,— зачем-то объяснила Нюшка, поймав на себе вопросительный взгляд Терентия. Она сидела за столом в новом крепдешиновом платье, врезавшемся под мышками.— Так просто, два кривых дерева при неровной дороге... Сцепились голыми ветками, чтобы буря в одиночку не повалила...

Изосим при этих словах вздохнул, замотал головой, горестно осклабился.

— У него ног нема, а у меня сердце никудышное,— продолжала хозяйка.— Все в одни руки, все сама: и муки в деревне достань, и к поезду успей, и худобу накорми, и навари, и обстирай...

У Нюшки выходило так, будто они с Изосимом самые несчастные на свете, богом и людьми покинутые.

Терентию казались напрасными Нюшкины обиды на судьбу.

— Живете вы ничего, Анна... как вас по батюшке... Фатьяновна. Куском хлеба не обделены, и другое, небось, имеется. Только вот занятие Изосиму надо бы иное...

— Вы скажите ему об этом, скажите! — замахала руками хозяйка на безногого.— Разве он меня слушается!

В голосе Нюшки слышались и жалость и негодование.

— Не-ет!.. Не-ет! — промямлил Изосим в ответ на Нюшкины упреки.

Нюшка же, осуждая, пыталась дать и объяснение постыдному занятию Изосима:

— Я спозаранку на работе, а ему что одному дома делать? От скуки это у него, к людям тянет.

МИНИАТЮРЫ

Павел **ЖЕЛЕЗНОВ**

Вечер на мосту

Отражает река в полудреме
искрящийся Млечный Путь.
Чудится: кто-то разбил термометр
и бросил на бархат ртуть.

— Все мы к обществу привыкши,— рассуждал Терентий.— Но руки! Руки!.. Разве для того они человеку даны, чтобы куски считать?

Нюшка вдруг перестала соглашаться с Терентием, настороженно поглядела на него, по-старушечьи поджав губы.

— Что же тут обидного для калеки — копейкой на пропитание разжиться? — удивилась она.— Чай, не у германца или фашиста какого-нибудь просит! У своих!..

— И все же я несогласен,— упрямился Терентий.— Ноги — это не самое главное... Руками работный человек жив... Вот дядя мой Иван с гражданской на костылях приволокся. А шорник первейший в округе. И музыку осилил, на гармонике вызрывает, аж слеза прошибает... Эх!

Что-то теплое, задушевное поплыло в душу при воспоминании о деревенских вечерках.

Терентия внезапно атаковал его же подзащитный.

— Сколько там, паря, оказалось в картузе? — выпалил без обиняков Изосим.

— Не считал, не заглядывал даже.— Терентий с безразличным видом кивнул на висевшую поодаль от входа свою фуражку.

— А я наобум знаю: около двухсот тугриков!.. За полдня! — Изосим покачался на табуретке, будто усаживаясь поудобнее, готовясь к новому удару.— Теперь скажи мне по совести: казна тебе за руку твою сколько положила?

— Что, съел?! — взвизгнула Нюшка.

Изосим продолжал, не обратив внимания на хохочущую Нюшку и негодующего Терентия:

— Теперь о вытянутой руке потолкуем... Вот ты, к примеру, заявишься в свою родную деревню. «Слава победителю!..» И все такое похожее... А хаты своей нету? Нету, вижу по глазам... По молодости лет не успел недвижимостью обзавестись, или время не подоспело... Может, и бандиты сожгли в войну... Ну, вот. Первое слово твое после радостного похмелья к гражданам начальникам: «Прошу...» И так далее... Теперь ты рассуди,— заключил Изосим,— не все ли одно, где просить?

Изосим говорил въедливо, со злым торжеством выворачивая изнанку жизни. Это насторожило хозяйку дома.

— Ну, хватит,— предупредила женщина.— Языком сколько ни мели, муки не прибавится. А му́ки на свою голову накличешь...

— Пошла бы ты погулять,— нехорошо повел на нее хмельным глазом Гуслистый.

— Изосим, перестань! Не видишь, что ли: человек спать хочет! — объявила она внезапную перемену в себе.

— Это вы обо мне? — испугался Терентий.— Я нет, мне пора... Большое спасибо...

— Никуда вы не пойдете!— Нюшка, быстро освоясь, говорила с гостем таким же тоном, как и с безногим. Улыбаясь и похохатывая, подтрунивая над Терентием, она ловко, несколькими заученными движениями стащила с него гимнастерку.

— Зачем вы так? — отбивался Терентий.— Я же сказал...

Нюшка загнала гостя в постель, выключила свет. Сама вышла в боковушку, развела примус и долго плескалась над корытом. Распатланная, пышущая жаром, шастнула на печь.

* * *

Утром Нюшка приготовилась на рынок. Увязала две корзины. Нарядилась в цветастый полушалок. Постояла у зеркала, подвела черным карандашом брови.

— Отлеживайтесь, мужички, сил набирайтесь... Жаркое в заустье, вареники на плите... Зосик, накорми человека.

Из сеней грубовато позвала:

— Эй, кто там из вас на подъем легче? Затворите за мной дверь!

Жадно прильнула в полутьме, дыхнула в лицо щами.

— Ну, выспался? Ничего худого не приснилось? Смотри не уезжай, с базару не дождамши... Клунок в дорогу соберу...

Но уезжать Терентию было не с чем. Фуражка пуста. В карманах солдатских брюк побывала чужая рука. Запропастился куда-то вещмешок.

После сытного завтрака Изосим сунул Терентию несколько помятых десяток.

— В деповской столовой буфетчица первачком торгует.

Терентию надоедала опека случайных благодетелей. Он отвел руку с деньгами. Изосим дотянулся до брючного кармана батарейца.

— Дают — бери, а бьют — беги.

— Бьешь ты меня, бьешь, Изосим!— в сердцах твердил Кошелев.

Отвезя побирушку на вчерашнее место, Терентий почти бегом кинулся на вокзал. Не протолкался к кассе: в этот день где-то впереди размыли дожди однопутку, поезда не шли...

Хмельной, раздосадованный на себя, Терентий допоздна шатался по поселку, пока не наткнулся на патрулей. Еле успел закрыть за собой знакомую калитку.

«Откуда эта слабость у меня перед гражданской жизнью? — пытался доискаться причины своего безволия батареец.— Неужто на фронте избаловался выпивкой?» Вспомнил отца, умершего в бесхлебье, дедушку. О родичах говорили: рюмкой не брезговали, но головы не теряли.

Наведывалась в сознание и другая думка: «А почему, собственно, ты неважного мнения о Нюшке и Изосиме, по какому праву засчитал их в неровню себе? Накормили, чистые простыни из сундука достали... Взаполночь Нюшка приставала? Не лучше, но и не хуже других она! Всякая баба, тем более вольная, о себе заботится. Иная молчком такое вытворяет!.. А эта — сама простота: что на уме, то и на языке... «Новый дом построю... Клунок в дорогу соберу...» Вот только об Изосиме она вроде забывает».

Терентий устал разговаривать сам с собою. Хотелось узнать о случайных знакомых еще что-нибудь перед тем, как делать окончательный вывод: ругаться с ними или расстаться подобру... Выпив, он подсел к Изосиму. И хоть сидели они порознь и Терентий всем своим видом показывал непричастность к постыдному занятию, прохожие не очень-то различали, кто из них хуже, кто лучше, кидали мелочь тому и другому.

* * *

Вечером играли в лото. Скуки ради Нюшка с Изосимом затеяли подсчитывать, кто сколько за свою жизнь поел каши, выпил спиртного.

Нюшка заливисто хохотала, довольная.

— Будет что вспомнить под старость...

Терентий рассказывал о родном селе, вспоминал о целебных травах в пойме речушки Нарочь, в лесных засеках. Особое место в застольной беседе он отводил дяде Ивану, заменившему отца. В памяти сохранилось только хорошее. Уже в годах, со слабым здоровьем, дядя Иван заходился перед войной пристраивать боковушку для Терентия, вошедшего в жениховскую пору.

— Может, обвыкнется у нас, девку приведет... Все тебе подмога,— толковал он своей супруге.

Дебелая, крикливая, вечно чем-то недовольная, тетка Агриппина была словно чужая в доме. За сварливый характер ее не любили даже собственные дети, близнецы Олюшка и Сашко. Может, потому дети тянулись к ласковому, покладистому Терентию. В счастливом, щебечущем обществе Терентий нередко и засыпал на сеновале, обвитый теплыми, доверчивыми ручонками детей. Всякий раз у него щемило сердце от нежной жалости к обедневшей после его ухода на войну ребятне.

Нюшка изверлась, слушая красивые речи гостя о деревенской жизни. Чтобы скрыть свою тоску, она подпевала Терентию, когда тот заводил песни про рожь или про расставанье.

— Об нас-то с Изосимом, Терентий Фомич, небось, сразу и позабудете?

На «ты» она разговаривала с Кошелевым лишь в постели.

— Скажешь такое, что и слушать нечего! — обижался Терентий.— Я сразу телеграммой отзовусь...

Кошелев верил, что пройдет немного времени, он накупит гостинцев детям, добудет новую смену белья дяде, а тетке Агриппине сибирскую шаль и отправится в дорогу. Он даже пробовал приработать — разгружал на пакгаузе шелевки. Принес заработок три рубля и семьдесят копеек и был жестоко осмеян Нюшкой.

«Любит меня Нюшка,— верил Терентий.— От себя отпускать не желает».

В день отъезда хозяйка не пошла на рынок, печь не топила. Вышла из боковушки с газовым шарфом на плечах. Кофточка насквозь светится, юбка шелковая. Чулки на ногах — что они есть, что нет. Хочется руками потрогать.

Все в узелках, а на столе скупо: бутылка портвейна и три рюмочки, как игрушечные. Нюшка улыбается, но бледная, синь под глазами. Губы покусывает, кашляет в кулак. Терентий и без выпивки хмельной, старается не замечать оглушительных вздохов хозяйки.

— Спасибочки вам, Анна Фатьяновна, за все... И вам, Изосим Корнеевич!

Первым опорожнил рюмку Терентий, Изосим и Нюшка чокнулись, а ко рту не спешат нести, друг на друга поглядывают.

— Ну вот, значит, ну вот...— виновато разводит руками Кошелев.— Так мы и познакомились, значит...

— А как же, Терентий, с сыном нашим быть? Сам за ним приедешь или в посылочке прислать? — внезапно пропела нежнейшим голосом Нюшка.

Терентий не донес второй рюмки до рта.

— Какой сын?

— А что в животе у меня! — Нюшка приподнялась из-за стола, покачала бедрами.

— Откуда он там? — гмыхнул Терентий. Но тут же побледнел, глаза его округлились. Выдала взыгравшая на лбу между складочками капля пота. Смахнул ее досадливым жестом Терентий, но было поздно: заметила эту слабость солдата хозяйка.

Нюшка визжала, причитала:

Памяти поэта

Отважен, благороден
и тощ, как Дон Кихот,
при грозовой погоде
он с песней шел в поход.

А на мосту — комсомольцы с
завода,
бойкие пареньки,
«спутников» ищут средь звезд
небосвода
в сонных водах реки.

Он жил не славы ради,
о лаврах не мечтал,
но в будущем...
в Гренаде
взойдет на пьедестал!

* * *

Сдержать плотиной можно воды,
закрыть пространство на засов,
в полете сэкономить годы,
но не замедлишь бег часов.

Порой мы тратим дни, как будто
у нас на них открытый счет,
но даже Вечность не вернет
одной потерянной минуты.

— Черненький... Синеглазый... С родинкой между лопаток... Ходить станет, спросит об отце! Что я ему отвечу, сиротинке малому?.. Подлец твой родитель, до появления на свет от тебя отказался...

— Кошелев никогда в подлецах не значился! — выкрикнул Терентий, широко шагнул к кровати, по которой каталась Нюшка, будто в предродовых схватках.

Изосим терся между Нюшкой и батарейцем, приговаривал:

— Наше дело... ххе-ххе... не рожать: дунул, плюнул и бежать... Иди, солдат, иди, пока Нюшка в чувствие не пришла... Придет в чувствие, кочергой тебя огладит...

— Я не гулюшка какой-нибудь! — огрызался Терентий.— Я по-хорошему хочу...

На другой день Нюшка с одинаковой решимостью заглядывала в фуражку Терентия и танкистский шлем Изосима:

— Как поработали, мужички?.. Где крупные? Издеваться над беременной женщиной надумали?..

Надолго затянулась эта «беременность». Однажды Терентий решился:

— Сколько тебе, Анна Фатьяновна, нужно от меня, чтобы, значит, врозь мы и по-хорошему?..

— Тыщу,— не задумываясь, ответила Нюшка. Она любила это слово. Но сказав, рассмеялась сквозь зубы, потянулась томно.— Я и сама бы кому-нибудь отдала тыщу, и две, и самое себя в придачу ради перемены жизни... Да только не хочется по карточкам селедкой давиться. Отвыкла!

Раздраженно, испытующе поглядела в глаза Терентию... Кошелев со страхом понял, что его самого затягивает в трясину...

«Прочь! Убегу,— клялся он.— Вот завтра, вот послезавтра...»

* * *

На пригородных поездах Терентий уезжал в другие поселки, оставался там неделями. В отлучке ему раздробило вагонной дверью чашечку колена. Теперь он ходил с клюкой. Заросший, обрюзгший, вспыльчивый, он отталкивал от себя встречных зероватым взглядом. Женщины с ближних улиц пугали Терентием шаловливых детей.

И все же нашелся человек, пожелавший говорить с ним на равных. Да не какой-нибудь простак, сжалившийся над бедолагой, а милицейский начальник, заведующий паспортным столом.

Крепкий, моложавый, однако с густой проседью в редких крупных волосах, капитан Угловский смотрел на посетителей вкось, то и дело поправляясь и снова забывая об этом своем неврожденном недостатке. У капитана не было левого глаза.

Угловский долго держал новенький паспорт Терентия, перекосив голову, почему-то медля с выполнением обычной процедуры — вручения документа владельцу.

— Кошелев? — привычно спросил начальник.

— Так точно!..— Батареец отвечал вышестоящим неизменно уставным языком.

— С сорок седьмого у нас?

— Да,— соврал Терентий (больше года он обретался без прописки).

— Понятно!..— Единственный глаз Угловского словно бы зажегся изнутри и тут же померк.— Понятно,— повторил он, в задумчивости покачав головой.— Значит, это не вас жена разыскивала.

У Терентия отлегло на сердце.

— Ошиблись, товарищ капитан... С кем-то спутали... Я, слава богу, еще не женат.

— Бога славить, может, и рановато,— не согласился с ним Угловский.— А вот насчет того, что Кошелева в свое время искали, позволь мне на свою память положиться.

— Никак нет! — вымученно улыбаясь, упорствовал Терентий.— Через ваши руки много всякого люду прошло... Да и не один Кошелев на свете.

— Паспорт можете взять,— протянул офицер Кошелеву темно-зеленую книжицу.— Но если хотите, расскажу вам одну любопытную историю о том Кошелеве, которого в самом деле искали.

Не встретив возражения, капитан начал рассказывать:

— Было это под самый конец войны. Вернулся я домой. Вроде вас, на всю жизнь с непоправимой метой. Под Веной меня гитлеровский последыш впотьмах финкой у виска чикнул. Мать честная! Глаз потушил мне... Но беда, как говорят, за собою горе тянет. Пока лечился, жена ушла к другому. Смазливая бабенка, в торговле работала и себе цену знала. С соседками перед этим толковала: кривой, мол, не пара мне: ни на танцы с ним, ни в кумовья не позовут... Знавал я и раньше за нею штуковины в этом роде. Долго замуж не соглашалась, искала повыше ростом. А тут война... В общем, ушла.

Капитан поднялся из-за стола, достал папиросы, прошелся по комнате. Руки его заметно дрожали, он часто и глубоко затягивался.

«Ишь ты! — ехидно отметил Кошелев.— И начальство временами в дрожь кидает!»

— Верите, товарищ Кошелев, я места себе не находил от досады. Леший тебя задери, думаю. Разве же я виноват? Не одолей мы фашиста, в неволе под красным фонарем скончила бы...

— Правда ваша,— поддержал Терентий.— Не только за себя мы кровью исходили.

— Втолковали люди: у любви свои законы,— продолжал капитан.— Семья без любви — та же неволя. Для детей в особенности. Ну я ей, Ксеньке то есть безмозглой, простил, обиду с нее снял. Зато ко всему их бабьему роду ожесточился сердцем. Комендантом я тогда в пересыльном пункте работал. Служба, сам знаешь, чертово колесо. Того одень, того обуй, накорми чем хочешь да вовремя, отправь дальше в нужный час. Заботы!.. Придет какая из женщин по делу — видеть не могу, разговаривать с ними разучился... Не приведи случай, иная накрашенная явится или глазками поиграет. Прочь гоню, нагрубить мог запросто. До сих пор не женат,— вздохнул капитан.

— А меня упрекали! — заметил Кошелев.

— Не по той статье! — вытянул перед собой палец капитан, как бы предупреждая, и продолжал вспоминать былое: — Сижу както у себя на пересыльном, снабженцев пропесочиваю. Мать честная! На целую команду к приходу эшелона сухой паек приготовить запоздали. Не успел закруглиться с ними, вот тебе — молодайка на пороге:

«Здравствуйте!»

Не сказала, пропела вроде, столько музыки в голосе... Правда, без парфюмерии и без хитростей прочих женских... В деревенском платочке миткалевом. Сапожки хоть и по ноге, но в стадии списания... Узелок в руке, сама печальная, будто с похорон. Взгляда моего испугалась, посреди комнаты ногу приставила.

«Пособите горю моему... Любовь свою по свету ищу, в вашем городе ранетым лежал мой суженый».

Хотел скомандовать «кругом». Знаем мы вашу любовь!

Все же подошел к ней, снабженцам своим передыхнуть дал.

«Делать тебе, девка, нечего! — кричу, сорвался.— У меня триста человек эвакуированных отправки ждут на запад! Да и ехать-то некуда: немец хаты пожег!.. Кому что...» И тут я осекся.

Она еще ниже голову опустила.

«Кошелев — его фамилия... Может, слыхали...»

«Не слыхал!» — говорю уже спокойнее. А сам зырк да зырк на нее. И еще хочется. Чувствую, оттаивать стал изнутри, меняется во мне что-то. Хоть на мокром месте глаза у нее и худоба в лице от переживаний, одета кое-как, а что полагается от природы по женскому аттестату, получено ею сполна. Глазищи — только на иконах у пречистой девы и видеть приходилось!..

Через минуту сидит она уже в моем кресле, только команды не подает, а в остальном королева королевой. Но и без ее приказов лейтенант Угловский мечется, как перед смотром. Снабженцев с особыми поручениями по инстанциям разослал... Докладывают, справки навели: ни по каким книгам Кошелев у нас не проходит... Госпиталь с полгода как дальше в тыл угнали...

А она о себе потихоньку рассказывает. Оказывается, дивчина эта уже в том самом тылу побыла и другие местности прочесала. Выходит, это последняя надежда у нее, на Угловского. Мать честная! Вот это загадка, думаю, вот это наваждение! Представить себе пытаюсь: каким красавцем должен быть этот самый Кошелев, если его сама божья матерь разыскивает!.. Гренадер!.. Аполлон! Герой или, может, дважды герой, не иначе.

Капитан притушил папиросу, сел на край стола, перебросив ногу на уголок.

Терентий молчал, уставившись отрешенным взглядом в простенок между окон.

Мутные, утратившие свежесть глаза его расширились и замерли в неестественном изумлении.

— Как она убивалась! Как плакала! — ронял по слову Угловский.— Думки мешались потом: не померещилось ли мне все это от переутомления? Нервы растянулись? Небось, сама Любовь в образе деревенской девушки в зашарканный кабинет комендантский по нечаянности приблудилась...

Угловский хлопнул рукой по колену, походил по кабинету и сел за стол. Как бы в сомнении принялся заглядывать то в один ящик, то в другой.

— Только не выдумка все это! — повеселевшим голосом, будто от счастья пережитого, закончил капитан.— Свидетельство на этот счет имеется. Веточку цветов она мне из узелка оставила «про всякий случай». Кошелев тот, оказывается, цветы любил... Мать честная!.. Вот погляди...— Он раскрыл

коробочку, едва отыскавшуюся в глубине ящика.

Но тут Угловский вздрогнул от резкого звука. Сцепленные до боли пальцы Терентия выпустили на пол клюку.

— Варюха! — прохрипел Терентий, хватаясь скрюченными пальцами за ворот рубашки.— Она приезжала!..

— Точно! — воскликнул Угловский.— Варей тогда девушка назвалась.

Терентий Кошелев, горбясь и подволакивая ногу, забыв о клюке и новеньком паспорте, поплелся к выходу.

* * *

Южный город, куда занесло на этот раз Терентия, был черен и громаден. Он походил на корабль, дрейфующий с четырьмя прокуренными мачтами среди прогорклых чебрецом степей.

Все это напоминало батарейцу о давно пережитом, фронтовом. Вот почему он не удивился, узнав, что в этом городе расположен единственный на все южные области госпиталь для инвалидов войны. В трудное для себя время Терентий прятался в таких заведениях от неожиданных сквознячков в общем-то ветреной судьбы.

— Из госпиталя, сестрицы! — голосил перед женщинами, идущими на рынок, Терентий. Те, что постарше, помнили о войне. Жалели.

Мужчинам, идущим в столовую на обед, батареец буквально распахивал душу:

— Хлопцы!.. На выпивку не дают... От всей седьмой палаты к вам посыльным выделен!..

И это убеждало больше, чем притворство. В попрошайстве, как понимал Терентий, тоже требуется свой стиль.

Но встречались непробиваемые. Особенно раздражал батарейца своим невниманием худощавый гражданин в габардиновом макинтоше. По утрам, но не в самую гудковую рань, когда город содрогается от топота тяжелых ботинок, чуть позже, выделяясь ростом и степенностью в шустрой стайке школьников, важно колыхая у самого носа побирушки авоськой с книжками, торжественно шествовал этот «макинтош». Вызывающе блестели среди сбитых детских сандалет его новенькие тупорылые полуботинки.

Терентий однажды дотронулся палицей до книг, снабдив свое осторожное движение весьма неосторожной фразой. «Макинтош» лишь поморщился, сдвинув редкие белесые брови.

— Жмот! — кричал Терентий вслед прохожему.— Жила!..

Сверкающие полуботинки стали ходить по другой стороне улицы.

И тогда Терентий решился. Сильно размахнувшись, он пустил палицу под ноги. Клюка загромыхала по мостовой. Коснувшись ног, вдруг отскочила почти под прямым углом к штакетнику с сухим, настораживающим звуком.

Прохожий медленно, как и все делал, остановился, нагнулся за палицей.

— Гадина ты! — чтобы объяснить свою обиду, а больше потому, что боялся ответного удара, рычал Терентий.— Хоть бы плюнул в фуражку, если копейки жалко!.. Ногой оттолкнул бы меня в канаву, чтобы я жизнь твою красивую не портил!.. Может, я за тебя здоровья лишился на фронте!..

— Может, и за меня.— Неожиданно согласился «макинтош».— И я в помощи друзей нуждался, в одиночку биться не приходилось...— Он подошел к Терентию и спокойно отдал клюку.— Однако учти, солдат: когда бросаешься в тех, кого на войне спасал, бери на всякий случай повыше...

Опустив прямо в ноги Терентию книги, обладатель сверкающих полуботинок ухватился двумя пальцами за стрелочки отутюженных, чересчур широких брюк и стал поднимать штанины. Они ползли вверх торжественно, будто занавес перед началом невиданного спектакля. То, что увидел Терентий, поразило его, как ни одно зрелище прежде. Прохожий стоял перед ним на протезах.

— Неужто вся «упряжка» казенная? — прошептал Терентий, хватаясь за голову.

— Собственного производства!

Терентий долго не мог приподнять голову. Знакомые, полузабытые интонации уже сказали ему все и больше того, что могли открыть ему глаза с прозеленью зрачков.

— Лаврин?!

— Звали и так в молодости... А ты, я вижу, угадываешь имена не хуже, чем палкой кидаешься.

Терентий привалился грудью на книги, цепляясь за полу макинтоша, силясь подняться.

— Лаврин, не уходи!.. Не оставляй меня, казак!.. Пробуди от жуткого сна! — Батареец всхлипнул, готовый закричать, если казак снова, как в последний раз, отвернется.— Какой сон! Какой сон! — колотился в ногах Лаврина Терентий.

— Погоди-ка... Не все сразу,— гудел обрадованно и встревоженно казак над головой госпитального дружка.— Назовись сначала, откуда ты знаешь меня. Ты не кириченковский, случаем?

— Все узнаешь!.. Как на духу... Уведи меня отсюда... Веди же!

Лаврин помог Терентию стать на ноги.

— Ну, идем, идем.

Вокруг них уже стабунились прохожие. Лаврин и Терентий пробились сквозь круг, медленно пошли, опираясь друг на друга и мешая друг другу от волнения. И лишь пройдя рядом до угла, Терентий разглядел толком, как нелегко перебарывает пространство Лаврин, как неестественно правильно, чтобы быть похожим на всех, а потому и непохоже ни на кого, ходит он по земле.

* * *

У подножия кургана на правом берегу Ворсклы, где в войну стояла батарея, люди видели двух приезжих. Они сошли с такси, и один тут же глухо вскрикнул, припал грудью к полынной земле. Потом тяжело оторвался от земли, неверной походкой прошел в степь.

Другой приезжий стоял недвижно у подножия кургана. Усталое лицо его выражало скорбь и ожидание. Лаврин привез Кошелева к тому месту, где жизненная тропа его чуть не оборвалась, скрутилась в петлю, спуталась в клубок.

— Ищи оборванный конец! — твердил Лаврин, как заклинание.— Сердцем ищи, совестью скрепляй!.. Попробуем жизнь твою прежнюю, настоящую с будущей связать.

Через облысевший курган жаркий суховей со свистом гнал свалявшуюся сорную траву. Бурьян подкатывался под ноги батарейцу, мешал идти, ранил прокалившейся остью. Терентий напряженно всматривался в даль, поверх этой травы.

И КАРАТЬ И ВОСПИТЫВАТЬ

Б. ШУМИЛИН,
Министр охраны общественного порядка БССР

После того, как «Огонек» опубликовал мою статью «Правила и исключения»[1], я получил немало писем. А в журнале тем временем появились материалы, также затрагивающие проблемы воспитания молодежи. Большинство авторов — и статей и писем — придерживается тех же взглядов, что и я: наши оценки и выводы совпадают. Большинство, но не все. Пришло несколько писем, полных пессимизма, неверия в возможность искоренения детской безнадзорности и преступности. Эти-то письма и побудили меня вновь вернуться к начатому разговору.

Вот, например, сетования товарища Я. из Свердловска: «У меня, как и у других наших товарищей, возникает такой вопрос: печать, радио, телевидение много раз выступали по поводу недостатков в воспитании молодежи. Но, к сожалению, недостатки эти остаются. Вот мне и хочется задать вам, товарищ Шумилин, вопрос: почему так получается? До какой поры и к чему это приведет в дальнейшем?»

Другой оппонент, товарищ К. из Минска, советует: «Пройдите по городу в субботу, воскресенье, загляните в магазины, сядьте в электричку, пройдите по вагонам — и вы поймете меня. Если подростки обругают не вас, то женщину, девушку в вашем присутствии. Или будут искать повод затеять драку. Я сейчас предпочитаю отдыхать дома, при закрытой двери. Вы скажете: «Трус!» Нет, просто я не могу спокойно смотреть на беспорядки на улицах. Раньше я сам с товарищами выступал в защиту оскорбленных. Теперь вижу, что это бесполезно. Не помогает...»

Письма очень схожи по духу. И я никак не могу принять ту обреченность, которая сквозит в них! Да, проблема борьбы с преступностью не из легких. Конечно, потребуется время, чтобы она перестала быть проблемой. И все же, я уверен, в конце концов мы справимся с нею. Порукой тому сама жизнь, порукой тому те решительные меры, которые предприняты сейчас ЦК партии, правительством, Президиумом Верховного Совета СССР для усиления борьбы с нарушителями порядка.

Легче всего, конечно, сказать: «Я устал от борьбы и прошу не считать меня больше борцом, тем более что не вижу в том смысла». Короче: пусть действует кто-нибудь другой, только не я. «Теория» знакомая. Печально знакомая.

Я убежден: преступность среди подростков — прежде всего результат того, что все мы, в том числе и вы, товарищ Я., недооцениваем свои силы и силы общественности, не ополчаемся против каждого проявления хулиганства. Отсюда и вывод: чем активнее общественность будет помогать государству в искоренении преступности, тем быстрее исчезнут из нашей жизни такие явления, как хулиганство, пьянство. Тем более теперь, после того, когда принят Указ об усилении ответственности за хулиганство.

Вот примеры из жизни. Ивану Киселю со Слонимского авторемонтного завода 16 лет. Биография короткая, но с «помарками». В 1964 году окончил восемь классов, дальше учиться не захотел. Улица привила ему вкус к «вольной» жизни и водке. Мать не смогла повлиять на сына. В Слониме его знали как хулигана. Однако город не просто зафиксировал сей неприятный факт. Люди решили помочь Киселю и тем самым себе. Определили парня на завод. Поначалу Иван и там держался все той же линии — плевал на труд, дисциплину, заработок пропивал. Но от него не отступались. Комсомольская организация, секретарь комитета Лариса Горланова исподволь, без нажима, но упорно наставляли мальчишку на путь истинный. Заинтересовали спортом, а тут уж было легче приобщить и к коллективу. И вот первые успехи: Ваня записался в спортивную секцию, поступил в школу рабочей молодежи. Поведение его — и на заводе и на улице — уже не то, что раньше. Разумеется, понадобятся еще усилия, время, терпение. И все же уже сегодня можно порадоваться: коллектив выигрывает сражение за человека.

На этом заводе есть похвальное правило: не бояться «трудных» ребят, помогать им становиться людьми. В прошлом году авторемонтники взяли к себе 30 несовершеннолетних пареньков. Многие из них, мягко говоря, не отличались примерным поведением. И на всех ребят атмосфера доброго участия, требовательности, товарищества влияет так же благотворно, как на Ивана.

...Мне посчастливилось быть делегатом XXIII съезда партии. У всех нас, делегатов, вызвала чувство гордости огромная программа улучшения воспитательной работы с молодежью. Напомню хотя бы такие цифры: в 1970 году в дошкольных учреждениях будет 12,2 миллиона детей — в 1,6 раза больше, чем в 1965 году; количество учащихся в школах и группах с продленным днем увеличится более чем в два раза. Грандиозно! А новые клубы, стадионы, парки, плавательные бассейны, детские технические станции, Дворцы и Дома пионеров! Вот она, зримая забота государства о детях, о молодежи!

Однако я убежден в том, что при всем этом — и забота государства и внимание общественности — необычайно важна и безмерно ответственна в воспитании детей роль семьи, родителей. Сейчас одна из основных причин детской безнадзорности и преступности — это плохое воспитание детей в семьях.

А ведь есть родители, которые всецело уповают на школу, комсомол, государственные учреждения и совершенно не признают собственной ответственности.

В прошлом году комиссия по делам несовершеннолетних Центрального района Гомеля разбирала недостойное поведение нескольких подростков. Среди них был Юрий Скребнев. Выяснилось, что Юрий начал с «баловства» спиртными напитками и докатился до преступления. Комиссия установила, что злой силой, способствовавшей падению, была... материнская любовь. Мать Юрия, И. П. Матросова, режиссер Гомельской телестудии,— человек обеспеченный. Каждый день, не задумываясь, она выдавала сыну приличные суммы на «мелкие» расходы. На что он тратит деньги, с кем проводит время, мать не интересовалась. И вот печальный финал.

Порой сталкиваешься и с более дикими вещами: родители знают о дурных наклонностях детей и потакают им.

У Александра Ходкевича отец — бухгалтер, мать — учительница. В этой семье было все для здорового воспитания сына. Все, кроме серьезного отношения к своему родительскому долгу. Папа и мама сквозь пальцы смотрели на шалости шестнадцатилетнего дитяти. А эти шалости меж тем толкали юнца к скамье подсудимых. В мае прошлого года он напился и побил в школе все стекла. Как же поступили родители? Мать не придумала более строгой меры взыскания, чем... экскурсия в Москву. Само собой разумеется, от такого «наказания» мальчишка не исправился. Напротив, он уверовал в свою безнаказанность. Стал воровать у родителей деньги, пьянствовать. И однажды, заявившись домой нетрезвым, потребовал еще денег на водку. А что же мать? Она поспешила удовлетворить просьбу загулявшего чада. Кончилось, как и следовало ожидать, преступлением: пьяный Ходкевич поджег дом. Расплата закономерная — арест, суд, лишение свободы.

Так что же делать с родителями? — спросят меня. Судить их или воспитывать? И судить и воспитывать! К сожалению, мы очень редко по-настоящему спрашиваем с родителей, дети которых выросли преступниками.

И не случайно с таким удовлетворением встречены те статьи Указа об усилении ответственности за хулиганство, где речь идет о родителях хулиганствующих юнцов.

Но нельзя надеяться только на силу закона. Своевременное вмешательство общественности позволяет избежать многих и многих бед.

Недавно пятнадцатилетние девочки из Солигорска — Людмила Б. и Зоя С.— пытались покончить самоубийством. Как выяснилось, мать Зои, кассирша городского кинотеатра, не только не занималась воспитанием дочери, но и сама вела недостойный образ жизни, подавая тем самым девочке дурной пример. А отец Людмилы считал ее лишней в семье, укорял, что она ест чужой хлеб. Все это не могло не сказаться на формирующейся психике Люды. Соседи предотвратили трагедию. Теперь общественность занялась обеими семьями. Теперь... А ведь о ненормальной обстановке в этих семьях было известно и раньше. Почему же не вмешались, почему сидели сложа руки?

Скажут: легко судить других, пойдите разберитесь в чужой семье! Согласен, сложно, даже очень сложно. И все же снова повторю: пассивность так же преступна, как и прямое попустительство или сочувствие дурному.

А ведь средств и форм воздействия на семью не так уж мало. На Минском камвольном комбинате, например, заведено вникать в дела семейные — в дела воспитания, конечно,— так же вдумчиво, как и в дела производственные. В разных цехах комбината вывешены табели ребячьей успеваемости. И это вовсе не дань формальности: за учебой детей неустанно следят, и чуть тревожный сигнал — поднимается на ноги весь коллектив. Здесь умеют тактично выяснить причину неполадок в семье, деликатно вмешаться и помочь. Тут не услышите слов: «чужая семья»,— зато очень искренне звучат: «наша семья — весь комбинат».

Как еще можно помочь родителям? Путей много: это контроль и помощь общественности, забота о досуге ребят в домах, где они живут,— увлекательные кружки, спортивные клубы. Это, наконец, и широкая пропаганда педагогических знаний. Нельзя сказать, что тут у нас ничего не делается. Время от времени выпускаются кое-какие книги — одни получше, другие похуже, появляются статьи в журналах и газетах, ведутся радиопередачи. Но пора поднять пропаганду педагогических знаний на уровень государственных требований, изжить имеющийся здесь формализм, улучшить связь школы с семьей.

Необходимо подумать и о том, как разгрузить учителей. Сейчас у педагога практически почти нет времени для общения с родителями учеников. Скоротечные встречи на родительских собраниях — да это же «шапочное знакомство», эффективность которого, увы, равна нулю.

Обильную пищу для раздумий дают материалы XV съезда комсомола. На съезде правильно говорилось о необходимости воспитания у молодых людей чувства ответственности за собственные поступки. Требования и претензии к школе, к родителям, к комсомолу, конечно, бесспорны. Но очень плохо, когда наша политика и практика иногда позволяют сбившимся с пути юнцам заявлять: «Я не виноват, меня плохо воспитали, пусть и отвечают те, кто воспитывал!»

Мы, работники органов охраны общественного порядка, озабочены сейчас тем, чтобы обновить свой воспитательный арсенал. В последнее время аппарат милиции и других служб министерства пополнился людьми, имеющими опыт воспитательной работы. Растет и сеть детских комнат. Проблемы воспитания подростков, предупреждения преступности все чаще обсуждаются на коллегиях министерства, областных управлений, в городских и районных отделах милиции. Объявлена беспощадная война всему, что способствует росту преступности. Особенно настойчиво мы искореняем пьянство — самое страшное из всех зол, питающих почву, на которой вырастают преступники. В республике открыт лечебно-трудовой профилакторий, там в условиях строгого режима злостных пьяниц заставляют трудиться и проходить специальный курс лечения. Горьким становится похмелье поклонников «зеленого змия», ибо общественность все строже и строже спрашивает за прогулы, за дебоши, за нанесение моральных травм семье.

Опубликованные в печати документы об усилении борьбы с хулиганством стократно увеличивают наш наступательный потенциал, в чем мы весьма остро нуждались до сих пор. Мы отлично понимаем: чем мощнее оружие в твоих руках, тем больше твоя ответственность перед народом, его вручившим. Первое наше побуждение: проверить еще и еще раз свои силы. И прежде всего — насколько крепка связь с общественностью. Фронт борьбы с хулиганами должен быть единым.

[1] См. «Огонек» № 29 за 1965 год.

В. Серов. СТАЛЕВАР.

У. Тансыкбаев. В ГОРАХ ПАМИРА.

ПЯНДЖ ВЕЧЕРОМ.

Гвардии гражданин

Невероятные, просто немыслимые подвиги совершает герой повести И. Падерина «Комдив бессмертных» Алексей Очкин. Недаром же гитлеровский капитан решил, что на территории Сталинградского тракторного действует против них призрак. Живому человеку, каким бы ни был он храбрым и сноровистым, такие дела не под силу. Но это логика гитлеровца. У советского бойца иная логика. И советский читатель мыслит иными категориями, беззаветно веря в героизм нашего солдата. И еще основывается эта вера не только на правде факта, а на достоверности художественного образа, на правде жизни и настоящего искусства.

Лейтенант Очкин появляется перед гитлеровцами при обстоятельствах почти мистических. Из не остывшей еще печи. Сначала дым, а потом... валенки. И остолбенели гитлеровцы. Призрак!

Неправда? Художественный просчет? Нет, правда!

Откуда же у нас столь безоглядная вера автору? Ведь ничего не сказано о том, что Очкин был в специальном, приспособленном для данных условий маскировочном костюме. И вообще мало еще сказано о делах лейтенанта Очкина. Но его действия показаны так, что художественный образ уже намечен. И невероятному веришь.

Немецкому капитану удалось все же поймать призрак в объектив своей снайперской винтовки. И немец вовремя нажал спусковой крючок. Он уверен, что не промахнулся. А лейтенант жив. Нет, не другой — похожий,— а именно тот, в которого стреляли. И гитлеровец ошеломлен. Значит, и в самом деле призрак. И смотрит с мистическим ужасом уже на валенки других бойцов. Может, они все тут призраки? Ничего, пусть смотрит. Мы-то знаем, что это за призраки.

И не раз еще и тоже «бесспорно» погибает Алексей Очкин. Солдаты из батальона бессмертных воочию видели, как лег их комдив у вражеского дота. Погиб! Медсестра собственными глазами видела, как понесли тело комдива в мертвецкую. Какие уж тут надежды! Врачи умеют отличить живого от мертвого. А он жив! Совсем немощным, раньше времени отбросив костыли, отправляется Очкин за «языком». И добывает его в труднейших условиях. Немыслимо? Нет, правда! Мы уже очень рельефно видим человека, который способен на такие подвиги. И это не только символ бессмертия советского бойца — это самый реальный человек, каких много было в нашей армии. И в этом сила образа. В этом сила повести, показавшей, как невероятные подвиги бойца становятся большой правдой большого дела. Ведь Алексей Очкин не выдуманное лицо; он и по сей день здравствует на нашей земле.

Сотни и тысячи Очкиных не дошли до последнего рубежа великого сражения. Алексей дошел. Но не в этом главная суть. Главное — Очкины были. Реальные, обыкновенные в своей необыкновенности, такие же, как и мы с вами.

И. Падерин показал народу еще одного Данко, еще одного гвардии гражданина. И спасибо за это солдату и писателю.

И. АБРАМОВ

И. Падерин. «Комдив бессмертных». Журнал «Октябрь» № 6 за 1966 г.

Солнечные акварели

Поэт Борис Шаховский пришел в литературу после войны, в конце сороковых годов. Старший лейтенант бронетанковых войск, демобилизованный по ранению, взялся за перо: его волновали раздумья о судьбах сверстников, было страстное желание предостеречь последующие поколения от новых войн, от новых катастроф.

Окопный ревматизм подобрался к его сердцу, приковал его на долгие годы к постели, но не выбил из строя. Одна за другой выходят книжки поэта. Стихи, точные, как снайперский огонь, бьют без промаха по намеченной цели. Голос поэта крепнет, растет мастерство. О Борисе Шаховском тепло отзываются читатели, одобрительно — критика.

Новая книга поэта, «Утренний прибой», вышедшая в издательстве «Советский писатель», открывается вступлением Сергея Наровчатова: «В общей песне поколения у Бориса Шаховского есть свои слова, которые из этой песни, повторяя пословицу, не выкинешь...»

Увертюрой к сборнику служит стихотворение программного плана «Сердцу», в котором есть такие строки:

Сшиблен с ног —
Сражайся на коленях!
Встать не можешь —
Лежа наступай!

И это не поза, не просто красивые фразы! Человек трудной судьбы, сумевший победить свой тяжелый недуг силою непоколебимого духа, остался в боевом строю, продолжает воевать стихами. Его лирический герой — солдат, коммунист, влюбленный в мир, в горячие будни жизни:

Величье дел и подвигов
вчерашних
Теперь виднее нам издалека.
Огонь сжигает трусов,
А бесстрашных
Переплавляет в бронзу на века.

Все пейзажные зарисовки поэта выполнены солнечными акварельными красками. С ними он не расстается даже тогда, когда берется за гражданскую тему. Очерченные резкими, точными мазками, такие стихи завершаются афористичными строчками: «Чтобы был не проведен, а прожит, нет, не прожит — завоеван день!» («Сердцу»), «О бое легче прогреметь, чем в бой идти в шинели рядового» («О лириках и физиках»), «Мои одногодки при жизни вошли в музеи двадцатого века» («Музей обороны») и т. д.

Прочитана последняя страница книги, а ты все живешь ее образами. Такова сила настоящей поэзии, сила мастерства.

Николай ПОЛИВИН

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

В 1967 ГОДУ К ЖУРНАЛУ «ОГОНЕК» ВЫЙДУТ ПРИЛОЖЕНИЯ:

I

Собрание сочинений С. Н. Сергеева-Ценского в 12 томах;
Собрание сочинений В. А. Гиляровского в 4 томах;
Собрание сочинений Р. Л. Стивенсона в 5 томах;
Собрание сочинений Остапа Вишни в 3 томах.

Содержание томов будет опубликовано позже.

II

52 книжки «Библиотечки «Огонька», в которых будут опубликованы лучшие короткие повести, рассказы, фельетоны, очерки и стихи советских и зарубежных писателей.

Полиция расправляется с демонстрантами, протестующими против свадьбы принцессы Беатрикс с бывшим гитлеровцем фон Амсбергом.

Нидерландские записи

Цезарь СОЛОДАРЬ

Нелюбимые «дочери»

Памятников, напоминающих о черных днях оккупации, в Голландии — без преувеличения — не счесть.

Выделяется, нет, сразу и навсегда врезается в память беспощадно выразительная скульптура человека с вырванным сердцем, принадлежащая знаменитому французскому мастеру Задкину. Стоит она в центре Роттердама — самого промышленного или, как здесь принято говорить, делового города Голландии. Скульптура посвящена трагедии Роттердама: майской ночью 1940 года гитлеровская авиация за несколько минут «вырвала сердце» города, разбомбив весь его центр.

Четверть века спустя руководитель этого зверского налета генерал Третнер счел нужным подтвердить, что убийство нескольких тысяч мирных жителей и неслыханные разрушения целиком соответствовали нормам международного права. Роттердамцы да и жители любого голландского города не могут без содрогания слышать имени Третнера, которого в ФРГ облекли званием генерального инспектора бундесвера. И поистине драматично, что и скульптура человека с вырванным сердцем, и памятник участникам морской обороны Роттердама, и монумент в честь восстановления города ныне окружены вывесками и рекламами фирм, контролируемых западногерманским капиталом.

— Мы не забываем зверств оккупантов,— сказал мне пожилой актер эйндховенского театра «Ансамбль», стирая с лица грим по окончании чеховских «Трех сестер».— Мы рассказываем о них молодежи, не испытавшей ужасов войны. Но,— грустно разводит руками мой собеседник,— на юге страны, где расположены базы НАТО, западногерманские офицеры разгуливают с видом хозяев. А «деловые люди» охотно открывают путь в Голландию западногерманским монополиям — говорят, так нужно для экономического процветания!

Со своеобразной вариацией этого невеселого рассказа я столкнулся в Роттердаме. Гиды, только что старательно переводившие разноязыким туристам гневные слова памятников, столь же старательно переводят дарственную надпись на новом сверкающем оргáне знаменитого собора — милостивом подарке пяти крупнейших городов ФРГ роттердамцам. Вероятно, кое-кому хочется, чтобы это звучало умилительно. Не звучит!

Голландцам явно не по душе энергичное проникновение чужестранцев в их экономику. Ласковое слово «дочерние» вызывает у них горькую улыбку: число «дочерних» предприятий, основанных на голландской земле фирмами Западной Германии и США, возросло к началу 1965 года до трехсот двадцати трех и продолжает непрерывно расти. Такая экономическая экспансия, подкрепляемая реваншистскими выкриками и бряцанием оружием, не может не тревожить голландцев.

Свои и чужие

В прошлом году в Греции я увидел в Салоникском порту толпу навзрыд плачущих женщин. Поднимая над головою своих детей, они громко прощались с пассажирами отшвартовавшегося теплохода. Безработица погнала их мужей и сыновей на заработки в Голландию. Один из портовых служащих солидно и авторитетно утешал плачущих женщин. «В Голландии, запомните, нет ни одного безработного. Слышите, ни одного!» — эти слова он повторял так гордо, словно являлся по меньшей мере чрезвычайным и полномочным послом королевства Нидерландов.

Да, в Голландии нет безработицы — это неоспоримый факт. Да, иммигранты из Греции, Турции, Португалии, Марокко, Испании тотчас же получают работу. Правда, тяжелую, грязную, неквалифицированную — словом, такую, от которой отказываются даже «голландцы без номера дома», как называют жителей плавучих домиков. Правда, платят иммигрантам гораздо меньше, чем за такую же работу голландцам. Правда, с них взимают повышенную квартирную плату за проживание в самых непрезентабельных общежитиях. И не случайно именно на долю «импортной рабочей силы» приходится наибольшее число производственных травм и несчастных случаев.

Но дискриминация чужеземцев этим не ограничивается. Закон, охраняющий права коренного населения, становится невиданно гибким, когда дело касается «чужаков». На эту тему у меня неожиданно возник диалог с молодой учительницей одной из амстердамских школ, где мы увидели, как малышам очень тактично и умно прививают музыкальные навыки. Я спросил учительницу, применяется ли в Голландии наемный труд малолетних.

— Что вы, что вы! — широко раскрыла глаза моя собеседница и назидательно сказала: — Наш закон запрещает нанимать на работу детей до четырнадцати лет.

Я, безусловно, поверил, что среди многих работающих на производстве и почте, в магазинах и ресторанах голландских подростков нет ни одного моложе четырнадцати лет. Но ведь греческие, итальянские, португальские дети, вызванные отцами «на приработки», работают поварятами, рассыльными, лифтерами. Я вынужден был вежливо напомнить учительнице, что встречал их в магазинах и отелях. Она грустно улыбнулась и ответила:

— Такие факты есть. Но если принципиально оценить их, то никакого нарушения закона нет: ведь у себя на родине эти дети тоже бы работали. Конечно, если бы им удалось найти работу.— И уже с некоторым оттенком торжества заключила: — В их странах безработица существует постоянно.

Безработицы в Голландии, повторяю, нет. Тем диковиннее выглядит, как говорится, кривая роста эмиграции. Только за два года — 1963 и 1964-й — родину покинуло более 74 тысяч голландцев. И правительство охотно субсидировало их отъезд в Канаду, Австралию и Аргентину. Что же происходит? Зачем же отпускать своих рабочих и ввозить иностранных?

Ответ, оказывается, весьма несложен: предпринимателям выгоднее привлечь на предприятия покорных и сговорчивых иностранцев, нежели отказаться от так называемого «свободного формирования» уровня заработной платы. Если эти два туманных слова перевести на простой человеческий язык, то получится, что закон разрешает промышленникам произвольно устанавливать ставки и нормы. Вообще с «чужими» предпринимателям не столь хлопотно, как со «своими»: стоит только иностранцам забастовать, как их незамедлительно выпроваживают восвояси.

«Незыблемая» патриархальность

Иностранные туристы наводняют Голландию — это ежегодно дает бюджету страны до миллиарда гульденов. Приезжих, естественно, стремятся оградить от «неприятных» напоминаний о забастовках, политических демонстрациях, военных приготовле-

ниях. Не всегда это удается. Попробуй не покажи американцу или шведу дворец кронпринцессы Беатрикс! А с той поры, как во дворце поселился замаранный фашистскими «подвигами» муж наследницы голландского трона, дворец пришлось оградить, помимо сетчатой решетки, колючей проволокой. Весьма неприятное зрелище для иностранцев, приезжающих в Нидерланды забыться и развлечься!

Но туристские фирмы не надеются, видимо, на то, что внимание приезжих может быть всецело поглощено полотнами Рембрандта и Ван Гога, или домом тринадцатилетней жертвы фашизма Анны Франк, или грандиозными работами по осушению польдеров — отвоеванных у моря земельных пространств. И тут на помощь мобилизуются заповедники «нетленной» патриархальной старины, долженствующие продемонстрировать перед иностранцами, что в старом, добром королевстве Нидерландском все благополучно, что жизнь идет по издавна заведенным канонам.

Нескончаемым конвейером тянутся набитые иностранцами автобусы и автомобили в один из таких заповедных очагов — рыбацкий поселок Фолендам. В первые минуты вам кажется, что вы зритель массового спектакля.

Вы видите престарелых рыбаков с незажженными исключительно замысловатыми трубками во рту, одетых в широченные черные костюмы, в которых можно что угодно делать, но только не промышлять рыбу. Вы видите женщин в одиннадцати-двенадцати сборчатых юбках, надетых одна на другую, с белыми чепцами и золотыми украшениями на величественных прическах. Прогуливаются они степенно и медленно. И не только из-за сковывающей движения одежды и обуви, но и потому, что так отрепетированы мизансцены: толпы туристов должны иметь возможность не спеша рассмотреть их. Гиды обращают ваше внимание на передники рыбачек: какие-то нехитрые детали передника свидетельствуют о том, что перед вами девушка.

В таких поселках особенно бойко идет торговля национальными сувенирами, преимущественно кломпами — традиционной деревянной обувью голландских крестьян — от неправдоподобно миниатюрных до устрашающе гигантских размеров.

Туристы снисходительно любуются «не потревоженной житейскими бурями» доброй Голландией. Они не знают (а может быть, не хотят знать), что эта и другие инсценировки, вроде династии мельников на ветряной мельнице в Зандаме, или знакомства с домашним сыроварением на обычной ферме, или беседы с атлетического вида кустарем, выделывающим кломпы, добросовестно субсидируются туристскими фирмами.

Без идиллий

А в это время на плиты площади Марниксплейн льется кровь амстердамского каменщика Вехелаара, убитого полицией во время демонстрации бастующих строителей.

А в это время веселые гости из Западной Германии пытаются с помощью булыжников и гаечных ключей от своих «фольксвагенов» разворотить скульптурный памятник в Амерсфорте, установленный в память жертв фашизма.

А в это время голландский комитет узников Освенцима направляет министру иностранных дел протест против того, что западногерманские власти не пожелали допустить представителей Голландии на процесс военных преступников, которые насмерть затравливали собаками заточенных в лагере голландцев.

А в это время студенты старейшего Лейденского университета с возгласами «Расист, убирайся вон!» устраивают обструкцию послу ЮАР, приехавшему обрадовать лейденцев тем, что по масштабам экспорта в это расистское государство Голландия вышла на первое место в мире.

«Первое место в мире». Эти слова часто можно услышать в Нидерландах. Они занимают первое место в мире по плотности населения и кратчайшему расстоянию между городами. Такое же место по праву принадлежит им по размерам отвоеванного у воды и благоустроенного морского дна. По масштабам тепличного выращивания овощей, фруктов и цветов — опять-таки первое место в мире. И по использованию внутренних водных каналов для судоходства. И по грузообороту в порту Роттердам.

Все это — красноречивое свидетельство созидательной силы и жизненной энергии голландского народа. Разве можно забыть, скажем, строительные пейзажи речных берегов Мааса, Шельды и Рейна, где осуществляется поистине грандиозный план «Дельта»! Начатые после трагического наводнения 1953 года и рассчитанные на четверть века, эти работы предусматривают создание огромного гидротехнического комплекса, перекрытие крупными плотинами нескольких морских дельт, возведение многочисленных шлюзовых систем. Это еще надежнее защитит голландскую землю от капризов водной стихии, даст ей и новые посевные площади и новые источники пресной воды.

Свое высокое мастерство и техническую культуру голландские гидростроители уже доказали постройкой гигантской дамбы-плотины, ставшей непроходимым барьером для морских вод, которые веками проникали в глубь страны. Тридцатикилометровая дамба, построенная прямо в Северном море, дерзко отделила от него залив Зейдер-Зе, и теперь даже чайки не долетают до того места, куда раньше докатывались подтачивавшие берега штормовые волны.

То, что мы увидели с дамбы, можно без преувеличения назвать торжеством победы человеческого разума и труда над одним из самых суровых и коварных морей. По одну сторону — вздыбленные северным ветром морские волны, по другую — вековые рыбацкие атрибуты на безмятежных и ленивых водах залива Эйсел.

«Нация, которая живет, строит для будущего» — вот что высечено на монументе близ башни. Умные и точные слова! Они перекликаются в моем сознании с гневными словами, высеченными на многочисленных памятниках жертвам войны и призывающими помнить о прошлом во имя будущего.

Якуб Колас и Александр Фадеев. 1948 г. (Публикуется впервые.)

ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ-БОРЦА

13 августа исполнилось десять лет со дня смерти прославленного народного поэта Белоруссии, классика белорусской литературы Якуба Коласа (Константина Михайловича Мицкевича). Якуб Колас и его великий друг и соратник Янка Купала — родоначальники современной белорусской литературы. Шестьдесят лет тому назад, в бурную эпоху первой русской революции, Якуб Колас выступил как выразитель дум и чаяний угнетенного трудового народа Белоруссии. В его стихах звучали взволнованные революционные призывы: «Хлопцы, за ружье!» и «Нет, не будет нам житья, коль панов не перевешать!» Поэт-революционер, он хорошо знал тяжелую, подневольную жизнь белорусского крестьянина-бедняка до Октября. Три года жизни отняла у него царская тюрьма.

Почти сорок лет Якуб Колас возглавлял славный отряд белорусских советских писателей, был выдающимся деятелем многонациональной советской литературы. Миллионы читателей у нас и за рубежом знают его стихи и поэмы, трилогию «На росстанях», повести и рассказы. Всем своим творчеством Якуб Колас утверждал благородные принципы партийности и народности советской литературы. Вдохновенный певец дружбы народов, высокого советского патриотизма, он до конца отдал свой могучий художнический дар борьбе за счастье трудового народа, за его светлое будущее. Вот почему в эти дни тысячи минчан, представители всего белорусского народа возлагают венки, цветы на могилу Якуба Коласа, посещают его дом-музей.

Замечательный художник слова, Константин Михайлович был человеком исключительной отзывчивости, чуткости, глубокой, поистине народной мудрости, редкого личного обаяния. Среди его близких друзей — колхозники и учителя, рабочие и артисты, партийные и советские работники, многие выдающиеся поэты и писатели нашей страны: Александр Фадеев, Максим Рыльский, Михаил Исаковский, Сергей Городецкий, Петрусь Бровка, Кондрат Крапива, Михась Лыньков, Максим Танк, Петро Глебка...

Евг. МОЗОЛЬКОВ

СОВЕТСКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ — ВЬЕТНАМУ

В конце августа в Баку из всех пятнадцати республик съедутся писатели. Здесь, в Филармонии, откроется расширенное заседание Советского комитета по связям с писателями Азии и Африки, посвященное укреплению солидарности с героическим народом Вьетнама.

Все прогрессивное человечество гневно осуждает политику США и требует немедленного прекращения американской агрессии во Вьетнаме. Советские писатели неоднократно поднимали голос протеста и сейчас снова соберутся для того, чтобы обсудить и наметить более действенные шаги по оказанию помощи Вьетнаму. В повестке дня — тема национально-освободительной борьбы в советской литературе последних лет. Пойдет речь и об итогах Чрезвычайной сессии Постоянного бюро писателей стран Азии и Африки в Каире.

С докладами выступят Мирза Ибрагимов, Габит Мусрепов и К. А. Чугунов, представители борющегося Вьетнама, крупнейшие советские писатели и зарубежные гости.

— Мы ждем много гостей,— сказал в беседе с нашим корреспондентом ответственный секретарь Комитета по связям с писателями Азии и Африки К. А. Чугунов.— Свое согласие приехать в Баку дали писатели уже более двадцати стран. Среди них Мулк Радж Ананд, Али Сардар Джафри и Гурмукх Сингх Мусафир (Индия), Кобо Абэ и Сиро Хасэгава (Япония), Юсеф эль-Сибаи (ОАР), Азиз Несин (Турция), Сухейль Идрис (Ливан), Сарананкара Тхеро (Цейлон), Робер Мёрль (Франция), Мигель Анхель Астуриас (Гватемала), Ганс Магнус Энценсбергер (ФРГ), Франсиско Колоане (Чили).

Во многих городах началась подготовка к встрече в Баку. Создаются специальные комитеты, проходят митинги и литературные вечера, сборы с которых поступают в фонд оказания помощи Вьетнаму. В Алма-Ате решено издать сборник поэзии — весь гонорар будет перечислен в этот фонд. Советские издательства выпускают ряд книг афро-азиатских литераторов на языках народов СССР.

На экзамен.

НА ПОРОГЕ

Через актовый зал, мимо статуи Владимира Ильича Ленина, абитуриенты идут в огромную аудиторию. Декан кафедры литературы и русского языка Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина профессор Степан Иванович Шешуков говорит теплые приветственные слова, потом объявляют темы для сочинения — и первый экзамен начинается!

Тихо шелестят страницы, неслышно шагают преподаватели-экзаменаторы, наблюдая за абитуриентами. А абитуриенты?! Одни быстро, не отрываясь, пишут, как говорится, на одном дыхании, другие делают в черновиках короткие заметки, а иные, отодвинув лист бумаги, сосредоточенно думают о чем-то. Впереди три астрономических часа, три часа, которые в какой-то мере решат судьбу сидящих здесь юношей и девушек.

— Темы у нас на этот раз нелегкие,— говорит доцент Маргарита Алексеевна Телешева.— От будущих студентов нужны не только знания, но умение самостоятельно и широко мыслить.

Поднимаемся на второй этаж. У дверей толпятся абитуриенты, поступающие на исторический факультет. Там, за дверью,— устный экзамен. А здесь?.. Тоже экзамен — на крепкую нервную систему!

— Только вышла из дому — и черная кошка дорогу перебежала,— сетует светловолосая девушка.

— Верить в черную кошку, как и в другие приметы, сны и тому подобное,— непростительное суеверие для будущего учителя,— отчитывает ее парень в солдатской гимнастерке.

— Тебе хорошо рассуждать здраво,— улыбается демобилизованный матрос.— Мы-то с тобой вне конкурса идем.

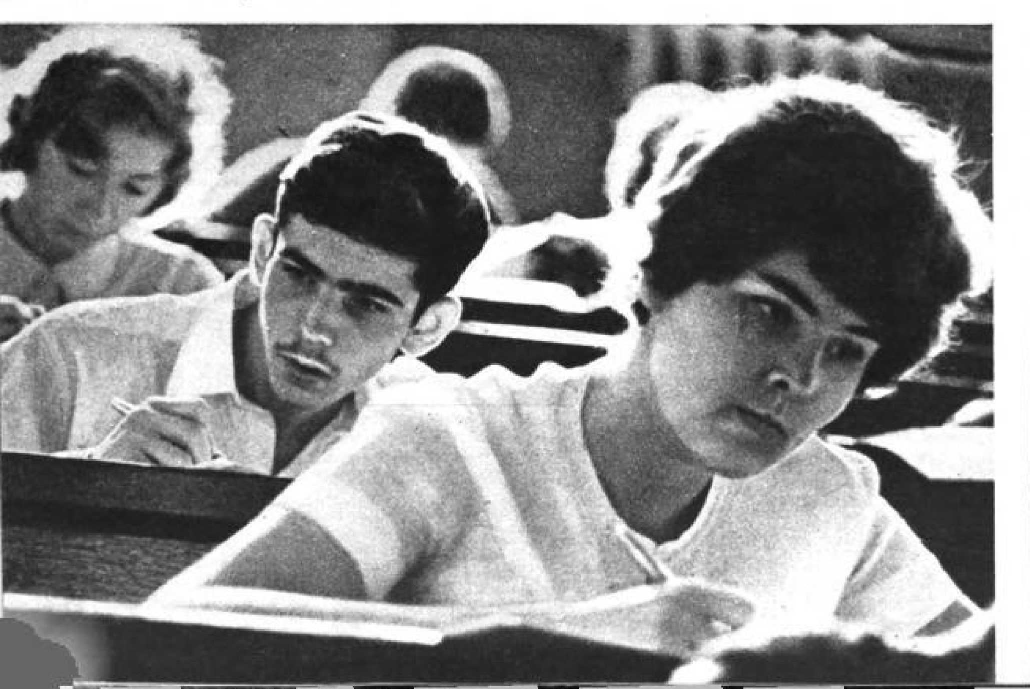
Медалистка Лида Терещенко из Московской области сдала экзамен по истории на «отлично». Пятерки получили Таня Зыкова и Таня Олех. Но есть и такие, которые не сумели сделать первый шаг к заветному порогу...

— Нынче очень много желающих поступить в наш институт,— рассказывает проректор института Федор Васильевич Герасин,— конкурс довольно суровый. Особенно много заявлений подано в группы, где готовят учителей для преподавания физики, химии, математики и других предметов на иностранных языках.

Впервые институт набирает студентов на факультет русского языка и литературы непосредственно в национальных республиках, в частности в Узбекистане. Приемная комиссия института работает в Ташкенте и там же принимает экзамены.

А. ГОЛИКОВ
Фото Б. Кузьмина.

Пишут сочинение.

Футбол продолжается

Три недели мир, связанный с Англией голубыми окнами экранов, следил за игрой лучших футбольных команд. Теперь восьмой тур борьбы за Золотую богиню стал достоянием истории, но впереди девятый тур, новая встреча, на сей раз в Латинской Америке, чьи команды потерпели столь неожиданный крах в Европе. Футбол продолжается. И, в сущности, VIII чемпионат мира еще не закончен. Состязание перенесено с полей стадионов в область исканий и творческих споров.

Редакция «Огонька» пригласила участников и очевидцев VIII чемпионата мира для того, чтобы обменяться впечатлениями, попытаться сделать хотя бы первые беглые выводы.

За редакционным столом встретились: один из лучших игроков нашей сборной, заслуженный мастер спорта Альберт Шестернев, заслуженные мастера спорта Николай и Андрей Старостины, редактор «Футбола» Мартын Мержанов, председатель бюро федераций пропаганды ЦС Союза спортивных обществ и организаций СССР Марат Шишигин, писатель Цезарь Солодарь, футбольные обозреватели Павел Михалев («Комсомольская правда»), Лев Филатов («Советский спорт»), Николай Тарасов (АПН) и другие.

Предоставляем им слово.

30 МИНУТ

А. ШЕСТЕРНЕВ

Чемпионат мира привлек всеобщее внимание. Игры смотрели зрители многих стран Европы. Подавляющее большинство матчей прошло в напряженной, увлекательной спортивной борьбе.

Лондонский футбольный чемпионат не первый для меня. Четыре года назад я был в Чили. Что изменилось с тех пор в тактике сильнейших? Тактическая система 4—2—4 находится в разработке, в движении. Как показала практика, большинство команд, взяв бразильскую систему за основу, находят свои варианты. Некоторые предпочитают расстановку футболистов на поле по схеме 4—3—3, другие — 5—2—3. Каждая команда строит

У НАС В ГОСТЯХ.

РУСТАВЕЛЕВЦЫ ДЕЛЯТСЯ СЕКРЕТАМИ...

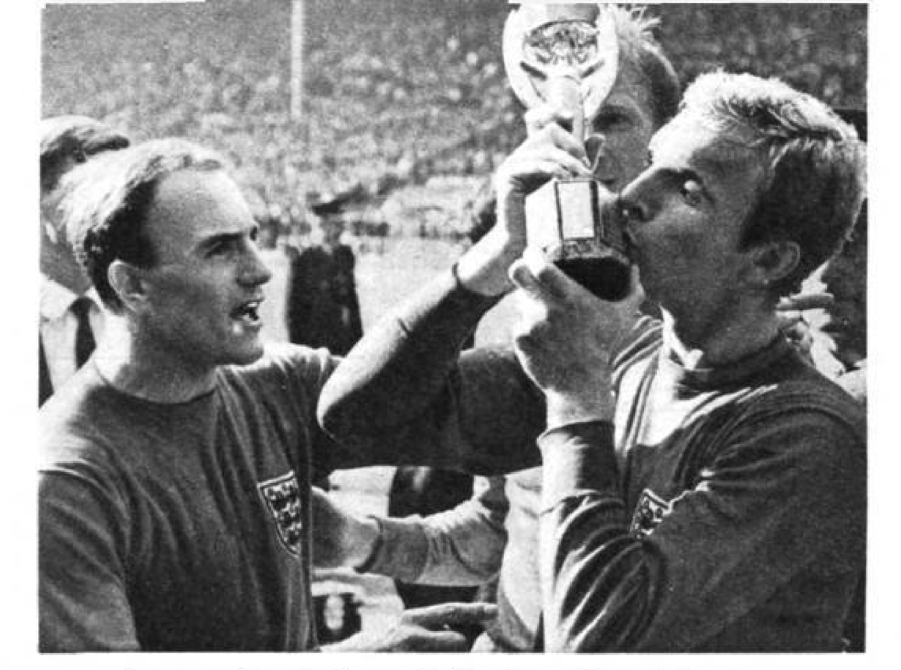
Богатый событиями год выпал для нашего гостя Серго Закариадзе.

Только что закончился Международный кинофестиваль в Карловых Варах, где артист был членом жюри. Прошла в Москве сессия Верховного Совета СССР, в работе которой он, депутат, принял участие. Завершена работа над новым фильмом «Встреча с прошлым». В сентябре народному артисту СССР предстоит поездка во Францию на премьеру фильма «Отец солдата», а в декабре — в Москву на гастроли с «Королем Лиром» и другими спектаклями. Не сегодня-завтра начнутся на «Мосфильме» съемки нового фильма «Далеко на западе» по сценарию Георгия Мдивани; Серго Александрович будет играть в этом фильме главную роль — полковника Абесадзе.

Крупный советский военачальник Серго Абесадзе действует глубоко в тылу врага. Старательно законспирировавшись, он изображает этакого добродушного, «контуженного» старика грузина. Однако тезке Закариадзе приходится в это самое время решать задачи огромной сложности и трудности: он готовит восстание, в котором примут участие тысячи пленных — югославы, чехи, итальянцы... Абесадзе воюет до последнего дыхания и погибает, не покорившись.

Зрители вновь увидят чудесного актера, лауреата Ленинской премии в картине, посвященной героизму советского народа, его интернациональным связям...

Серго Закариадзе, как и весь коллектив театра имени Руставели, где работает артист, готовится

Капитан сборной Англии Бобби Мур с Золотой богиней
Фото ЮПИ.

свою систему в зависимости от подбора людей. Это, конечно, определяет рисунок игры. Застоя нет. Лондонский чемпионат убедительно продемонстрировал, что футбол переживает интересную пору исканий.

Что же происходит в нашей команде?

Мы в последнее время играем по системе 4—2—4. В некоторых случаях характер игры несколько изменялся, в зависимости от состава. Например, полузащитник Г. Хусаинов играл, по существу, на месте левого крайнего. Мы считали, что так будет лучше для команды. Один из центральных нападающих, А. Банишевский, много маневрировал, часто «открывался» для передачи мяча слева. Мы рассчитывали на этот тактический прием.

У нас в распоряжении была хорошая информация о характере игры соперников. Зная заранее их состав, мы свою игру планировали в зависимости от этого. Был решен вопрос о том, как играть Валерию Воронину в том или ином матче. В игре с командами Венгрии и Португалии, у которых очень сильное нападение, он, например, действовал на месте центрального защитника.

Коллектив нашей команды очень дружный. Большинство игр в Англии проведено на высоком подъеме, с хорошим накалом. Ребята прониклись чувством большой ответственности, отлично помогали друг другу. Показательно, что, в частности, второй тайм напряженнейшей игры с Венгрией мы провели сильнее, чем первый. Большую роль сыграли здесь сплоченность и дружба.

Конечно, у нас не все было гладко, случались неудачи. Очень жаль, что в последнем матче большинство наших футболистов должно было играть с травмами. К сожалению, сказывалось сильное нервное напряжение.

Какие матчи были самыми трудными для нас?

Все игры были нелегкими. Однако, пожалуй, тяжелее всего было играть с замечательной венгерской командой. Это была наиболее драматическая и напряженная встреча. Столь же напряженно проходил матч и с командой ФРГ. Нападающие в команде Венгрии — игроки высокого класса, но и игроки в команде ФРГ тоже не нуждаются в комментариях.

Многих, я знаю, интересует, почему в матче с Португалией мы выбрали как бы защитный вариант. В этой встрече мы играли с четырьмя защитниками. Три на три — это риск. Решив обезопасить свои ворота, мы поставили лишнего игрока в защиту, зная, что у Торреса, обладающего очень высоким ростом (195 см), практически невозможно выиграть борьбу за верхние мячи. Торрес свободно «распределяет» мячи на штрафной площадке, в непосредственной близости у ворот. Четвертый защитник был обязан предупреждать эту опасность. Зная также высокий класс Эйсебио, который на этом чемпионате был одним из лучших нападающих, персональную его опеку поручили В. Воронину. Мы рассчитывали, что относительно слабая игра защитных линий португальской команды позволит нашим трем нападающим одолеть ее. К сожалению, случилось иначе. Мы проиграли встречу.

Вероятно, московские болельщики были разочарованы игрой итальянских футболистов. Команду Италии знают в Европе как одну из сильнейших. И то, что она не попала в четвертьфинал,— оплошность игроков и тренеров. В матче с корейскими спортсменами итальянцы допустили роковую ошибку: они были совершенно уверены в победе. Такая настроенность на легкую игру дорого им стоила.

У нас встреча с футболистами Италии прошла напряженно. Отлично действовали на поле М. Хурцилава и В. Воронин. Нам удалось «закрыть» наглухо ключевые связи итальянского нападения. Их сильнейший нападающий Маццола остался, по существу, в одиночестве. Сейчас, вспоминая игру, мне кажется, что наша встреча со сборной Италии была, пожалуй, наиболее тактически зрелой, грамотной.

Но самой интересной и напряженной была все-таки встреча с командой Венгрии. Это был четвертьфинальный матч. Мы впервые стояли на пороге полуфинала.

Тридцать минут второго тайма в игре с венграми никому из нас не забыть. Это была кульминация, самая высшая точка напряжения, которое мы пережили в Англии. Казалось, еще немного — и мы бы не устояли на ногах! После игры никто из нас не мог сказать ни слова в ответ на поздравления с победой.

ВЕРНУТЬ ФУТБОЛУ МУЖЕСТВО

Н. СТАРОСТИН

Меня наше четвертое место в какой-то степени радует, но в восторг не приводит. И скажу, почему. Совсем недавно мы выигрывали у футболистов ФРГ, и нам казалось, что и у англичан особенно учиться нечему. Не знаю, как это произошло, но за последнее десятилетие мы стали радоваться тому, что раньше нас бы попросту не удовлетворило.

Я думаю, что возможности советского футбола, если разобраться спокойно и объективно, отнюдь не меньшие, чем возможности немецкого или английского. И хоть четвертое место после неудач, которые были у нас в Швеции и Чили, в какой-то мере успокаивает, но все-таки это не тот шаг по своей широте, который должен был сделать наш советский футбол.

Одна из причин того, что этот шаг не сделан, заключается в том, что тренер сборной наделяется у нас почему-то диктаторскими полномочиями и пренебрегает советами своих коллег. Кончается эта диктатура тем, что тренер сборной снимается и его место занимает другой полновластный хозяин. Вот это шараханье из стороны в сторону и не дало возможности нашему футболу удержаться на тех высотах, к которым он уже подходил.

Мешает нам и то, что мы разучились ценить собственные знания и традиции. Спад в нашем футболе образовался в связи с тем, что мы занялись копировкой чужого мастерства, чужих тактических систем. Англичане дали нам предметный урок: они не копировали бразильцев, не брали на вооружение массированной обороны латиноамериканского образца и победили оружием, на котором написано: «Сделано в Англии».

Если бы мы придерживались такого же направления, у нас было бы более достойное место на чемпионате. Ведь в национальном характере нашего советского футбола — риск, атака, темп, вера в себя и в победу.

В последнее время, приглядываясь к нашей футбольной смене, я с большой тревогой наблюдаю исчезновение храбрых игроков. Мы все чаще начинаем отводить игроков из сборной по такой мотивировке: «он испугается», «он боится» и т. д. Ни для кого не является секретом, что в физически тяжелой борьбе мы не можем рассчитывать на Банишевского, на многих других. По этой же причине не был включен в игры на чемпионате и такой способный молодой нападающий, как Маркаров.

Слабость духа несовместима с футболом. И это чувствуют зрители. Все чаще и чаще самые верные приверженцы футбола теряют интерес к игре.

Главный вывод из чемпионата для нас такой: вернуть нашему футболу агрессивность, риск. Надо научить наших ребят, и притом начиная с десяти лет, быть на поле напористыми, храбрыми людьми. Только тогда футбол будет интересным зрелищем. Зрителей захватывают не отдельные технические трюки, а настоящая борьба.

(Окончание в следующем номере.)

к торжественному празднованию руставелевских дней в Тбилиси. А ведь не только Тбилиси будет отмечать большую дату!.. И тем легче понять, каково сейчас руставелевцам.

— Выбирая пьесы к юбилею,— рассказал нам еще один наш гость, директор театра имени Руставели Дориан Кития,— театр решил подготовить «Витязя в тигровой шкуре». Работал над литературной композицией поэт Реваз Эбралидзе. Театр хочет, чтобы это была незаурядная, запоминающаяся постановка, где примет участие целиком вся труппа. Готовят постановку режиссеры Арчил Чхартишвили и Михаил Туманишвили, им помогают Гизо Жордания, Роберт Стуруа, Нана Хатискаци. Оформляет необычный спектакль главный художник города Отар Литанишвили; музыка — композитора Арчила Чимакадзе. Текст от автора будет читать Серго Закариадзе.

К празднествам, — продолжал Д. Кития,— мы готовим не только эту премьеру. Театр покажет свои лучшие постановки на специальной декаде.

ОГОНЬКОВЦЫ ВСТРЕЧАЮТСЯ С ЧИТАТЕЛЯМИ

На днях в литературно-музыкальной гостиной Измайловского парка культуры и отдыха состоялась встреча читателей «Огонька» с сотрудниками и авторским активом журнала.

Заместитель главного редактора И. Стаднюк во вступительном слове представил собравшимся всех участников встречи.

Дагестанский поэт Муталиб Митаров прочитал несколько своих стихотворений на родном и русском языках.

Об искусстве Африки рассказал корреспондент «Огонька» А. Сербин, показав зрителям одну из ритуальных деревянных масок, сделанных искусными руками африканских мастеров.

Во встрече приняли участие поэты Гарольд Регистан, Людмила Шикина, писательница Варвара Карбовская, главный художник журнала И. Долгополов, корреспондент «Огонька» О. Куприн и фоторепортер Г. Копосов.

Интерес у слушателей вызвали выступления корреспондента АПН Н. А. Тарасова и писателя-сатирика Ц. Солодаря, рассказавших о своей поездке в Англию на чемпионат мира по футболу.

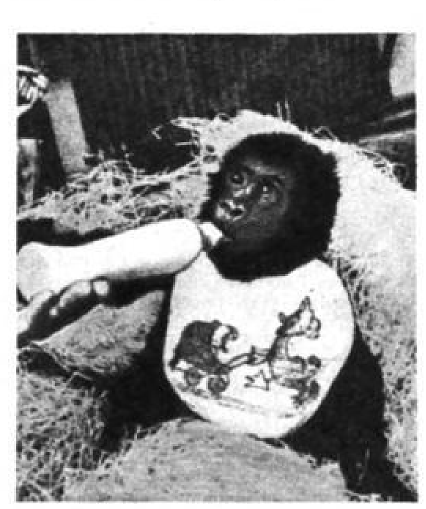
СЕЙЧАС-ТО ОНИ БЕЗОБИДНЫЕ...

Вот уже 18 лет охотник И. Р. Колодич из села Блажевое, Ровенской области, охотится на волков. Он большой мастер разыскивать их логова и хорошо знает повадки хищников. На счету охотника уже 48 уничтоженных зверей. Недавно Иван Романович нашел волчий выводок в урочище, которое находится недалеко от его села. В нем оказалось четыре маленьких хищника.

А. ДРОЗДОВ

НА АППЕТИТ НЕ ЖАЛУЮСЬ

За завтраком — трехмесячный гориллёнок Биби. Трогательным вниманием окружили его научные сотрудники копенгагенского зоопарка: ведь Биби родился в неволе, а это у горилл случается редко. Сейчас Биби подрос и уже может есть без помощи взрослых.

8 СУТОК НА КАНАТЕ

Французский цирковой артист Анри балансировал на канате длиной в 1 100 метров, протянутом над искусственным озером, 190 часов.

ШТРАФ ЗА СОН

Муниципалитет одного английского городка вблизи Ливерпуля принял решение штрафовать на пять фунтов стерлингов каждого посетителя местной читальни, если тот заснет за чтением газет и журналов.

ЧЕРЕПАХИ В АЭРОПОРТУ

В лондонский аэропорт прибыл багаж, в котором было 6 тысяч черепах. Животных выписала одна бирмингемская фирма, впоследствии отказавшаяся от заказа. Завязалась тяжба. А пока суд да дело, черепах поместили в пустом складе.

ПРАПРАПРАБАБУШКА

На фото изображено шесть поколений одной семьи, живущей в Швеции. Снимок сделан в день рождения Вильгельмины Ларссон, которой исполнилось 92 года.

Вильгельмина Ларссон пригласила на торжество свою дочь Анну Петерссен (73 года), дочь Анны — Нанни Толандер (55 лет), дочь Нанни — Марию Эриксон (39 лет), дочь Марии — Анну (21 год) и ее грудного сына — Иоакима.

Забавные мелочи забавные

Архимед и общепит

Фельетон

Юрий РЫТОВ

Шесть часов вечера. Я стою в самом центре Новосибирска, на Красном проспекте, у главного (и, по-моему, единственного) городского фонтана. Куда пойти? Разумеется, прежде всего нужно пообедать,— днем это мне не удалось.

Ресторанов в центре — три. У дверей одного из них длинная очередь. Не повезло. Та же сцена у дверей второго. Наконец удается проникнуть в третий. Ага, вот свободный столик. Невероятно: сразу подходит официантка.

— Добрый вечер...

Это произнес, разумеется, я.

— Сколько вас?

А это произнесла, разумеется, она. И, оценив наметанным глазом перспективность дальнейшего расширения компании, объявила:

— Пересядьте за другой стол. Мой уже заказан.

К счастью, освободился соседний стол. Им командовала другая официантка — убирала бутылки. Она ничего не сказала мне, когда я пересел. Она просто начала разговаривать сама с собой.

— Удивляюсь,— говорила она сама себе,— почему люди не хотят сидеть за чистой скатертью. Так и прутся за грязный стол. Да еще поодиночке.— Наконец она обратилась непосредственно ко мне:— Обслужу вас, гражданин, когда будете в комплекте.

Я не сразу понял, что это значит. Но позже все-таки понял. Официантка сразу объявилась снова, как только ко мне подсели трое изрядно подвыпивших мужчин. Пока она принимала заказ (естественно, сначала у соседей), я с грустью размышлял о том, почему всевышний, создавая человека, не продумал всех аспектов общественного питания. Почему несинхронно движутся челюсти у едоков. Почему одинокие особи не всегда объединяются перед входом в ресторан в небольшие стада. Почему у людей разные вкусы. Словом, почему человек создан не так, как это было бы удобно официантам.

Размышлять, однако, на этот раз мне довелось недолго. Быстро выпив бутылку водки, мои соседи решили втянуть меня в общую беседу.

— Коля, я тебя поцелую,— сказал мне один из них, самый пьяный.

— Я не Коля,— робко пытался уклониться я от оказанной чести.

— Тем более,— резонно отметил пьяный, потянулся через стол и опрокинул мне на колени соусник. После этого меня долго ругала официантка: оставаться в ресторане в перепачканных соусом брюках я не мог, и ей пришлось отменить заказ. Кроме того, комплектность едоков снова была разрушена.

В гардеробе меня ожидал еще один сюрприз. Подавая шляпу, гардеробщик полил ее изнутри цветочным одеколоном «Фиалка». Мне совсем не хотелось благоухать на улице фиалкой, и я выразил протест.

— Нигилист! — ядовито усмехнулся гардеробщик.— Порядков не знает...

На оскорбление я ответил оскорблением — положил на прилавок гривенник.

И вот я снова на улице, у главного (и, по-моему, единственного) городского фонтана. Соус засох, одеколон испарился. Что делать дальше?

В двух шагах от меня новое кафе «Эврика». Это — модное молодежное кафе так называемого полузакрытого типа: с выступлениями местных поэтов, легким вином, джазом три раза в неделю и пригласительными билетами по тридцать копеек.

Однажды один из посетителей, изрядно назюзюкавшись этого самого легкого вина, записал в книге отзывов и предложений:

«РАБОТНИКИ ПИТАНИЯ! ОПУСТИМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ЦЕНТР В ЖЕЛУДОК!»

Администрация кафе, как и следовало ожидать, чутко отреагировала. На следующей странице книги появился такой оригинальный ответ:

«Уважаемый посетитель!

Проводя планерное совещание с работниками кухни и зала, содержание вашего заявления (пожелания) доведено до сведения».

Можно пожалеть работников кухни и зала, у которых явно отсутствует чувство юмора. Однако, оказывается, они не могут пожаловаться и на избыток воображения. И это редкое сочетание породило следующую занимательную переписку.

Отзыв в книге:

«Если бы Архимед был сейчас жив, он в этом кафе никаких открытий бы не сделал. Открытий здесь нет: а) в обращении, б) в обслуживании, в) особенно в приготовлении пищи».

Ответ администрации:

«Уважаемый тов. посетитель! Ваше заявление просмотрено. По существу поставленных вопросов поясняю, а именно:

во-первых, открытий мы никаких не делаем, а притом по роду работы нам не положено;

во-вторых, при изложении подобных фактов желательно писать конкретно, что требует данная обстановка и текущий момент;

в-третьих, вы просто увлеклись романтикой».

Дав суровую отповедь зарвавшемуся клиенту, администрация благосклонно пообещала:

«Остальные ваши замечания (?!) будут учтены».

Однако вопреки обещанию, ничто учтено не было. Лица, имевшие неосторожность увлечься романтикой в виде яичницы с колбасой, все чаще писали жалобы.

Данная обстановка и текущий момент требовали, чтобы официантки не грубили, чтобы еда была вкуснее, чтобы таковая вообще была.

Эти требования посетителей вынудили администрацию применить гибкую тактику обращения с ними. Самых юных угощали стихами. А так как местные поэты бывали в «Эврике» скорее символически, нежели фактически, их стихи напечатали на машинке и прикрепили кнопочками к стене. Клиентов чуть постарше ублажали легким вином и твистом (последним — трижды в неделю). Серьезным посетителям давали шашки. А самым пожилым и нервным субъектам предлагали сыграть в шахматы. И только злополучная яичница никак не появлялась на столах в удобный для гостей срок.

Жалоб становилось все больше и больше.

«Еще нигде не обедал я так, как в «Эврике»,— записал недавно один из посетителей.— То есть не пообедал вообще. Просидел за столиком сорок пять минут, официантка так и не подошла. Обеденный перерыв между тем закончился, и я отправился на работу».

ГРАФ МОНТЕ-КРИСТО — КЕМ ОН БЫЛ?

Известный всему миру роман «Граф Монте-Кристо» основан на реальных событиях. Большую часть эпизодов этого романа Александр Дюма позаимствовал из подлинной истории, рассказанной в мемуарах сотрудника парижской полиции некоего Жака Пеше. Там мы находим под их подлинными именами героев романа Эдмона Дантеса, аббата Фариа, Мерседес, Кадрусса и других. Только конец этой истории в романе подвергся изменению.

История, вдохновившая Дюма, началась в 1807 году. Простой сапожный подмастерье по имени Франсуа Пико намеревался жениться на красивой девушке. Маргарита Фижеру была к тому же не только красива, но и богата: ее приданое оценивалось в сто тысяч франков, что равняется сейчас многим миллионам франков. Свадьба эта не давала покоя сопернику Пико, вдовцу-трактирщику Матье Лупио, который безуспешно ухаживал за девушкой. Лупио решил расстроить брак. Он написал начальнику императорской полиции герцогу де Ровиго донос на Франсуа Пико, обвиняя его в соучастии в заговоре, имеющем целью вернуть на престол Бурбонов. За три дня до свадьбы, к великому отчаянию Маргариты, жениха арестовали. С тех пор много лет о нем ничего не было слышно.

15 февраля 1815 года в Париж приехал некий Джозеф Люшер. Под этим именем скрывался не кто иной, как Франсуа Пико, которому восшествие на престол Людовика XVIII открыло ворота крепости Фенестрель в Пьемонте. Никто не мог узнать в элегантном и явно богатом человеке скромного «холодного сапожника», жениха Маргариты Фижеру. Годы, проведенные в тюрьме, закалили его и, как ни странно, сделали богатым.

В Фенестреле Пико подружился с неким священником из Милана, аббатом Фарина (в романе он Фариа), которого заключили в тюрьму по политическим мотивам. На смертном одре Фарина завещал Пико большое наследство: 8 миллионов франков в недвижимом имуществе, два миллиона драгоценностями и три миллиона золотом. Эти сокровища были спрятаны не на острове Монте-Кристо, а в другом месте, которое аббат указал Пико.

После своего освобождения Пико первым делом раздобыл сокровища, а затем посвятил себя выполнению плана: снова найти Маргариту и наказать всех, кто был повинен в его аресте. Он узнал, что красавица Маргарита, «два года проплакав», вышла затем замуж за Лупио, трактирщика-доносителя. Маргарита была уже матерью двух детей, а ее муж приобрел за это время одну из самых роскошных парижских гостиниц.

Пико требовалось доказательство того, что он был оклеветан. И вот он едет в Ним, где приятель Лупио, некий Аллю, содержал скромный заезжий двор. Пико явился к нему в сутане под видом бывшего священника тюрьмы в Фенестреле (в книге он аббат Бузони) для того якобы, чтобы выполнить последнюю волю Франсуа Пико. Он сказал Аллю, что Пико поручил ему перед смертью узнать имена виновников его ареста, и повертел перед глазами трактирщика и его жены изумительным бриллиантом.

— По воле, высказанной Пико,— сказал священник,— этот бриллиант будет принадлежать вам, если вы сообщите мне имена презренных людей, вам известные.

Трактирщик ответил:

— Донес Лупио. Помогали ему в этом бакалейщик Шобро и шапочник Солари.

Аллю получил драгоценный камень и тут же продал его, купив на эти деньги богатую виллу. Но затем, узнав, что ювелир продал бриллиант за 107 тысяч франков, уплатив ему за него всего 65 тысяч, Аллю почувствовал себя обманутым. Он заколол ювелира и бежал за границу.

Люшер-Пико, получив нужные ему сведения, вернулся в Париж и нанялся официантом в роскошном ресторане Лупио. Там он увидел не только свою бывшую невесту, но и Шобро и Солари, соучастников Лупио. Однажды вечером Шобро не явился в ресторан, чтобы по обыкновению сыграть с хозяином партию в домино. Его труп нашли с кинжалом в сердце. На рукоятке была выгравирована надпись: «Номер один».

С тех пор на семью Лупио начали обрушиваться несчастья. Его дочь от первого брака, шестнадцатилетняя красавица, была совращена неким денди, принцем де Корлано. Чтобы избежать скандала, решили быстро устроить свадьбу. Но жених исчез. Затем пришло письмо из Испании, что этот «принц» — беглый каторжанин. Нет сомнений, что им был сам мститель.

Лупио вынужден увезти свою заболевшую жену в деревню. И в это время пожар уничтожает ресторан и богатую квартиру Лупио. К разорению добавляется позор: сын Лупио, сбитый с пути друзьями-кутилами, был уличен в сокрытии краденого и приговорен к двадцати годам каторжной тюрьмы.

Лупио находится на грани помешательства. Его жена в начале 1820 года умирает от горя. И вскоре затем ночью является к нему человек, укутанный в черное:

— Я Франсуа Пико, которого ты бросил в тюрьму и у которого украл невесту. Шобро я заколол, Солари отравил, твою дочь обесчестил, сына довел до каторги. Ты — номер три.

Сраженный кинжалом умер и главный виновник сговора.

Но в тот момент, когда Пико намеревался бежать, его схватил трактирщик Аллю, давно уже узнавший в Люшере мстителя Пико и ставший свидетелем его мести. В качестве цены за свое молчание Аллю потребовал от Пико половину его состояния. Хотя Пико мог бы и на оставшиеся средства прожить так же роскошно, как граф Монте-Кристо, он отказался удовлетворить домогательства Аллю. Шесть дней спустя тот убил Пико и бежал в Англию.

В 1828 году, когда Аллю почувствовал приближение смерти, он позвал французского священника, которому во всем исповедался. Он просил его показания сообщить парижской полиции. Таким образом, подлинная история кончается не так красиво, как в романе Александра Дюма.

А. МАРИИНСКИЙ

Меня постигла точно такая же участь. Потеряв сорок пять минут, я снова оказался на улице.

Решил идти в столовую. Днем эта операция наверняка закончилась бы провалом: либо очереди большие, либо столовая закрыта на обед. Но вечером можно попытаться.

Столовая называлась поэтично: «№ 4 НОД № 3 Западно-Сибирской ж. д.». Несмотря на это, я рискнул зайти.

Кроме меня, здесь была лишь одна посетительница. Старушка с большим мешком стояла у меню, прикрепленного к стене. Сделав выбор, она вынула из буфетной стойки «сыр голландский первый сорт» и налила стакан чая. Потыкав в сыр вилкой, попросила буфетчицу:

— Мне бы ножичек...

— Уже два года не держим.

Затем наступила моя очередь.

— Не портите зрения, гражданин,— посоветовала буфетчица.— В меню смотреть нечего. Остались одни котлеты.

На центральном вокзале, простояв всего-навсего минут пятнадцать в очереди, я съел четыре пирожка с ливером по семь копеек каждый и отправился домой. Наступала ночь.

Впрочем, пусть читатель не очень расстраивается. Не так уж плохо общественное питание в Новосибирской области. В соответствующем управлении облисполкома мне разъяснили: план в целом по управлению выполнен досрочно. Только в последние месяцы случаи нарушений калорийности снизились на два процента. За первый квартал в 15 ресторанов области, 401 столовую, 16 закусочных, 24 домовых кухни, 12 кафе и 1 (одну!) чайную поступило 3 500 благодарностей и 190 жалоб.

О наивные жрецы пустопорожней статистики, простодушные рыцари надуманных процентов! Как часто еще высоченные заборы цифр закрывают вам живое дело!..

обменялись уколами...

штрафной...

СПОРТИВНЫЕ ТЕРМИНЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ НЕКОТОРЫХ РАДИОБОЛЕЛЬЩИКОВ:

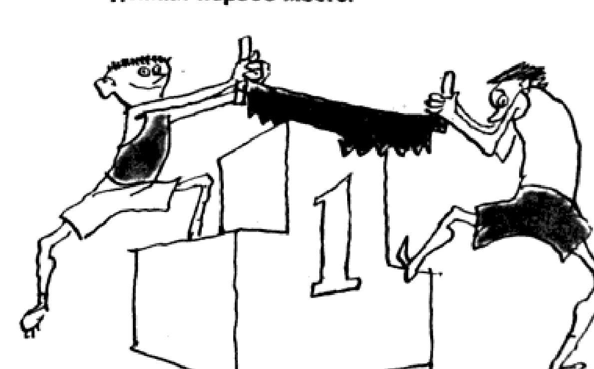
Рисунки Ю. Черепанова.

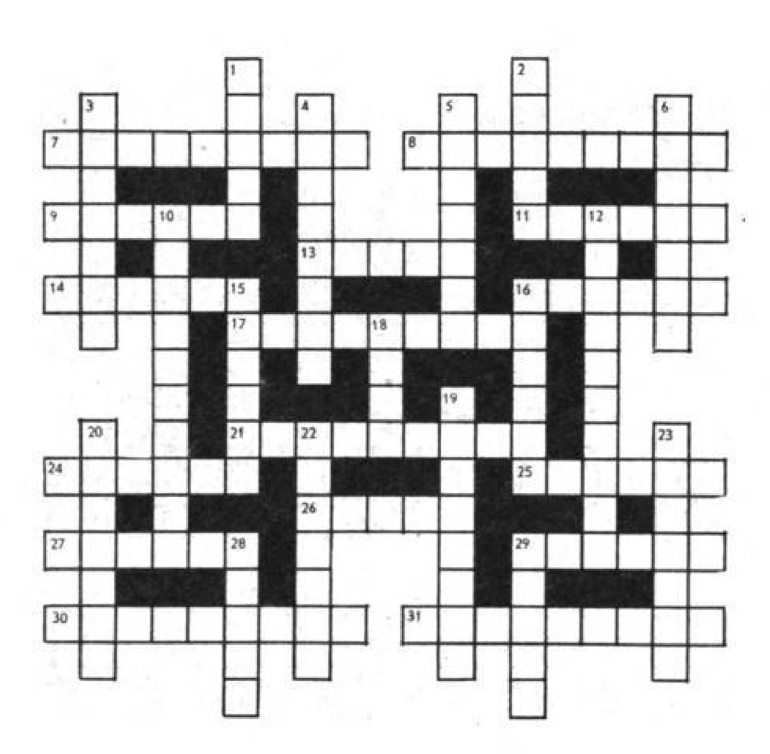
потерял качество...

поделили первое место.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Автор балета «Спартак». 8. Система счета времени. 9. Промысловая рыба. 11. Полярная птица. 13. Деталь кривошипного механизма. 14. Вид изобразительного искусства. 16. Красящее вещество. 17. Спортивные соревнования. 21. Курорт в Ставропольском крае. 24. Немецкий ученый, создавший классификацию горных пород и минералов. 25. Кухня на корабле. 26. Дипломатический ранг. 27. Порт в Италии. 29. Опера Ж. Бизе. 30. Графическое изображение соотношения величин. 31. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души».

По вертикали:

1. Духовой инструмент. 2. Эстрадная пьеса шутливого содержания. 3. Танец. 4. Автор картины «Свадебный поезд в Москве». 5. Эфиромасличное растение. 6. Тип изделия, товара. 10. Река в США. 12. Прибор для измерения времени. 15. Подставка для лампы. 16. Ткань. 18. Чертеж местности. 19. Русский химик. 20. Отрасль медицины. 22. Музыкальный интервал. 23. Приток Енисея. 28. Бразильский писатель. 29. Денежная единица Чехословакии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали:

4. Горихвостка. 9. Мотель. 10. Лозьва. 12. Фреза. 14. Шифер. 17. Октет. 18. Маргарита. 19. Строп. 21. Сазан. 22. Верещагин. 23. Уравнение. 25. Анион. 27. Сорок. 29. Одуванчик. 30. Сцена. 31. Отлив. 32. Сюжет. 34. «Звезда». 36. Аспект. 38. Архитектура.

По вертикали:

1. Форе. 2. Гватемала. 3. Сказ. 5. Ильф. 6. Сула. 7. Болеро. 8. Свекла. 11. Лиственница. 13. Серафимович. 15. Караганда. 16. Сталактит. 20. Пущин. 21. Синус. 24. Оранжерея. 26. «Огниво». 28. Оптика. 32. Сари. 33. Такт. 35. «Заря». 37. Парк.

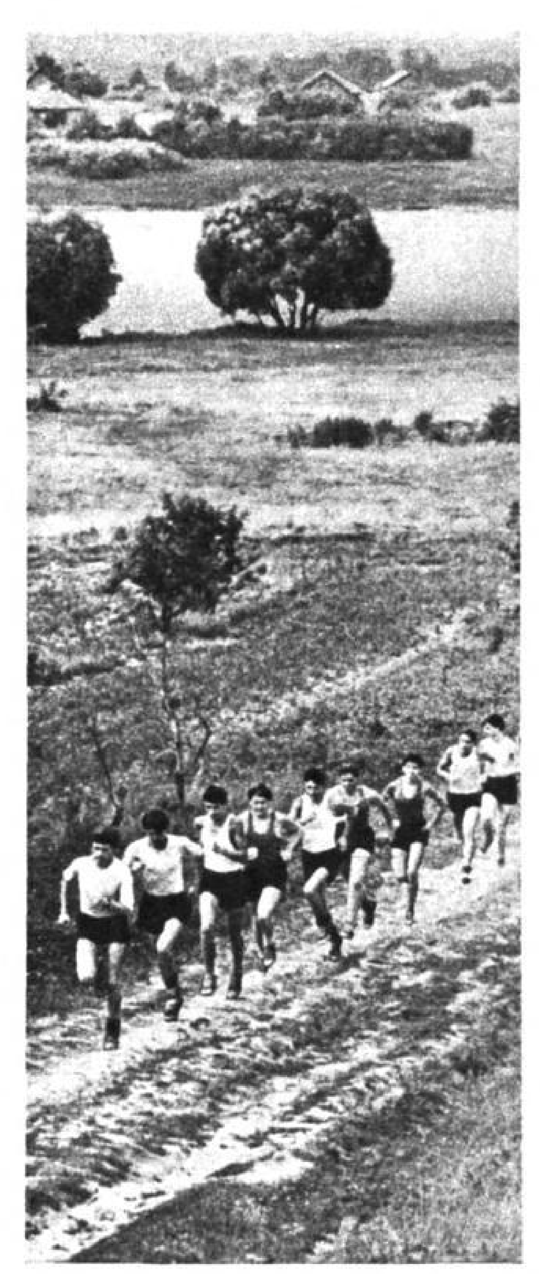
На первой странице обложки: Взлет... (См. в номере корреспонденцию «Самолет по-ракетному»).

Фото Г. Макарова.

На последней странице обложки: Играем в волейбол (см. в номере «Селигер, Селигер, Селигерище!»).

Фото Л. Бородулина.

ЛАГЕРЬ ЮНЫХ

В подъем, не снижая скорости!

До последнего времени нам были известны лагеря пионеров, туристов, изыскателей, солдат, альпинистов, а теперь вы имеете возможность познакомиться еще с одним лагерем — богатырей. Да, да, самых обыкновенных богатырей в возрасте от девяти до семнадцати лет. Вот они перед вами, бегут себе как ни в чем не бывало. Позади утренняя прохлада водохранилища, дорога ведет в подъем. Это нелегко—бежать в подъем. Но таков уж спортивный устав: не избегать трудностей, а, наоборот, искать их.

По такому уставу и живут в своем лагере юные богатыри. В семь утра, как только прозвучит над палатками сигнал подъема, они смело устремляются навстречу трудностям. Как можно лучше, не жалея себя, сделать зарядку. Выкупаться. Позавтракать. Совершить поход или провести тренировку с настоящей нагрузочкой. Потрудившись до седьмого пота на свежем воздухе, пообедать... И вот не успеешь оглянуться, как промелькнул день.

Но кто они, счастливые жители этого лагеря? Да самые обыкновенные мальчишки и девчонки из Пролетарского района Москвы, а еще точнее—воспитанники районной детской спортивной школы ДСО «Юность».

Три года тому назад председатель районного совета ДСО «Юность» В. Н. Ашмарин привез на опушку соснового леса своих питомцев, и с тех пор эти места около деревни Тишково, Пушкинского района, стали резиденцией маленьких гимнастов, баскетболистов и волейболистов.

Задача спортивного лагеря была сформулирована так: приумножить летом то, что достигнуто зимой. И вот с помощью предприятий Пролетарского района столицы на опушке соснового бора и возник палаточный городок, построены были здания столовой, кухни, спортивные площадки, гимнастический городок.

В спортивном лагере отдыхают 250 ребят. 12 тренеров проводят занятия. Тренируются ребята три раза в неделю, а остальные дни посвящены походам, играм.

Детский спортивный лагерь живет своей будничной богатырской жизнью.

В. ЯКОВЛЕВ

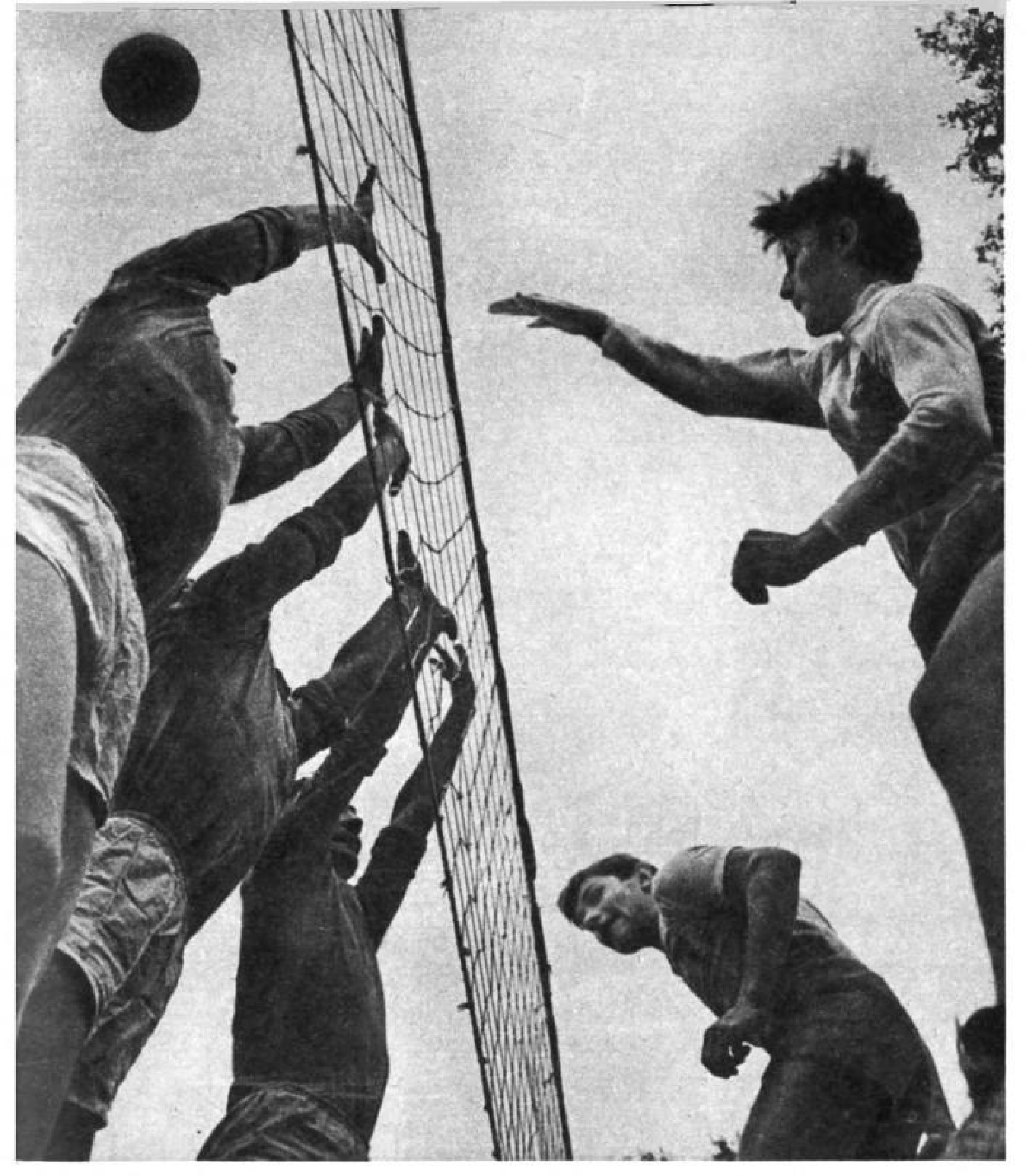
Юра Абрамов убежден, что солнце, воздух и вода — его лучшие друзья.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

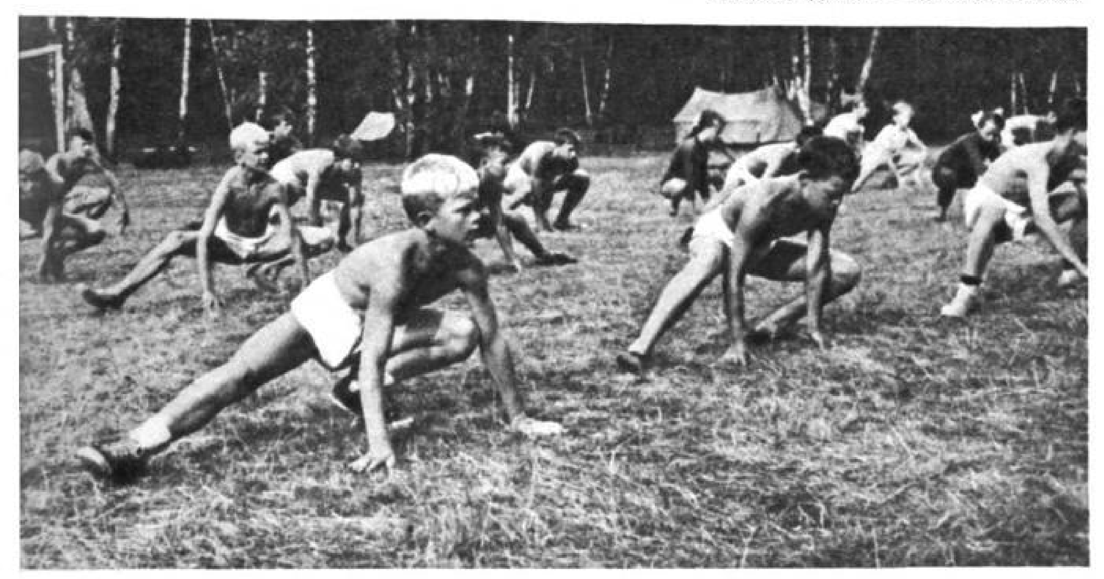
Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление А. КОВАЛЕВА.

Тройной блок. Фото А. БОЧИНИНА.

БОГАТЫРЕЙ

Закон зарядки — не жалеть себя.

Веселый перестук мячей.

Валерий Смирнов сам когда-то учился в детской спортивной школе Пролетарского района. Потом он пошел учиться в Московский институт физкультуры. И вот теперь вернулся в родную школу тренером по гимнастике.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10672. Подписано к печати 10/VIII 1966 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 2176. Тираж 2 000 000. Изд. № 1359.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663